

2 КНИГА 2
Дети и короля

Вероника Стальная

ИМПЕРИЯ
ПЕСКОВ

“Второй бастард императора”, “Ученик палача” — это не все маски, которые придется сменить для достижения цели. Когда надежда вернуться домой тает на глазах, лишь жажда мести поможет взять себя в руки. Игра началась, и Бес придется принять её жестокие правила. Искусно лгать, вновь примерить на себя женское обличье и не сломаться.

Сложно ли разгадать чужую головоломку, когда слабость заставляет искать поддержки у собственного кукловода, а старый друг носит родное лицо, но чужое имя?

Совершив ошибку, ты рискуешь оказаться в цепях.

Глава 0. Вместо пролога

Несколькими днями ранее

Во дворце все готовились к свадьбе. Лис был убежден: даже если мир вокруг начнет плавиться и гореть, а с неба посыплется черный пепел, это не нарушит неизменный ход вещей. Слуги продолжают носиться из стороны в сторону, выполняя приказы господ, пока те, вкушая на завтрак заморские деликатесы, будут выбирать наряды на предстоящий прием и смаковать на языке горячие сплетни. “Что это за окном? Неужто песчаный бог пробудился и готовит для смертных свой страшный суд? Ах, право слово, какие пустяки, он затронет лишь бедных!”

В такие моменты внимание знати обострялось. Глаза у стен обретали безмерную зоркость, а уши могли различить даже жужжание мухи в другом конце здания. Иногда это забавляло Лиса, но в последнее время все больше тяготило. К тому же, сейчас было не лучшее время, чтобы привлекать к себе внимание, поэтому он предпочел кочевать по знакомым и по “веселым домам”, двери которых всегда будут открыты, если у тебя есть деньги.

Однако на всех торжественных мероприятиях Лису полагалось присутствовать. Он уже успел позабыть как это муторно — играть на публике хорошего мальчика, делать вид, что хоть что-то из себя представляет и, несмотря на все заслуги, оставаться ничтожеством в чужих глазах. Это раньше, будучи ещё совсем юным, Лис думал, что, если станет полезным для семьи, на него будут смотреть по-другому, но прошло несколько лет, он занялся изучением Шиа, начал эксперименты, а взгляды так и остались прежними. “Посмотрите, это тот самый “пустой” отпрыск императора? Говорят, что он ещё и безумен! Целыми днями пропадает в своих подземельях!”

Затем пришло понимание — единственное, что всегда остается важным — это ты сам. Лис прекратил лезть из кожи вон, чтобы понравиться окружающим, и в конечном итоге это поняли и остальные. Они больше не могли его уколоть.

Дисмаль же любил красоваться на фоне собственного близнеца, особенно когда где-то рядом отирался Карающий. Тот всегда в глазах отца выглядел безупречным, и Дис, вставая рядом со своими братьями, будто безмолвно отвечал ему: “Посмотри, я все равно останусь лучшим из них. Бастард, сопливый мальчишка и этот... лишенный всяческой силы! У тебя нет выбора, отец”

Вздорный, избалованный вниманием, Дисмаль всегда знал, что трон достанется именно ему, но все равно не смог примириться с мыслью, что не единственный.

Говорят, что между близнецами есть особая связь. Ложь. Лис никогда не чувствовал ничего по отношению к брату. Невидимую нить между ними обрезали ещё при рождении. После того как старший перетянул способности, которые они должны были делить на двоих, младший успокаивал себя лишь тем, что мозги Дисмаль все-таки прихватить забыл.

Ума ему хватало лишь на то, чтобы использовать брата, вынужденного зачищать следы, оставленные его необдуманными действиями. Лис проклинал тот день, когда оказался в должниках у наследника. Отплачивать за спасение таким способом он долго не собирался.

Грязной работы парень никогда не страшился, но подчиняться чужим приказам не позволяла гордость. Каким бы бездарным ни был принц, статус ещё оставался при нем. Пока оставался. Кем он станет, когда брат сядет на трон?

Нет, Дисмаль не отправит его на плаху, оставит при себе, но воздух перекроет. Лис уже сейчас чувствовал его недостаток.

Решение, что в семейные дела все-таки стоит влезть, он обдумал давно. Никакие родственные узы не помешают забрать то, что принадлежит ему по праву.

Хитрый Лис, ходячее несчастье, безумец и шут. Кто будет обращать на него внимание, когда во дворце появилось новое лицо?

Лис затаился. Отец на старости лет видно совсем сошел с ума, если признал какого-то мальчонку. По сути, принцу было на это плевать, он с давних пор рассчитывал лишь на себя, и паренек не встанет у него на пути. Но любопытство... Пожалуй, чтобы посмотреть на перекошенную рожу Дисмаля, он даже сможет выдержать его общество чуть дольше.

Во дворец принц заявился ночью, аккуратно за пару дней до помолвки отца. Любви к внезапным появлениям ему было не занимать. Переполошив слуг, Лис добрался до своих покоев в состоянии легкого подпития. Фальшивого естественно, но остальным не обязательно знать, что последнее время он проводил отнюдь не за развлечениями.

— Доложите Его Величеству, что я готов предстать его очам! Когда-нибудь... Утром. Нет, к обеду! — Сообщил он своре надоедливых слуг, шлейфом тянувшейся за ним по пятам, — Потом, пожалуй, нанесу визит новым родственникам. Откуда их столько наплодилось? А сейчас я хочу, чтобы мне набрали ванну. Принесите вина и подготовьте свежий наряд, хочу навестить любимых кошечек...

Лис сбросил с себя верхнюю одежду, оставшись в одних шароварах, подхватил у миловидной рабыни услужливо поданный бокал, и расслабленно развалился на софе. Девушка опустила взгляд, чем изрядно его позабавила. Она так очаровательно смущалась, что принцу сразу захотелось ей подмигнуть... Подарок Дисмаля. Должно быть, ей было приятно находиться в собственности Лиса после того, как она уже успела побывать в лапах другого. В отличие от брата, рабынь он не мучил, попросту не обращал на них внимания.

Эта птичка была на удивление хороша, но... Тоже его не прельщала, и возможно именно она напела Дисмалю, что новый хозяин наконец изволил появиться у себя, иначе брат не заявился бы к нему на порог спустя жалкую четверть часа.

— Всем вон, — велел наследник, без стука распахнув двери в его покои, — мы должны поговорить.

Лис досадливо поморщился, глядя как процессия из слуг беспрекословно подчиняется.

— Твой визит вообще не входил в мои планы, — беспечно ответил он, — ну что ж, думаю, что смогу выкроить пару минут прямо сейчас.

— Где ты пропадал?

Поняв, что от брата так просто не отделаться, Лис все-же решил не отказывать себе в удовольствии немного его понервировать. Отвернувшись, прошел в ванную, попробовал температуру воды в каменном бассейне, с удовольствием отметив, что слуги добавили его любимое ароматическое масло.

— Слишком мало лепестков, не находишь? — Изрек Лис, сделав вид, что прослушал вопрос Дисмаля, который раздраженно проследовал за ним, — Мне стоит выпороть их за это? Ах да, я не ущемлю твоё самолюбие, если разденусь? Слышал, что его теперь даже подросток может задеть.

Дис, который до этого едва сдерживал злость, взорвался. Подлетев к брату, он толкнул его в воду, силой не давая младшему выбраться на поверхность. На начищенном до блеска мраморном полу тут же образовалась огромная лужа. Лис, захлебываясь, ногтями вцепился в

предплечье брата, пытаясь отодрать его от своей шеи, но тот был сильнее и позволил вынырнуть, только когда легкие уже начало щипать от недостатка воздуха.

— Будешь шутить, и я доведу её до температуры кипения, понял?

— Да, — выплюнул Лис, выбирая из волос сухие соцветия, — чего ты от меня хочешь на этот раз? Я птица вольная, практически не обремененная исполнением монарших обязанностей, так что гулял и развлекался! Допрос окончен?

— Пока ты шастал по девкам, Сайдамир изволил сдохнуть, знаешь это?

Перегнувшись через бортик, Дисмаль угрожающе наклонился к брату.

— Я выше слухов, они не всегда до меня долетают. Не скажу, что новость плоха, одной крысой, разворовывающей казну, стало меньше. Или постой... Это ты его прикончил и теперь считаешь, что я опять спрячу труп?

Лис не отвел взгляда, он искривил губы в холодной полуулыбке и растянулся в воде так, будто это не его минуто назад топили.

— Об этом уже позаботились, а ты даже для такой работы непригоден.

— Отнюдь. В прошлый раз я сработал отлично, братец. Покойника нет? Нет. Все как заказывал.

По факту покойника действительно не было, но не сообщать же Дисмалю, что живой за мертвого не считается.

— Тогда почему Карающий начал меня подозревать? Почему он не поверил в байки о простом нарушителе и перевернул вверх дном весь дворец в поисках следов? Его псы лазали по городу и проверяли тела бездомных, пытаясь найти хоть одно доказательство, что смерть была необычной! Я начинаю сомневаться в твоей преданности, Лис.

— И что? Не нашел же? Если у тебя утекает информация — это уже не мои проблемы. Брали парня твои люди. А теперь, если мы во всем разобрались, не мог бы ты меня покинуть? Хочу отдохнуть, голова раскалывается.

Наследник встал и отошел от брата. Брезгливо завернув намокшие рукава, Дисмаль посмотрел на него не лучше, чем на ядовитую змею, свернувшуюся под ногами.

— Ты действительно пьян, но надеюсь сможешь уяснить, что, если заденут меня, ты — первый кого я утащу за собой. Карающий взял ученика, и отец что-то задумал, признав этого мальчишку. У меня возникает ощущение, что парень создан из золота! Пока эту новость не озвучили на всю империю, ты должен понять, что с ним не так.

— Слушаю и повинуюсь. Теперь уйдешь?

Лис и так решил, что о мальчишке нужно узнать подробнее, только не для брата, для себя...

— Ах Лис, уже устал от моего общества? Теперь кинешься в подземелья, чтобы найти утешение в окружении своих питомцев? Будешь гладить их и лить слезы в мягкую черную шерстку, это ведь ты хотел сделать?

— Сгинь уже!

Дисмаль рассмеялся.

— Удачи...

Слова брата насторожили. Спокойно дождавшись, когда он уйдет, Лис выбрался из воды и поспешно переоделся. Младший принц и правда хотел навестить подземелья, а теперь у него появился повод сделать это немедленно. Дисмаль никогда не пускал слов на ветер, и его издевки могли значить, что что-то плохое либо уже произошло, либо вот-вот должно было свершиться.

На нижнем ярусе было до неприличия тихо. Стража, стоявшая на посту, вытянулась по струнке только заслышав шаги, но увидев, кто перед ними, слегка расслабилась.

Сейчас Лис не выглядел угрожающим. Мокрые волосы прилипли к шее, намочили рубашку, и парень дрожал, досадуя на то, что не удосужился одеться теплее.

— Ваше высочество! — Двое мужчин склонили головы, приветствуя члена императорской семьи.

— Где? И кто? — Принц уже понял, что кошек здесь нет.

Переглянувшись, стража скупой отрапортовала, что Карающий взял ищеек для дела, но подробностей им не сообщал. Куда направился, тоже, естественно, неизвестно.

Лис смотрел на безразличные лица охранников и понимал, что они лгали. Может и не знали всей информации, но точно были осведомлены лучше принца. Рахшар, да это явно не было секретом, если Дисмаль так открыто над ним издевался! Стража просто не хотела говорить, и он не мог их заставить, потому что не отвечал за военных!

Лис сжал кулаки, взметнул подолом длинной накидки, надетой второпях, и, скрепя зубами, зашагал прочь из подземелий. Принц уже не пытался строить из себя весельчака, ему казалось, что он с минуты на минуту задохнется от ярости.

Наследнику они наверняка бы не стали так открыто противиться, но их с братом уже давно никто не путал.

Карающий — самовлюбленный ублюдок! Никогда ведь не интересовался его разработками... Или просто делал вид? Ищейки были детищем Лиса. Принцу и в голову не приходило, что он никогда не сможет ими распорядиться. Пришло время, и никто даже слова не сказал создателю, который ночами не спал, пытаясь вывести новый вид хищников, что они ему больше не принадлежат.

Это ведь не просто магия, не внутренний дар, которым можно управлять усилием воли! Это наука, алхимия, тысячи расчётов, сотни потраченных дней.

Что Лис мог сделать теперь? Ничего. Уж точно он не собирался идти к Дисмалю, и в очередной раз выставлять себя посмешищем. Брат не уставал искать новые рычаги давления на него, а сейчас подобрал ещё один. Дис просто ткнет его носом в факт собственного бессилия, сказав: “Ну что, и тебя оказывается можно задеть? Не так хороша твоя броня из игол и яда? Лучше брось перечить Лис и начни играть по моим правилам”

Нет. Он не будет плясать под чужую дудку. У него оставался новый эксперимент и новый подопытный, которого никто не отнимет. Какой простор для фантазии — одаренный, раны на котором затягиваются без следа. Только дети неба все ещё сохранили способность к регенерации, но механизм излечения был совершенно другим...

Лис знал, что раны на представителях этой расы заживают только во время оборота в другую ипостась. Сильная травма могла спровоцировать произвольный оборот, который срабатывал как механизм защиты. Принц какое-то время интересовался этим вопросом, а в юности даже следил за Кайрином, пытаясь понять, умеет ли он трансформироваться. Но тот, похоже, не умел, а выяснить опытным путем у Лиса не получилось.

В детстве даже Дисмаль не мог его ранить, а после, когда Кайрин начал серьезное обучение военному ремеслу, гениальный план подослать к нему группу наемников и заставить врасплох, потерпел сокрушительный провал. Тот достаточно быстро нашел себе друзей среди кадетов, которые сопровождали его практически везде. Дети обнищавших аристократов, одаренные, но потерявшие былой вес в высшем обществе, наши поддержку в императорском бастарде, став его личной свитой.

Принцу тогда было лет семнадцать, и он до сих пор помнил, как Кайрин, будучи на несколько лет младше, вместе с одним лишь Сидом разделался с бандой, состоявшей из пяти опытных головорезов.

Встряхнув головой, Лис выкинул из мыслей дела давно минувших дней.

Стоило разобраться, что он упустил из вида во время отсутствия во дворце.

Далеко ходить за информацией не понадобилось.

Выбравшись из подземелий, Лис направился во внутренний дворик, желая очистить голову от посторонних мыслей. В позднее время суток там было безлюдно, к тому же ему нравилось смотреть на звезды, чувствовать запах цветов, высаженных вдоль стен и по-детски опускать ладони в ледяную воду маленького фонтана. Конечно на территории дворца были и более красивые места, имелся даже полуденный сад, где были собраны растения со всех уголков мира, за которыми ухаживал целый штат садовников и рабов, но там он никогда не мог почувствовать умиротворение.

Здесь же, в тесном пространстве, со всех сторон окруженном каменными стенами, Лису казалось, что он находится в центре огромного колодца, бесконечно уходящего к небесам, и, запрокидывая голову вверх, он порой не мог понять, какое место в нем занимает — лежит ли на самом дне, мечтая о недостижимой свободе, или сидит на краю и смотрит вниз, а дно на самом деле там — под пеной редко проплывающих облаков. Ведь, что в действительности обещает небо, может быть одиночество?

Но сегодня принцу было не суждено остаться одному, он сразу заметил фигуры нескольких девушек, устроившихся на широком бортике фонтана. Они тихо переговаривались о чем-то своем, и эта удивительная картина заставила Лиса замереть, прислушиваясь к голосам.

— Не печальтесь, госпожа, все наладится. Муж будет хорошо к вам относиться, он уже очень многое делает для вас.

— Что? — Собеседница неодобрительно вскинулась, — Позволяет мне выходить из гарема в окружении свиты? Ты считаешь, это проявление любви, Лорейн? Нет, это знак уважения к моему брату, которое исчезнет сразу же, как только я перестану принадлежать семье.

— Ах, вы так юны, госпожа. Зачем вам любовь, когда есть забота? Любить будете детей, вот подарите мужу наследника...

— Лишнее болтаешь! — Цыкнула на словоохотливую Лорейн ещё одна служанка, но их госпожу слова не смущали.

— Чтобы его отобрали у меня? И превратили в бесчувственного наравне с остальными! Ни одного нормального нет!

— Тише вы, госпожа!

— Один не поможет, даже если на его глазах будут рвать на части невинных людей, потому что это не соответствует приказу, второй готов ребенка на месте испепелить в угоду амбициям! Достаточно или продолжать?

— Довольно, госпожа.

— Третий сам ещё не вырос, но уже обзавелся звериными повадками! Мальчику четырнадцать, и он ни во что не ставит женщин! Я могла ему помочь, а он отказался из-за глупой гордости! Жметя к учителю, почти хвостом виляет, а тот вылепит из него собственную копию и только тогда успокоится. Мне жаль этого ребенка, не хочу, чтобы с моим сыном было точно так же.

— Вы не знаете ещё двух принцев...

— И знать не хочу, наелась уже ими досыта!

— Очень жаль, я бы хотел послушать дальнейшие характеристики, Ваше высочество. —

Лис, притаившийся в темноте арки, наконец решил вмешаться в разговор.

Понять, кто перед ним, не составило труда, тем более о характере морской девы он был наслышан.

Эллиаль встрепенулась, напуганная внезапным появлением парня, а её свита подскочила, почтительно склоняя головы. Бедные девушки наверняка думали, что после сказанного их госпожой, долго на плечах они не задержатся.

Принцесса тоже встала, но вместо того, чтобы оказать Лису должное почтение, гордо выпрямила спину и отдала служанкам приказ отойти подальше. Свободное одеяние омывало хрупкую фигуру девушки, платок закрывал половину лица и волосы, но принцу не нужно было видеть её полностью, чтобы понять, сколько в этой маленькой женщине таится непокорности и спеси.

— Хотели напугать меня? Знайте, не получилось. Могу сказать в лицо, что больше не желаю иметь с вами ничего общего. Я не знаю, что вы намерились получить от меня, но на обходительность и сладкие речи я больше не клюну. Вы жестоки.

Лис изогнул бровь, с трудом подавляя в себе желание засмеяться. Она спутала его с братом! Эту ошибку мог совершить лишь человек, который не знает обоих. Сравнение его с Дисмалем было забавно и обидно одновременно, и он бы наверняка одернул принцессу, повторись ситуация в других обстоятельствах. Сейчас ей можно было воспользоваться.

— Чем же я успел так навредить вам, Эллиаль?

— Мне? Вы чуть не убили мальчика, чтобы насолить Карающему! Да, ваш брат обидел меня, но я не хотела мстить ему таким образом.

Лис сделал осторожный шаг в сторону принцессы, но она шарахнулась от него, пятками упираясь в бортик фонтана. Струи воды, бьющие ввысь, изогнулись, будто под воздействием сильного ветра, и начали стекаться к рукам девушки. Вода оплела белые ладони, брызги, блестящие в свете редких факелов, зависли в воздухе вокруг дрожащей фигуры как рой маленьких светлячков.

— Он мне не брат, — принц покачал головой, — и поосторожнее с магией...

— Вы все здесь друг другу волки! И не угрожайте мне, при всем уважении, я не тот человек, которым можно манипулировать.

— Зря вы так, кажется, мы начали не с той ноты...

— Уйдите, я знаю, что это вы все подстроили, Дисмаль! Вы организовали похищение Бесмана, вы дали тот клинок заговорщику, который ранил Карающего. Из-за вас он может сегодня умереть. Уйдите, не впутывайте меня в это, иначе я все расскажу императору!

— Оу, ваши слова звучат как плачь по возлюбленному, — Лис улыбнулся, выстраивая в голове сложившуюся картину. — Значит, Карающего ранили? И каков эффект?

Аквамариновые глаза принцессы блеснули.

— Что за вздор вы несете?! Он вернулся во дворец едва живой и тут же отправился за учеником. Вы прекрасно знаете, какой эффект дает удар клинком “мертвой розы”, я видела его у вас. Не смотрите на меня так, я не дура и получила прекрасное образование. Редкое оружие, при нажатии на незаметную кнопку в основании рукоятки складное лезвие расслаивается на несколько тонких игл. Достаточно ударить таким один раз и сложить оружие, чтобы получить множество колотых ран, которые практически невозможно зашить.

Я наткнулась на Карающего случайно и обо всем догадалась.

— Как жаль, все-таки ничего нового...

Лис печально вздохнул.

— Боже, вы правда в это верите, да? — Пораженно спросила Эллиаль, — В то, что он дитя неба? Это ведь ритуальное оружие против них. Все эти легенды, что иметри можно убить только вырезав сердце. Нож создавался специально для этого... Вы действительно ненормальный! Не приближайтесь ко мне больше, не посмотрю, что вы наследник, я закричу и позову стражу. Она всегда рядом. Скажу, что вы хотели завладеть мной!

— Правда? — Лису хотелось посмотреть, насколько далеко может зайти эта девушка, — А может вы сами умоляли взять вас? Ведь будущий муж стар и болен, а я молод и красив...

— Да вы противны мне, — выдохнула принцесса.

Вода в фонтане вспенилась, поднялась волной, и через мгновение Лис ощутил, как она опустилась ему на голову.

Бешеная баба!

— Эллиаль, да чтоб вас шакалы сожрали, меня уже успели сегодня искупать! — Заорал принц в сердцах, он все-таки не ожидал, что чужестранка окажется такой сумасбродной.

— Огневику не нравится принимать ванны? — Все ещё бушевала девушка, — Я не хочу с вами воевать, но придется, если не оставите меня в покое! Забудьте о моем существовании и мальчика тоже не трогайте.

— Самоуверенная нахалка, думаете, на особом положении здесь? Да будь на моем месте настоящий...

Высказать все принцессе Лис не успел. Как ожившая гора перед девушкой вырос здоровенный бугай, разукрашенный шрамами не хуже, чем Андарский ковер узорами. Тоже островитянин, в грубом лице отчетливо прослеживалась морская порода.

Пришелец поклонился вымокшему до нитки принцу, но взгляд, которым он удостоил Лиса, иначе чем презрительным назвать было нельзя.

— С вами все в порядке, Ваше высочество? — Обращался он тоже исключительно к девушке.

— Да, Арман, мы просто разговаривали. Принцу стало душно, и он решил освежиться. Есть новости?

— Они вернулись, Ваше высочество, все живы.

Мужчина покосился на Лиса, прикидывая, верным ли было решение говорить при нем, но затем пришел к выводу, что шила в мешке не утаить. Эллиаль же совершила ошибку, показав свою заинтересованность.

— Отведите меня, — попросила принцесса, будто забыв о существовании Лиса.

Вот значит как. Кайрин вернулся, и она, двумя минутами ранее утверждавшая, что ненавидит всех в округе включая его, ищет встречи. Более того, именно ради этого она сидела во дворе, безуспешно изображая бессонницу, и ждала доклада от своего шпиона.

— Не думаю, что это хорошая идея...

Вояка не был лишен сообразительности, в отличие от своей госпожи. Он поджал губы, сомневаясь, стоит ли выполнять просьбу. Сейчас это было именно просьбой, ибо отдай она прямое распоряжение, он бы не колебался. Втайне мужчина надеялся, что Эллиаль поймет неуместность собственных действий, но чуда не произошло.

— Пожалуйста, Арман, я хочу убедиться, что все нормально.

От этой женщины будут одни проблемы... Лис не испытывал восторга по поводу новой

женитьбы отца, но после встречи с невестой истово пожелал, чтобы это произошло как можно скорее. Тогда появится возможность урезать её права гостыи.

Будь на то воля принца, он бы запер чужестранку в покоях, изолировав даже от остальных женщин, и использовал исключительно по прямому назначению. Хотя... Лис сомневался, что для супружеского долга она пригодна. Создавалось ощущение, будто под платком девушка скрывает отнюдь не милое личико, а оскал из ядовитых зубов в три ряда.

— Как пожелаете, Ваше высочество... — Обреченно согласился воин.

— Я, пожалуй, прогуляюсь с вами, — безразлично отозвался Лис, зачесывая назад мокрые пряди, — нужно обсудить кое-что с Карающим.

Эллиаль опомнилась. Её взвинченное состояние начало отступать подобно волне прибое.

— Вам следует переодеться, принц, вы можете простудиться. — Сладко пролепетала она, — Важные разговоры подождут, вам обоим не до этого.

— Я слышал, Эллиаль, что на вашей родине принято возводить благочестивых покойников в лики святых посланцев морской богини. Мол, если человек при жизни ставил интересы других превыше собственных и был чист помыслами, она заберет его к себе — в пучину вечного покоя. Остальные же отправятся в лапы к нашему богу, жестокому и беспощадному.... — Лис изогнул бровь, вещая монотонным голосом проповедника, но закончил не в пример едко, — Стремитесь к своему идеалу?

Принц готов был поспорить, что девушка перед ним заскрипела зубами, но от ответа удержалась. Славно, склоки с ней только сначала казались забавными.

Кайрин, естественно, не был столь глуп, чтобы заявиться через главные ворота, однако избежать внимания ему все равно не удалось. Лис вместе с принцессой и довеском в виде её свиты перехватили его и часть отряда на подходе к зданию. Толпа зевак сопровождала их по пятам, и каждый, кто стал свидетелем не сомневался — на утро новость разлетится не то, что по всему дворцу — по городу.

Карающий быстро отдал приказ разогнать людей, и стража, окружившая его кольцом, довольно оперативно с этим справилась, но препятствовать принцу и будущей жене императора они не могли. Издали Лис даже удивился причине такого столпотворения, ведь ублюдок и раньше возвращался со своих вылазок слегка потрепанным, но потом понял, что она не в самом Карающем, а в человеке, которого он держал на руках.

Принц обнаружил это, когда в порыве эмоций, которые затмили и слух, и зрение, прорвался через охрану и, ткнув пальцем в грудь Карающему, практически зашипел:

— Ты. Ты украл моих ищеек. Где они?

Недостойное поведение для члена императорской семьи, но во-первых: Лис уже привык, что все воспринимают его не вполне серьёзно, а во-вторых: с какой стати он должен проявлять тактичность? Сам Карающий редко заботился о такой мелочи, и принц не собирался облегчать ему задачу. По большей части он сделал это из банального злорадства.

Сделал и оборвал себя на полуслове, потому что Сид, всегда раздражавший его сверх меры, вышел вперед, загоразивая командира. А точнее того, кого он нес. На Карающем был плащ, черный и потрепанный, явно с чужого плеча, ткань скрывала почти всю фигуру и не позволяла с первого взгляда разглядеть живую ношу.

Юноша, щуплый и неприметный, жался к нему как котенок, которого приютил у себя на руках жалостливый прохожий. Лис даже забыл о своих обвинениях, разглядывая паренька. В личности сомнений не было, только вот он ожидал увидеть на месте мальчика кого-то

повнушительнее.

Неужели он — тот самый, сумевший довести Дисмая до белого каления? Тот самый, из-за кого весь дворец уже месяц на ушах стоит? Это нечто с тонкими руками, неосознанно цеплявшимися за напряженные плечи своего учителя, и птичьей шеей, которую переломить легче чем сухую ветку, действительно его единокровный “брат”? Лис начинал убеждаться, что с каждым годом, называть кого-то данным словом ему становилось все сложнее.

Мальчик прерывисто дышал, веки тревожно подрагивали, будто он спал и видел кошмары, и из-за этого его лицо — до тошноты правильное и открытое, казалось ещё более смазливym. Красивое лицо, Лис должен был признать это, с высокими острыми скулами, четким изгибом бровей, чистой кожей, тронутой ровным загаром. Его не портили даже всклокоченные волосы, падающие на лоб и разбитые губы.

— Не украл, а позаимствовал, Лис, — раздраженно ответил Карающий, — Ни одно животное не пострадало, можешь не волноваться.

— Но... — Заторможено протянул принц, — ради спасения столь трогательного существа я мог бы и пожертвовать парочкой.

— Благородство вам не к лицу... — Сид скосил взгляд от принца, будто только что не оскорбил особу правящей верхушки, и обратился к Карающему, — Говорил же, что лучше сам сделаю.

— Не лучше, — отрезал тот, прервав только им понятный диалог, и заметив Эллиаль, которая тоже подошла ближе, презрительно сощурился, — ещё и эта...

Карающий зашагал мимо коронованных господ, давая понять, что разговор окончен.

— Кайрин, мне жаль, простите, мне так жаль, что это произошло. Прошу вас, послушайте... Вам не больно? Нести его...

С трудом успевая за размашистыми шагами, принцесса догнала его и сбивчиво заговорила. Зря, Кайрин не был настроен на выслушивание извинений, Лис уже понял, что девушка напрасно тратит слова, но притормозить её не посчитал нужным.

— Что? Вы шутите? Кого вам жаль? Меня? Его? А может себя? Жаль, что вам перепадает ничтожно мало внимания, и вы теперь лезете куда не следует, чтобы его добиться? Лис, ты решил притащить с собой плакальщицу?

— Я знаком с ней не более получаса, — ответил принц, с интересом следя за скандалом.

— Простите? — В глазах Эллиаль отразилось понимание.

— Я ничего не говорил вам, принцесса. Вы сами сделали выводы. Просто не стал мешать умозаключению.

Лис пожал плечами, отстраненно размышляя, что будь рядом источник воды, ему бы досталось повторно.

Девушка набрала в грудь побольше воздуха, пытаясь успокоиться. Принцессу сдерживали зрители, слишком много зрителей, ставших свидетелем того, как её унизили. Люди Карающего, служанки, которых она притащила за собой, молчаливый громила...

— В свете последних событий, Эллиаль, — холодно продолжил Кайрин, — внимание я вам предоставлю. Пойдете на допрос, там все и расскажете.

— Кайрин, убери их пожалуйста, достали... — прошептал хриплый голос.

Мальчишка на мгновение приоткрыл черные глаза, обвел собравшихся расфокусированным мутным взглядом и вновь вернулся с состояние полубеспамятства. Учитель посмотрел на него так, будто готов был разжать руки и бросить на дороге, с

облегчением перешагнув через тело, но нечеловеческими усилиями сдержался. Промолчал, скрывшись в темноте арки, ведущей в запутанные коридоры дворца.

Занятный мальчик... Интересный.

Впервые за вечер Лис предвкушающее улыбнулся.

Все-таки скучать ему в ближайшее время не придется.

Глава 1

— Давай помогу...

— Не стоит, я в норме.

Рахиль похоже вжилась в роль моей няньки. Не слушая протестов, она взялась за край повязки, помогая крепче затянуть её на груди. Чуткие пальцы женщины избегали соприкосновения с оголенной кожей, и это радовало. Впрочем, не думаю, что ей самой хотелось до меня дотрагиваться. В зеркале я видела отражение её сосредоточенного лица, и даже забота, которой она окружала меня последнюю пару дней, не могла избавить от ощущения, что женщина относится ко мне как к прокаженной. Будто мои покои превратились в позолоченный филиал хосписа. Больной в нем не умирал, но лучше к нему было не прикасаться. Не заразит, нет, но вдруг невзначай узнает все твои тайны?

Бред. Я трянула головой, чтобы поскорее выкинуть из неё эти мысли. Рахиль не боялась меня, просто стресс и затворничество не способствовали позитивному настрою.

— Выгляжу как мумия, осталось только голову замотать.

Женщина недоуменно вскинула бровь, но я не стала вдаваться в подробности. Мумифицировать почивших здесь было не принято, и она вряд ли смогла бы понять мою шутку. Бинты по-прежнему фиксировали ещё и руку, но уже не так сильно, скоро можно будет снимать.

Отмахнувшись от дальнейшей помощи, я самостоятельно натянула на себя кремовую тунику из легкой материи, напоминающей шифон. Ткань не просвечивала, но в ней мне все равно было неуютно. Даже жилетка, накинутая сверху, не помогла справиться с неприятным ощущением. Наверное, вскоре мне понадобятся рыцарские доспехи, чтобы чувствовать себя полностью защищенной...

Рахиль, стоявшая за спиной, не прекращала хмуриться, так что я отвернулась от зеркала и постаралась придать себе уверенный вид.

— Ссадины у тебя на лице выглядят ужасно, не забывай про мазь, — изрекла женщина, кинув на меня оценивающий взгляд, — но в целом выглядишь лучше, чем в вашей форме. Мне нравятся светлые оттенки, хотя тебе пойдут почти все.

— Шрамы украшают мужчин... — Фыркнула я.

— Но ты не мужчина. Образ не изменит сути.

— Очень жаль, парнем быть легче.

— Неужели? — Мурлыкнула Рахиль, — Разве тебе нравится истязать себя на тренировках? Нравится нести груз ответственности, лежащий на плечах? Путь женщины проще — любить и быть любимой. Так почему именно он кажется тебе более тяжким?

— Любовь по принуждению превращается в груз, который нести сложнее ответственности. У здешних женщин нет возможности выбирать.

— У тебя тоже.

— Мне и не надо.

Разговор начал съезжать в слишком скользкое русло. За время нашего вынужденного общения, в этой женщине периодически просыпалось нездоровое желание залезть мне в голову, и тогда я начинала жалеть, что провела в бессознательном состоянии всего два дня. С удовольствием не приходила бы в себя ещё парочку, если бы знала, что их придется провести рядом с ней.

Не то, чтобы общество Рахиль было мне неприятным, напротив, иногда она казалась хорошим собеседником и перед ней не нужно было скрываться, но у любой медали есть две стороны. Она любила выводить на откровенность, а я терпеть не могла откровенничать.

Вот кому должны были достаться способности видящего.

— Когда он придет? — Я решила сменить тему.

— Впервые вижу человека, который так желает попасть в казематы, — усмехнулась Рахиль.

Шутит. Сегодня я должна была присутствовать на допросе Иршада, Мики и тех заговорщиков, пойманных в катакомбах. Нет, желания спускаться в камеры у меня не имелось, впрочем, как и видеть некоторые бандитские рожи, но работа есть работа.

Как только я пошла на поправку, эту славную весть мне передали устно, через Рахиль, не удостоив своим личным присутствием.

У Карающего как всегда слишком много проблем, и, если я не умираю, терять свое время на визиты он не обязан, но... Спокойнее от этого не становилось. Мне хотелось грызть локти от обиды ровно до тех пор, пока я не припомнила какую истерику закатила ему и Сиду в последний раз. Стыд сменил злость, и я твердо решила, что лучше стать паинькой. Перед стражем вообще необходимо было извиниться за покалеченный нос...

— Чем раньше начну, тем быстрее отделаюсь, — нехотя ответила женщине.

— Ясно...

Рахиль заскользила по комнате, хозяйским жестом уцепила со столика фиолетовый фрукт, отвращение к которым я питала с самого появления здесь, и припала к нему своими алыми губами. Интересно, наложниц даже есть учат соблазнительно, или это врожденная способность? Спрашивать я не рискнула, сегодня женщина находилась в чрезмерно игривом настроении, и вполне могла предложить освоить навык, если он пришелся мне по вкусу.

Когда человек добровольно доверяет постороннему свои тайны, он невольно начинает считать, что теперь, пусть немного, самую малость, но властен над ним. Может дело в этом?

В дверь постучали. Облегченный выдох вырвался сам собой, и стал таким заметным, что захотелось треснуть себя по голове. Не хватало ещё, чтобы Рахиль решила, будто утомила меня, что в принципе, являлось правдой.

— Открывай, — беззвучно прошептала женщина.

Страж, приставленный к патрулированию этажа, приветственно кивнул и с интересом заглянул в узкую щель от приоткрытой двери. Кислое выражение само собой прилипло к моему лицу, и хоть мужчина был невиновен в том, что ждали не его, воспринял недовольство на свой счет.

— Прощу прощения, если потревожил, Бесман-джан. Вам велено передать подарок.

— От кого?

Я обратила внимание, что страж держит в руках приличных размеров коробку. Ларчик из тонкого дерева, поверхность которого была выбелена и отполирована почти до состояния слоновой кости, украшала искусная резьба, из-за чего он выглядел почти невесомым. Только вот размер такой, что поместить туда можно взрослую кошку... Или змею. Мужчина похоже не испытывал неудобств, протягивая “подарок” мне, но это ничего не значило.

— К крышке прикреплено послание.

Старше Кайрина, слишком угловатый и длинный. В карих глазах, скошенных куда-то в сторону, таилась неясная скованность, причину которой я не смогла разгадать.

— От кого?

— Мне не велено открывать. Это безопасно, вы же знаете — все, что вам доставляют, предварительно проверяется.

Пальцы крепче сомкнулись на ручке двери, готовясь закрыть её перед чужим носом.

— Я не помню твоего лица, — соврала, если напрячь извилины, даже имя смогла бы припомнить, — открывай, зачитывай. Мне не от кого принимать подарки.

Страж смешался, бесформенные губы искривились, сделав и без того “серый” образ ещё более неказистым. Понимаю. Не нравится, что ему указывает подросток. А вот мне не нравятся сюрпризы.

— Можешь принять Бес, его действительно проверили, но, если хочешь, сделаю это при тебе. Повторно. Свободен, Геллан.

Мужчина с облегчением исполнил приказ начальства и, сбавив коробку в чужие руки, практически молниеносно испарился. Кайрин бесцеремонно втокнул меня внутрь комнаты, не забыв прихватить с собой многострадальный подарок.

От неожиданности я растерялась.

— А можно в следующий раз не подкрадываться так внезапно?! — Зашипела, но, натолкнувшись на спокойный серебристый взгляд, а затем увидев ещё и притихшую, но от этого не менее заинтригованную Рахиль, исправилась, — То есть... Доброго дня, учитель.

Карающий выглядел безупречно, и не скажешь, что пару дней назад могло быть иначе. Одет не в форму, но от чего-то опять в черное. Черные шаровары, черная рубашка, только белоснежные волосы, собранные у висков, разбавляют траурный вид. Настроение у него тоже было не самое радужное.

— Не изображай вежливость, — милостиво разрешил он, — я уже настолько привык к твоему хамству, что без него становится скучно.

Интересное заявление, даже не знала, радоваться или не стоит...

— Что у вас там? — женщина прервала неловкое молчание, вернув меня к вопросу, который действительно интересовал.

— Постой, — я скрестила руки на груди, уставившись на Кайрина, — выходит ты знал, что мне что-то передали, наверняка заглядывал туда, записки читал, но не мог принести это сам, чтобы не пугать до полусмерти?

— Но-но-но, милая, — Рахиль цокнула языком, — ты исключаешь возможность того, что записки он не читал, а составлял.

— Я смотрю тебе здесь понравилось, — Кайрин иронично прищурился, — не хочется возвращаться в гарем? Увы, но боюсь, что твоё долгое отсутствие вскоре заметят, Рахиль. Спасибо за помощь.

Фактически Карающий указал на дверь женщине, которую сам попросил присматривать за мной, женщине, которая за него готова была в плотку зубами вцепиться. Это было грубо, очень грубо, но вопреки ожиданиям она не стала спорить. Подхватив с кушетки свой платок, Рахиль накинула его на голову, в момент став серьёзной. Казалось, что одна единственная деталь одежды, закрывающая иссиня-черные волосы, скрыла ещё и часть её характера.

— Всегда рада помочь тебе, Кай. Ты прав, общество твоего “ученика” было приятным, но пора возвращаться. До встречи, Бес.

И хоть прогоняла женщину не я, стыд довелось почувствовать мне одной.

— Оставайтесь, вам нельзя возвращаться в одиночестве.

— Не волнуйся, милая, это не проблема. Надеюсь, ты запомнила мои сказки.

Такое забудешь...

— Что она успела тебе выболтать? — Заинтересованно спросил Кайрин, как только Рахиль оставила нас наедине.

В её отсутствие он показался мне более расслабленным. Все-таки странные между ними отношения.

— Ничего существенного, — просто историю твоей жизни, — ты не ответил на вопрос.

На самом деле обсудить с ним услышанное от Рахиль хотелось, но делать это сейчас было практически самоубийством. Тогда я точно подставляю женщину, которая не обязана была посвящать меня в некоторые вопросы. А она ещё далеко уйти не успела...

— Не передал подарок сам, потому что хотел посмотреть на твою реакцию. — Туманно изрек Кайрин, и по тому, как глумливо изогнулись уголки его губ, стало ясно — концертом он наслаждался.

Право слово, со стороны мы наверняка смотрелись как непутевая супружеская пара в день всех влюбленных. Муж заказал доставку к дверям жены, в коробке были духи от AVON, а она рассчитывала на бриллиантовое кольцо... В смысле, Кайрин лыбился, а я сверлила его злобным взглядом.

— Понравилась реакция?

— Да.

— Ну хоть отрицать не стал...

— Наслаждайся.

Карающий вручил мне коробку, и я поняла, что спектакль не закончен. Занавес опустили, но только на время антракта.

Открыв от крышки конверт из шершавой бумаги, запечатанный густым сургучом, я вопросительно изогнула бровь. Печать не сломана. Кайрин лишь беспечно пожал плечами, показывая, что для него — мастера дел шпионских, заклеить письмо обратно не составит труда.

Текст был накарябан отвратительным почерком, заостренным, неровным, и для меня, привыкшей к каллиграфически-ровной книжной вязи, стал настоящим мучением.

— Вслух, дорогой ученик. Вдруг придется зачитывать личную переписку на людях, а вы не сможете и слова связать. Надо практиковаться.

Да что с ним такое? Ничего, и не такие закорючки расшифровывала, когда конспекты у одноклассников слизывала! Заскрипев зубами, постаралась зачитать твердо:

“Бесман, наше знакомство нельзя назвать удачным. Вы попросили прогнать меня, как только увидели, чем, признаюсь, задела ранимое сердце. Теперь для меня дело чести — доказать Вам, что первое впечатление обманчиво. Дабы сгладить его, посылаю небольшой подарок. Не знал о личных предпочтениях, но слышал, что в Вашем возрасте обожают сладости.

Желаю скорейшего выздоровления, Л”

Я ещё раз перечитала записку, пытаюсь сообразить, не допустила ли каких-то ошибок в понимании некоторых слов, но нет.

— Ранимое сердце? Попросил прогнать? Л? Люцифер что ли? — Я подняла на Кайрина ошарашенный взгляд, чтобы понять кто из нас находится не в себе.

— Открой для начала, — припечатал учитель, с каждой секундой все больше напоминая темного Санту. “Я принес тебе подарок, деточка. Подарок от Сатаны.”

В коробке лежали пирожные! Разнообразные, политые глазурью всех цветов радуги, посыпанные орехами и сухофруктами... Вкусно пахнущие, свежие, чертовски аппетитные

и...

— Ядовитые что ли? Ты сказал, что проверил. Не вижу на них признаков дегустации, Кайрин. Это шутка какая-то?

— Такие шутки не в моем стиле, Бес. И да, содержимое не должно было убить тебя при открытии упаковки, а вот за остальное не ручаюсь. Не хочется травить людей почем зря.

Карающий вернул свой пренебрежительно-серьёзный вид, я же почти швырнула коробку с кондитерскими шедеврами на столик, чем заработала долгий изучающий взгляд. Ядовитые или нет, но есть я их точно не собираюсь!

— Если ты ещё не поняла, то подарок от второго принца. Видишь ли, ему посчастливилось приехать как раз в ту ночь, когда я возвращался во дворец вместе с тобой. Дабы немного освежить твою память, я перескажу.

Кайрин зашагал по комнате, сухо излагая подробности, слушая которые мне захотелось закрыть лицо руками и больше никогда не открывать.

— Я не помню ничего!

— Зато тебя запомнили, — Зарычал Карающий, но потом сбавил обороты, — ладно, это не претензия, а предупреждение. Лис в какой-то мере даже опаснее брата. Его ранимое сердце равняется самоллюбию. Лучше напиши ответ, иначе он сочтет молчание за очередной удар по нему.

— Что написать? — спросила я, втайне надеясь, что он продиктует мне текст, но судьба с самого утра была ко мне неблагоприятна.

— Что-нибудь "благодарное" и пафосное, но не сейчас. Почему ты ещё не готова? Ты на допрос идешь, а не на прогулку.

— Извини, черного колпака с прорезями для глаз в гардеробе не нашла.

Поняв, что Карающий не совсем осознает суть проблемы, пояснила:

— Вообще-то у меня не так много одежды. За это время из слуг здесь никто не появлялся, а мне было не до того, чтобы стирать и штопать форму. Не то, чтобы мне было лень, но как-то обстановка не располагала...

Мужчины... Не всегда вспоминают о житейских мелочах. Вообще-то у меня имелась пара комплектов сменной одежды, но вся она была, мягко говоря, немного изуродована.

— Ладно, — Карин задумался на мгновение, видимо припомнив в каком состоянии я была, — можешь выкинуть её. Вечером доставят новую вместе с нарядами на прием. Пока одолжу тебе плащ.

О как, в прошлый раз он помнится говорил, что такими темпами разорится. Не совсем в том контексте, конечно, но посыл примерно одинаковый.

— Зачем?

— Хочешь изгваздаться в крови?

— Прости? Я вообще-то пошутила про колпак палача!

— Я не шутил, пойдём.

После такого заявления идти куда-то мне окончательно расхотелось, но протестовать я не рискнула. Плащ Карающий действительно одолжил, да и сам накинул что-то подобное. Ко всему прочему к черной хламиде прилагалась маска, вроде той в которой ходила часть моих похитителей.

— К чему это? — удивилась я, вертя в руках странную вещь.

— Часть церемониального облачения. Это не просто маска — "Лик Бога". Её надевают судьи на разбирательства с государственными изменниками. Считается, что Рахшар

безжалостен и его лицо не выражает эмоций. Совершивший преступление против императора, усомнятся в величии Бога, назначившего правителя своим приемником. Как напоминаете об этом, изменник должен видеть лик перед тем, как умрет.

— Заговорщики сами носили подобные...

Я подняла на Карающего взгляд, он лишь устало вздохнул, нацепив на мою голову капюшон.

— Да, это значит, что они не считают нынешнюю власть законной, по сути, их маски — это вызов для нас. Знак того, что император самозванец.

— Но это же бред... Он не узурпатор, принял власть от отца, он чистокровный в конце концов. Нет причин называть его самозванцем. Или я чего-то не понимаю? Ты же проводил допрос без меня, о чем они говорят?

— В том то и проблема, Бес, что даже под пытками никто кроме Иршада не может сказать ничего связного. Выяснить будешь ты. И на это не так много времени, Дисмаль поспособствовал ускорению процесса, так что казнь состоится на закате.

— Какая казнь?!

Я обогнала Карающего, за которым едва успевала и преградила ему путь.

— В связи с тем, что официального видящего у нас нет, — он нахмурился, уловив мои попытки притормозить события, — содержать преступников, которые тронулись умом, а они, поверь мне, сейчас выглядят как слабоумные, не имеет смысла. К тому же, народ обеспокоен частым появлением Шиа, и свадьба императора на этом фоне выглядит для обычных горожан как насмешка. Показательная казнь виновных на время поможет успокоить толпу.

— Только не говори мне, что ты действительно так считаешь...

— Не важно, как я считаю, именно на это и давил наследник в беседе с советниками отца.

— Я очень долго спала... — простионала, прикладывая руку ко лбу, — не хочу видеть казнь.

Лицо горело как от температуры, зря я сказала последнее. Это слабость, а мне не хотелось выглядеть слабой. Капризы ничего не изменят. Я уже видела, как убивают людей, парочка мертвецов не станет для меня шоком, но... Первый раз воинов рвали на части Шиа, второй — Кайрин прикончил мерзавца, который хотел прикончить меня. Это была честная смерть, оправданная. Не на потеху толпе.

— Если все пройдет гладко, тебе не придется.

Карающий думал о чем-то своем, и я действительно почувствовала, что он не желает выделять мне место в первом ряду перед плахой. Странно, мне казалось, он решит, что это станет отличным уроком. Своеобразная закалка для изнеженного характера.

— Перед тем как приступим, в подробностях расскажи, что ты помнишь о похищении. Как заговорщики вели себя раньше, что говорили? Сейчас по ним не скажешь, что когда-то они могли нормально соображать.

— Может приняли что-то? — предположила я.

— У тебя на все находится подобный ответ? — поддел Кайрин, напомнив, как я обвиняла его в употреблении наркотических средств, — На этот раз нет. Какой смысл пить что-то туманящее сознание, если можно принять яд? Они уже знали, что в живых их не оставят.

Я задумалась, пытаюсь вспомнить разговор безликих дословно, но осмысленным для

меня даже спустя время он не стал.

— Перед тем как попытаться убить Иршада, их главный говорил, что тот не единственный шпион во дворце... Больше никаких подробностей. Но мне удалось дотронуться до мастера порталов. Видение было странным... Он просил у меня прощения за что-то. Такого не было и быть не может, должно быть, я слишком устала и действительность подменило воображение...

А ещё мужчина заинтересовался маминым кольцом. Я по привычке попыталась нащупать шнурок, на котором его носила, но талисмана на месте не было. Урод прихватил его с собой.

Думать, что я действительно могла быть как-то связана с заговорщиком не хотелось. Это же абсурд! всю жизнь провела на земле, в существование других миров не верила, и до недавних пор с поднормальными явлениями не сталкивалась. Самая обычная семья, походы по разнообразным секциям в детстве, школа, универ, друзья, мечты о интересной работе. Где это все теперь? Иду допрашивать каких-то головорезов и размышляю, были раньше предпосылки к подобному развитию событий или нет?

— Дар не дает сбоев, — серьёзно заметил Кайрин.

— Тогда объяснишь мне, что это значит?

— Не предсказываю будущее.

От его ответа веяло холодом. Намекает, что я могла увидеть то, что ещё не случилось? Да, возможность была, но я думала, что это распространяется только на недалёкое будущее! В прошлый раз мне удалось залезть всего на пару минут вперед.

— Ты говорил, что это не так работает.

— У меня была возможность спросить только у прошлого видящего. С ним действительно не работало.

— Где дети? — я решила сменить тему.

На этот раз Кайрин знал о даре едва ли больше меня, и это изрядно его раздражало. Нет смысла раздувать проблему, если её решение найти пока невозможно, тем более на горизонте маячили более актуальные вопросы.

— Мику держат в изоляции. Мальчишка совсем дикий и не желает отвечать на вопросы. Его маленькую подружку я перевел на кухню, она ничего не знает и пока будет помогать слугам. Там за ней присмотрят.

— Есть какой-то подвох? — Уточнила, заметив какой оценивающий взгляд бросил на меня Кайрин. В то, что он не смог ничего добиться от Мики, не верилось.

— После того как разберешься с пленниками, займешься им. Мальчишка может стать полезным, если начнет сотрудничать с нами добровольно. Убеди его, не хотелось бы применять меры... Он быстрее пойдет на уступки, если найдет поддержку в лице сверстника.

— Я не сверстник ему уже лет семь! Как я должна это провернуть?!

— У тебя неплохо получается играть. — Карающий даже в лице не изменился, — парень из тебя куда лучше, чем девушка.

— Что?! Это было обидно вообще-то! — Фальшиво возмутилась, понимая, что он шутит. Однако в каждой шутке есть доля правды.

Я скрестила руки на груди, изображая нахохлившегося воробья, хотя в этом плаще больше походила на тощую ворону. Уже раздумывала поворчать на тему стереотипного мышления, но Кайрин оборвал назревающую речь, так и не дав ей полностью

сформироваться.

— Тебе сюда.

Безлюдные коридоры подошли к концу, если двинуться дальше, можно было выйти в главный холл, где легко наткнуться на многочисленных придворных и, конечно же, знатных гостей, стекавшихся с окраин империи, чтобы посетить свадьбу. Кайрин же увел меня в темное жерло тайного хода, путешествовать по которым уже вошло у меня в привычку. Большинство из них открывались с помощью потайных механизмов, и я практически не удивилась, когда учитель нажал на каменный рычаг, замаскированный под часть узорчатого барельефа.

Не удивилась бы вообще, если бы не одно “но”: “Почему только мне!?”

— Я должен присутствовать на подготовке к казни, а ты, фактически, ещё не дорос до допросов. Не думал же ты, что я провожу тебя туда и обратно?

Честно говоря, я на это надеялась. И почему он снова обращался ко мне в мужском лице? Чееерт... Последнее слово я невольно произнесла вслух. Оно вырвалось само собой, потому что я наткнулась на Сида, подпиравшего стену в заросшем паутиной углу.

— То есть, мог бы и догадаться.

План казался простым. Все кажется простым, когда слушаешь задачу на словах, а не выполняешь её на практике. Состоял он в том, что до камер я должна добраться вместе с Сидом и, прикинувшись одним из охранников, которые в честь грядущей казни тоже наденут в маски, покопаться в мозгах пленников, пока страж будет отвлекать ненужных свидетелей.

— Ростом ты, конечно, не вышел, так что все равно постарайся не привлекать к себе внимание, — прокомментировал Сид после того, как Карающий посвятил меня в подробности.

В полумраке глаза парня сверкали металлическим блеском. Я заскрипела зубами, досадуя на то, что Кайрин не приставил ко мне кого-то менее ехидного. Рада, например! Замечание было дельным, не спору, но сказано таким тоном, будто мне на судьбе было написано косячить, и без его совета исход предприятия сто процентов обречен на провал.

Страж демонстративно старался не обращать на меня лишнего внимания, делая вид, что внимательно изучает паука, ползущего по стене. Здоровенное членистоногое, обосновавшееся у самого потолка, перебирало тонкими длинными лапками, стараясь укрыться от света факела, который парень держал в руках. Прелесть какая.

— Вам следует поторопиться. Вернешь его обратно до того, как начнется церемония, Сид.

— С каких пор убийство называется церемонией? — спросила я, проигнорировав выпад стража.

Карающий надел маску, спрятал льняные волосы под капюшоном, и от этого преобразования мне стало не по себе. Его голос, приглушенный из-за Ли́ка, приобрёл зловещую глубину.

— С тех пор, как оно стало искусством.

— А может пусть посмотрит? — Вновь вмешался Сид, и был в его вопросе не самый прямолинейный подтекст, разгадать который я не смогла.

Кайрин покачал головой, не одобряя идею. Между ними явно существовала какая-то договоренность, в которую меня посвящать не собирались.

— На этот раз засунь своё своеволие куда подальше. Мне не нужны советы по его воспитанию.

Ого, а это уже интересно. Сид фыркнул и беспечно пожал плечами, убеждая в догадке, что за последние пару дней он таки успел напеть Карающему что-то про меня. Если до этого я ещё подбирала слова извинений за разбитый нос, то сейчас задумалась: “А надо ли оно мне?!”

Раньше, только познакомившись с отрядом, я не задумывалась над тем, кем парни приходятся Кайрину, ибо на публике их общение не выходило за рамки делового, но после разговора с Рахиль я убедилась — они были друзьями. И... становиться причиной раздора между ними мне не хотелось.

Я допустила фатальную ошибку, когда позволила Сиду нафантазировать что-то о себе. Стоило изначально пресечь это на корню, потому что, если он успел рассказать, как я обливалась слезами в катакомбах... Слов не находилось, но руки начали чесаться.

Карающий оставил меня наедине с парнем, скрывшись в дневном свете, который померк, стоило проходу закрыться за его спиной. Померк и мой решительный настрой.

Страж, который разговаривать не собирался, просто развернулся к выходу спиной и направился вглубь коридора, бесшумно скользя по каменному полу. Я кинулась следом, с досадой обнаружив, что мягкой поступью меня при рождении обделили, и каждый шаг отдается гулким нестройным эхо.

— Сид, ты можешь притормозить? — Попросила, догадавшись, что он специально вынуждает бежать за ним вприпрыжку.

— Мы спешим. Не заметил?

— Сид, пожалуйста, прости, что ударил тебя. Я был на нервах и неправильно расценил ситуацию. Ты тоже понял меня не совсем верно! Мне стыдно, дико стыдно за то, как я себя вел, и я очень благодарен за сумку. Спасибо, что подобрал её, это действительно важно для меня.

Все-таки решила не начинать разговор с разбора полетов. Когда Кайрин уходил, я успела заметить, что у парня на переносице осталась кривая ссадина, а под глазами красовались едва заметные синяки. Успел вылечить, но не до конца.

Страж сбавил ход, заставив меня облегченно вздохнуть. Я не умела как следует приносить извинения и надеялась, что он нормально воспримет эти.

— Мне не нужно твое раскаяние, Бес. Оно делает тебя ещё более жалким. — Сид остановился исключительно для того, чтобы сказать мне это в лицо.

Ах ты....

— Так значит? Я тут словами давлюсь, а ты их слышать не хочешь? Хорошо, просто отлично, теперь буду знать, что и твое доброе расположение яйца выеденного не стоит!

Я вспыхнула, преградив парню дорогу. Пусть думает обо мне что хочет, но проглатывать оскорбление я так просто не собиралась.

— Отойди...

Проход был достаточно узким, и чтобы меня обойти, стражу нужно было применить силу, но он сдерживался от того, чтобы отодвинуть “препятствие”.

— Нет уж, это займет несколько секунд. Хотел знать, кем я работал в борделе, Сид? Пожалуйста! Посуду мыл, котлы драил, был мальчиком на побегушках. Но даже с этой работы меня выгнали пинком под зад спустя пару недель, когда главная кухарка обнаружила, что я видящий и решила не портить жизнь нам обоим. Мне выплатили пару грошей и выкинули на улицу, но все, что я заработал, украл какой-то попрошайка спустя пару часов! Не знаю, что ты там себе нафантазировал, но я не обслуживал клиентов, не был экзотикой в девичьем кругу. Я мелкое ничтожество, нищета без высокого происхождения, и, если Вашему благородию претит общаться с чернью, можете даже не пытаться, но нижайше прошу не переносить свое презрение в массы. — Я перешла на издевательски-официальный тон, — Не высказывайте свои бредовые предположения моему начальству, ибо оно и без того все знает!

Выплюнув накопившийся яд парню в лицо, я не испытала ни капли облегчения, только кислое чувство гадливости. Развернувшись, пошла впереди, хотя дороги не знала.

— Я понял твое положение, когда ты спустился за своими вещами в комнаты для слуг, — раздалось позади, — Я ничего не говорил Карающему, можешь не волноваться. И да, если не научишься закрывать от него свои эмоции, мне и не понадобится что-то говорить.

Обернулась.

— Тогда к чему эти намеки, Сид? Ты, мать твою, до сих пор не отмечаешь свою теорию! Скажи уже прямо, не щади мои нежные чувства! В катакомбах ты решил, что я влюблен в

него, да? Ну, давай-давай, я помогу тебе, просто повтори за мной: “Я считаю, что тебе нравятся мужчины, Бес!”

— Я не это хотел сказать... — губы парня сжались в упрямую линию.

— Именно это! Но можешь не волноваться за свою честь, ты меня в подобном плане не привлекаешь!

Хотелось как лучше, а получилось...

— Да почему же ты такой вспыльчивый?! — Тихо взвыл Сид.

— Я не вспыльчивый, — оцетинилась, — мне всего лишь надоели твои вопросы и догадки. Они мешают работать, Сид. Зачем ты начал эти раскопки? Кто я, где я, откуда?

— Мне было интересно, а Кайрин ответил, что ты сам расскажешь о себе все, что сочтешь нужным.

Кажется, страж смягчился, но теперь мне было уже все равно.

— Ты получил рассказ. Доволен?

— Не вполне, ты все ещё изображаешь из себя бродяжку, хотя для этого слишком образован.

— Ты ошибаешься. Я даже читать не умел, когда пришел во дворец.

— Насколько мне известно, уже умеешь. И решаешь задачи вполне неплохо, помнится, я заглядывал в твои черновики...

— Ты рылся в моих вещах?!

— Да они на столе лежали...

Проклятье! Он же периодически заходил ко мне в комнату, после того как Дисмаль чуть не поджарил меня на арене. В основном мы упражнялись в контроле над видениями, я и представить не могла, что его заинтересуют мои учебные записи. Я переписывала параграфы из книг, упражняясь в письме, и ко всему прочему пробовала решить некоторые алгебраические примеры. Кайрин нагрузил меня ими, чтобы посмотреть уровень знаний в этой области. После того, как я разобралась с обозначениями, смогла осилить задачи на уровне пятого класса средней школы, в духе: “Поезд мчится со скоростью N километров в час, навстречу ему семенит утка с выводком утят со скоростью F километров в час, через какое время они встретятся, если расстояние между ними X километров.”

В местных задачах, само собой, поездов и уток не было, но суть оставалась таковой. Карающий был доволен, я радовалась успехам, хотя нечто более сложное даже с привычными обозначениями не потянула бы. Гуманитарий, что с него взять? Однако даже этой малости Сиду хватило, чтобы счесть меня неглупой.

— У меня есть предположение, — начал развивать мысль парень, — ты слишком складно разговариваешь для простолюдина, не считая того, что периодически вставляешь непонятные слова. Стараешься не делать этого при посторонних, но в кругу людей, к которым привыкаешь, можешь не следить за языком. Ты быстро учишься. Это говорит о том, что ранее ты умел и писать, и читать, только на другом языке. Некоторых элементарных вещей об империи ты не знаешь, но в разговорах старательно делаешь вид, что они тебе известны. Внешность у тебя привычная, так что для роли подходишь. Но ты не местный. Даже не с окраин, и даже не с островов. В конечном итоге, если сопоставить время, то твоя история начинается как раз с того момента, когда в столице случился последний прорыв. Шиа мы так и не нашли. Или нашли, а, Бес?

Я заскрипела зубами, ноги примерзли к полу. Пару мгновений тишину нарушал только треск горящего факела.

— Мне вручить тебе орден за догадливость, Сид?

— Можешь просто рассказать, как оно там — в твоём мире.

— В моём мире нет магии, а в моей стране многоженства. Достаточно?

Смена полярности. Теперь я заледенела, а он напрашивался на искренность. Впрочем, рано или поздно что-то должно было всплыть на поверхность, и хорошо, что это моё происхождение, а не пол.

— Скучно живете... — Протянул парень, включив образ обаятельного нахала, — Бес, давай заключим перемирие.

— Я пытался сделать это минутой ранее.

Парень успокоился и зашагал со мной вровень.

— Сдаюсь, ты не такая тряпка каким кажешься, — поняв, что довел меня до бешенства, страж наконец решил объясниться, — и, если ты признал, наконец, мою правоту, расскажу причину своего беспокойства.

— Какую правоту? Ты просто наблюдательный. Если немного снизишь уровень самодовольства, послушаю.

Сид пропустил мимо ушей язвительную реплику. В замкнутом пространстве диалог плавно перетек из склоки в нечто большее.

— Мои выводы о твоём отношении к Карающему не были основаны на работе в борделе, Бес. Наверное, тебя не посвятили в подробности вашей связи, и я понимаю почему...

— Прекрасно просветили, Сид! Я не могу сбежать от него, не могу даже в мыслях допустить предательство. Пойми меня правильно, я не собирался делать ничего подобного, тем более, что бежать мне некуда, да и живу я здесь весьма неплохо, но я отлично осознаю, что меня посадили на цепь.

— Я не об этом говорю, Бес. Ты хоть помнишь, как твоя клятва звучала?

После вспышки гнева я все ещё не была настроена на серьёзные разговоры.

— Помню. “Признаешь ли ты его как наставника и...” — я запнулась.

— И часть себя, — закончил Сид, — верно, император хорошо покопался в твоих мозгах, если подобная формулировка тебя не смутила.

— Вообще-то смутила, но если учесть то, что он считывает мои эмоции, звучит клятва вполне логично, да и поздно плакаться уже, не находишь?

— Открою тебе глаза, — мы начали спускаться по винтовой лестнице, и страж заботливо предупредил, — только не споткнись. Первая часть клятвы существует исключительно для того, чтобы смягчить вторую. Ключевой смысл заключен в двух последних словах. Ты знаешь много людей, Бес, которые не любят себя?

— Ты явно не из их числа, — огрызнулась, осознавая к чему он ведёт.

— Спрячь ехидство. Плюс вашей сделки, не для тебя естественно, в том, что в конечном итоге ты не сможешь бежать из дворца не из-за страха смерти, а потому что сам не захочешь. Клятва на крови — не только механизм контроля и слежения, это привязка с побочным эффектом. Если не будешь сопротивляться, можешь привыкнуть к Карающему настолько, что это перерастет в... одержимость.

Спорю, Сид хотел сказать что-то другое, но в последний момент исправился. Я не сомневалась, что императору было невыгодно отпускать видящего даже после выполнения договора, но привязывать меня к собственному сыну таким способом? В речах стража был смысл, но, с другой стороны, он определенно стучал краски.

— Кайрин не согласился бы на подобное... — Выдавила я.

А ведь ему было неприятно... Я помнила, с каким отвращением он воспринял приказ императора, и даже маска извечного спокойствия не смогла скрыть его в тот момент.

— По нему это не ударит, невосприимчивость к ментальному воздействию, сам знаешь. А ты держись молодцом, не спорю, но...

— Заканчивай юлить!

— В твоём возрасте пора бы уже начать кем-то интересоваться, вот я и подумал, что связь может перерасти в нечто подобное. К тому же я вижу, что тебя пугают девушки.

— Меня не пугают девушки!

— Не ври, ты собственным словам противоречишь, Бес. Сам говорил, что тебе претит мысль к кому-то прикоснуться, потому что физический контакт вызовет видения. Ты должен перебороть это, попробовать отстраниться от образов.

Как хорошо, что темно, как же хорошо, Господи! Надеюсь, страж не заметит, что моё лицо пошло красными пятнами! Наверняка даже природная смуглость не смогла бы скрыть пожар, разгоревшийся на щеках. Парень решил дать мне советы по устройству личной жизни! Как бы пережить этот стыд? Да у меня глаза на лоб полезли! Лишь бы его в лекцию про пестики и тычинки не занесло, я же этого не вынесу!

— Давай я разберусь с этим самостоятельно, Сид?! — Я чуть не заорала на всю округу, но вовремя спохватилась, перейдя на глухое рычание.

Парень усмехнулся, не проникнувшись моим заявлением и на какое-то время умолк. Я позволила себе расслабиться, наслаждаясь блаженной тишиной, но она не продлилась долго.

— Когда у тебя день рождения? — Поинтересовался Сид.

— Пару недель назад был, — буркнула я.

— И ты не сказал?! — Возмутился парень, запустив в голове непонятный мне мыслительный процесс.

— А ты тортик принести хотел?

— Сколько тебе исполнилось? Шестнадцать?

Подсчитал, значит. Если Кайрину при знакомстве я говорила, что мне пятнадцать, то Сид, руководствуясь этой информацией, с легкой руки добавил мне ещё год. Взрослею, однако!

— Ага, — согласилась я.

— Хилый конечно, но уже почти мужик! Решено, с подарком я запоздал, но лучше поздно чем никогда. Найду тебе девушку.

Я чуть воздухом не подавилась от решительности в голосе этого авантюриста.

— Ты свихнулся?! Нет, Сид, нет и ещё раз нет! Не смей!

— Тебе подойдет милая, кроткая, невинная, — парень не слушал, увлеченно перечисляя качества, которыми должна обладать идеальная кандидатура для меня, — без лишних проблем и связей в прошлом. Сложно найти такую... Как ты относишься к рабыням? Девственницы дорого стоят, конечно, но для друга не жалко. Некоторых с детства воспитывают в комнатных условиях, можешь не волноваться. Никаких переживаний, никаких мужчин до тебя.

— Плохо отношусь! Сид, прекрати, прошу! — Взмолилась, ещё не до конца понимая шутит он или говорит серьезно. Если он правда вознамерился сотворить что-то подобное, то можно начинать рыть себе могилу.

— Я же не жениться тебя заставляю, — философски изрек парень, — так, помочь хочу.

— Извести меня хочешь, а не помочь! — Вызверилась я, — Брось эту идею!

Страж водрузил факел в железную подставку на стене и разочарованно вздохнул.

— Ладно, если рабыни тебе не подходят, найдем свободную. А теперь прекращай спорить, надевай маску, мы пришли.

Я с несвойственной для положения радостью затянула на затылке пару широких лент, с помощью которых это безобразие должно было держаться на лице, и вылетела из потайного хода с такой поспешностью, будто мне дали пинка для ускорения. Только полы казенного плаща развевались позади, как крылья летучей мыши.

— Похвальное рвение! — Глумливо одобрил Сид, вырисовываясь позади.

Страж тоже надел маску, и его шутливый голос ужасно не соответствовал грозному образу “призрака оперы”, сравнение с которым внезапно пришло мне на ум. Похож ведь... Высокий, статный, с черными волосами, ещё не скрытыми под капюшоном, парень словно сошел со сцены большого театра в самый разгар грандиозного мюзикла.

Я же стояла рядом, как неказистый фанат-подражатель, мечтающий взять автограф у звезды.

— Хочу закончить с этим поскорее.

На самом деле и начинать-то не особо хотелось, но лучше заняться работой, пока этого гения не посетила очередная шедевральная идея! Я зло зыркнула на парня, прикидывая насколько же извращенной может оказаться его фантазия в плане свершения “благих дел”. Сегодня он решил найти мне подружку, а завтра что? Со свечкой у кровати встанет, дабы убедиться, что все по плану прошло?! И это я после подобного веду себя как ребенок?! Да у него самого детство в одном месте свербит, а казалось бы — взрослый человек. Военный. Тфу ты!

— Сначала посетим Иршада. Он все ещё в пыточной.

Сид будто мысли мои прочел. Сразу шутки кончились.

— Зачем? Его же скоро на казнь поведут...

В горле встал тугой комок.

— Все ради твоего комфорта, сам сейчас поймешь.

Прозвучало зловеще. А может мне просто показалось, ибо атмосфера подвалов не располагала к позитивному мышлению. Голые стены, низкий потолок, ни проблеска той роскоши, что царствовала наверху. Золотой дворец, возвышавшийся над городом как образец величайшего творения рук человеческих, таил под собой мрачный склеп, бережно хранящий память о сотнях загубленных жизней.

Быстрое изменение в обстановке больно резануло по нервам. Выйдя из светлых покоев, уже привычных и родных, я будто спустилась с небес на самое дно чистилища. По сравнению с подземельями дворца пещеры, в которые меня отвели похитители, уже не казались столь пугающими. Темные, запутанные, но пустые катакомбы не шли ни в какое сравнение с лабиринтом тюремных этажей, ведь именно от них так отчетливо разлило смертью.

Густой запах сырости, редкий для пустынного климата, висел в воздухе, и казалось, что, если сделаешь слишком глубокий вдох — легкие наполнятся не кислородом, а последним дыханием, слетающим с губ умирающих. Стоит замереть и прислушаться — непременно услышишь, что безжизненный камень стонет их голосами.

Повела плечами, позорно осознавая, что с таким образом жизни стану чересчур суеверной, начав видеть нечто потустороннее там, где его и в помине нет. Стало так холодно

и промозгло, что захотелось плотнее укутаться в плащ, но я сдержалась, взяв пример с Сиды, который не подавал вида, что ему может быть дискомфортно. Хотя, с чего я — святая простота, вдруг решила, что мои мании распространяются и на стража? Он давно привык и попросту не воспринимал подобные мелочи.

— У тебя что, зубы стучат? — Удивленно спросил парень, полностью оправдав мои мысли.

— Замерз.

— Сделаю вид, что поверил.

Интересно, если я его повторно ударю; на сей раз чем-то тяжелым и по голове, это поможет вправить ему мозги, или в данном случае возможен только путь деградации? Лучше не проверять.

— Не утруждайся.

— Как в тебе сочетается отвага и трусость, Бес? Иногда ты готов броситься на врага с голыми руками, а сейчас трясешься, прогуливаясь по обычной тюрьме. А ещё ведь самого интересного не видел, пойдём через змеиную яму.

— Через что?!

Отвечать страж не стал, потому что мы наткнулись на пост охраны, дежурящей в одном из лестничных пролетов. Я расправила плечи, пытаюсь выглядеть солиднее, но на меня с Сидом даже не обратили внимания. А точнее обратили, но пропустили без лишних вопросов.

— А тебе не кажется, что под подобным прикрытием сюда сейчас может любой зайти? — В замешательстве спросила я, как только мы миновали гвардейцев.

— Нет, просто они были предупреждены и узнали нас. А вот внутри можно наткнуться на кого-то нежелательного, тем более сюда заявятся жрецы из центрального храма, дабы от лица Бога засвидетельствовать виновность. — Сид хохотнул неизвестно над чем и легонько толкнул меня в спину, — Встречай старых знакомых, Бес!

Арочный проход вывел на каменный мостик, нависший над громадным, черт побери, загоном для хищников! Ох ты ж... Я прикусила язык, чтобы не выругаться. Помещение в форме купола являлось зверинцем, в котором содержали ищеек. Без сомнения знакомые, но от этого не менее пугающие кошки, вольготно бродили внизу, а при появлении гостей задрали оскаленные морды. Черная шкура хищников почти сливалась с тенями, но горящие потусторонним светом глаза усеяли пространство внизу множеством незатухающих углей.

Я опасливо перегнулась через перила и обнаружила, что твари быстро сориентировались, сбившись в группу прямо под нами. Не иначе как ждут, когда кто-то свалится вниз, организовав им званый ужин.

— Не переживай, ищейки тебя помнят и не сожрут. Если это успокоит, то они могут забраться к нам, просто не делают этого в связи с отсутствием опасности или прямого приказа, — пустился в повествование Сид, — Змеиная яма теперь используется не совсем по назначению, и для них соорудили выступы на стенах, чтобы в случае побега кого-то из заключенных, его было просто поймать... Вообще-то никто не бежал отсюда уже лет сто, но предосторожность лишней не бывает.

— Какая-то не змеиная ваша змеиная яма! — Зашипела я.

— Времена меняются. Но я привык думать, что она земная из-за того, что это любимое место Лисы, а он тот ещё гад ползучий.

— Хорошо, что он не слышит...

Мы миновали зверинец, после которого и шли камеры для заключенных. На

большинство можно было не любоваться, закрытые двери не позволяли разглядеть, был ли в них кто-либо вообще, а посвящать меня в это страж не собирался. Немногочисленная охрана, патрулирующая коридоры, одаривала нас безразличным вниманием, но я не позволяла себе расслабиться, встречая на пути постороннего человека.

Меня сжирала паранойя.

— Веди себя естественно, Бес, ты не в краже участвуешь. Сворачивай...

Пол мягко уходил под откос, и в конечном итоге мы уперлись в тупик. Возле кованной двери с неподъёмным на вид засовом стоял гвардеец, и я чуть не подпрыгнула, когда он монотонным голосом Рада поинтересовался:

— Вы могли добираться сюда ещё медленнее? — Он лишь кивнул, не став растрачиваться на приветствия, и я ответила тем же.

— А ты уже успел постареть? — Удивился Сид, — Сколько у нас времени?

— Минут десять, жрецы прибыли во дворец, поторопитесь.

Лязгнули замки, и у меня мгновенно пересохло во рту от волнения. Карающий предусмотрительно выставил в темницах воинов из отряда, чтобы они при необходимости смогли меня прикрыть, но я думала лишь о том, что это окажется напрасным, если спасую в последний момент.

Сид открыл дверь, приглашая пройти в чернильную темень камеры. Запах тлена и запекшейся крови, окутавший меня на пороге, пробудил желание развернуться и броситься прочь, но я лишь с трудом проглотила вязкую слюну.

Страж одобрительно кивнул, сочтя молчание за признак сосредоточенности, и взял один из факелов, освещавших коридор. На самом деле я молчала лишь потому, что думала; если открою рот — непременно стошнит, и как только желтый свет огня залил пространство внутри, рвотный позыв усилился.

Железная дверь захлопнулась за спиной, но полуобнаженный мужчина, растянутый на дыбе, даже не пошевелился. Раньше я видела это орудие пыток только в фильмах и музеях, но столь яркое чувство омерзения оно вызвало лишь сейчас — когда в нем находился человек. Узника закрепили на широком деревянном столе, с валиками для натяжения веревок, связывающих жертве руки и ноги. Устройство было слегка наклонено, и бессознательное тело с неестественно вывернутыми локтевыми и коленными суставами походило на сломанную шарнирную куклу, узнать в которой Иршада было невероятно сложно. Не осталось больше в нем ни стати, ни затаенной угрозы, ни части той силы, которую я отметила, встретив его впервые. Кожа — бурая от гематом, вздувшиеся струны сухожилий, и раны, раны, раны... Он и на человека теперь походил с трудом.

Жалкое зрелище, от которого у меня мурашки пошли по коже.

У стен располагались полки с инструментами, углубляться в изучение которых мне не хотелось. Пилы, крюки, ножи всевозможных размеров и форм все ещё хранили на себе следы свежей крови.

— Он жив? — Тихо спросила я, не решаясь подойти ближе к мужчине.

— Дышит, — ответил Сид, — вопрос в другом — понимает ли он происходящее? Сейчас проверим.

Страж выбрал в ассортименте пыточного инвентаря несколько длинных игл в палец толщиной, решительно подошел к пленнику, и ни секунды не мешкая, загнал одну из них между выступающих ребер. Метал вошел в податливую плоть как в подтаявшее масло, заставляя мужчину со стоном приподнять голову.

Я выругалась сквозь зубы.

— Какого черта?!

Сид развернулся, и сквозь прорези в маске я увидела его прищуренный жесткий взгляд.

— Он одаренный, а значит способен нести угрозу даже в таком состоянии. Боль не дает ему использовать способности, и перед тем, как приступишь, я должен убедиться, что её достаточно. Ты ведь можешь и притворяться, правда, урод?

— Да ты же прикончишь его до казни!

— Велика потеря, — ровно ответил парень, — но не волнуйся, этим его не убьёшь, а жизненно-важные органы я не задену. Вторую можно вогнать сюда...

Страж демонстративно прочертил иглой линию по телу и медленно надавил, погружая её в район брюшной полости.

— Прекрати, — голос осип, — он шевелиться не в состоянии.

Я не могла сказать, что испытывала сострадание к Иршаду, напротив, я жалела себя, потому что смотреть на это было в наивысшей степени противно.

— Послушай паренька, пёс...

Мужчина с трудом разлепил потрескавшиеся губы. Растрепанные жирные волосы облепили его высокий лоб, закрыли глаза, но мне казалось, что они не мешают пленнику видеть нас насквозь.

— Не нравится? — Почти натурально возмутился Сид, провернув иглу в животе, — Так ударь меня своей силой. Смотри, я же совсем близко, и у меня нет защиты как у Карающего. Ответом послужило несвязное мычание.

— Тварь...

На груди мужчины выступил холодный пот.

— Он ни на что не способен, — Резюмировал страж, — можешь начинать.

Я сделала шаг вперед, осознав, что прячу ладони в широких рукавах плаща. Вот почему Сид сказал, что Иршада держат в пыточной для моего удобства. Испытывая боль, он не сможет ударить меня электричеством при касании, не сможет расслабиться и на миг, когда тело пронзает острая сталь. Только облегчения от этих мер безопасности я не чувствовала.

— Думаешь я не узнал тебя, парень? Зачем ты пришел сюда? Я уже сказал все твоему наставнику. Он, как видишь, ответственно подходит к работе. Нравится?

— Нет...

— Значит ты все-таки слабак. Убил бы тебя, жааалк...

Он не договорил, захлебнувшись булькающим кашлем. Волнение внезапно отступило.

— Где? — Я выхватила у Сида ещё одну иглу, и резко воткнула её в место, которое указал парень. Руки тряслись, но... Пусть заткнется, пока я не передумала.

Шип вошел в тело по самое основание, горячая кровь оросила пальцы... Что же я делаю? Последняя внятная мысль растворилась в мареве туманных образов. Я балансировала на границе сознания, прижимая руку к липкой коже пленника. Надо собраться и найти что-то важное... важное... важное...

Слово эхом пульсировало в голове.

Важное для кого?

Знакомые глаза мальчишки смотрят на меня снизу вверх. Его волосы непозволительно коротко и криво обрезаны, дырявая жилетка висит на хилых плечах.

— На кого ты похож, Микаэш?!

— На тебя?

— Ты выглядишь как оборванец. Я дал тебе все, и дам ещё больше, если ты прекратишь вести себя как ребенок!

— Я и есть ребенок.

— Нет, ты мой наследник!

— Мне не нужно твоё наследство! Ненавижу его и тебя ненавижу!

Руку обжигает боль; мальчишка хватается за покрасневшую щеку.

— Неблагодарный! Тебе противна моя работа? Может ты ещё и на службу в имперскую армию подашься? Сбежишь к скотам, которые отняли у нас все? Отвечай!

— А чем ты лучше? — В глазах ребенка не видно слез, только ядовитая злость. — Говоришь, что они захватчики, а кто ты?

— Так будет не всегда, — мой голос смягчается, — я разберусь со всем и...

Видение начинает меркнуть, и на его место приходит новое.

О скалистое побережье бьются холодные волны. На горизонте вода сливается со свинцовым небом, так что невозможно понять, где кончается море и начинаются облака.

Жухлая трава под ногами хрустит, и я присаживаюсь на корточки, чтобы сорвать чахлый цветок эмалии. Крохотное лазоревое соцветие крошится в пыль от прикосновений.

— Проклятая пустыня добралась и до нас...

Чья-то жилистая ладонь ложится на плечо, я оборачиваюсь, но лицо собеседника расплывается перед глазами. Я его не помню.

Нет, все не то. Лоб взмок от напряжения. Хриплое дыхание мужчины раздражало, мешало настроиться, но именно оно позволяло мне не выпасть из реальности. Последнее видение было из далекой юности Иршада, а мне требовалось нечто более близкое к настоящему.

— Бес? — Голос Сида будто доносился через слой ваты.

— Я понял, я понял зачем ты ему нужен... — А это совсем рядом, в раскалывающейся на части голове.

— Замолчи...

Поймать стоящий момент — единственное, что требуется от меня.

Человек рядом со мной серьёзен. Он ведет себя уверенно, смотрит прямо, не идет ни в какое сравнение с посредником. У того были живые бегающие глазки и потные скользкие ладони, которые он подставлял для рукопожатия. Этот же — птица важная, щеголяющая в дорогом, хоть и невзрачном на первый взгляд камзоле. Осматривает мои владения спокойно, едва ли уделяя внимание лучшим девочкам. Внешность непримечательная, но есть в ней странность, которую я не могу распознать.

— Я согласен на сделку. Мне нравится.

Он стоит в проходе, и смотрит на зал полный клиентов, меланхолично придерживая занавеску тонкими пальцами.

— Вы уверены... — Это не вопрос, констатация факта. Меня удивляет его решительность.

— Место подходит. Ты предоставляешь его, закрываешь глаза на некоторых посетителей, предоставляешь информацию нашему поверенному и получаешь за это деньги.

— Я не только ради денег иду на это, думал вы понимаете.

— Естественно понимаю. Упорство, с которым ты нас разыскивал достойно уважения. Люблю идеалистов... — мужчина щурится, уголок губ кривится в усмешке. — Не пугают наши условия?

— Нет. — Голос звучит твердо, я стараюсь не выдавать волнения.

— Тогда закрепим... И вот еще что, я привел тебе новую девочку. Она не для всех. Иди сюда, милая.

Фигура, закутанная в шелка отстает, семенит сзади, но как только ей отдают приказ приближается, и скидывает с себя платок.

Я успела узнать девушку прежде, чем картинка начала гаснуть, но этого было мало. Нужно посмотреть, что произошло дальше. Только голову переполнял белый шум, на смену одному видению не приходило другое. Что за черт? Я почувствовала, как Сид хватает меня за рукав, оттаскивая от мужчины.

— Стой, я должен закончить!

Действительность вернулась не до конца, я как сомнамбула потянулась, чтобы вновь дотронуться до окровавленной кожи, но страж не позволил.

— Не смей, хватит с тебя, неужели не чувствуешь, что он умер?!

Я сфокусировала взгляд на парне, все ещё не понимая, что за чушь он несет, но затем

посмотрела на пленника и наконец осознала почему стало так тихо.

Голова Иршада повисла, по губам текла толкая струйка крови, грудь не вздымалась от прерывистого дыхания, однако, мне не нужны были внешние признаки, чтобы понять — его сердце перестало биться в тот момент когда прекратились видения.

— Это... Это ведь не я сделал?

Отступила от тела подальше, будто шаг назад смог бы помочь обернуть время вспять. Я не хотела его убивать! Не хотела! “Тогда зачем ты собственными руками воткнула ему в живот эту железяку, Бес?” Ответа на вопрос не находила. Несмотря на то, что Иршад был знатным мерзавцем, прикладывать руки к его убийству я не собиралась. Он должен был умереть, но не так...

Страж взял меня за плечи и хорошенько встряхнул. Не помогло. Я смотрела на мертвого мужчину через его плечо и видела на дыбе другого человека. Димка умер где-то здесь, выглядел ли он так же перед смертью? Его пытали подобным способом, чтобы получить информацию?

— Бес, посмотри на меня! Его все равно пришлось бы убить, он понял кто ты. У меня был про запас другой способ, но ничего не поделаешь. Не важно где, здесь или на площади, это в любом случае произошло бы сегодня. Приди в себя, ты не виноват. Я понимаю почему тебя трясет, это все дар, слышишь? Сопrotивляйся.

Меня трясет? И правда...

Дверь отворилась, в проеме показался взволнованный Рад.

— Вы закончили?

Он успел сказать это прежде, чем оценил общую обстановку. На дальнейшее действие у стража ушла пара секунд.

— Ясно. Веди его обратно.

Жалость в голосе заставила меня очнуться от оцепенения.

— Нет, мы не закончили, я должен проведать ещё двух пленников.

Парни переглянулись. Я расправила плечи, и больше не смотря на труп, направилась к выходу. Сама же приказывала себе не разводить сопли на пустом месте! Допрос не был напрасным, я узнала, что одна из проституток Иршада работала на заговорщиков, узнала, как выглядит один из них, и прерывать начатое дело на полпути не имела никакого права.

— Хорошо, — Сид немного успокоился, — пойдём.

— Ты же видишь, что он не в себе?! — Воскликнул Рад.

— А ты предлагаешь отложить казнь и подождать когда ему вновь станет легче?

Это “вновь” прилетело в спину как брошенный в прокаженного камень.

— Не спорьте, я в норме.

— У остальных повреждена память, Карающий поймет, если ты не будешь к ним прикасаться...

— Я не все делаю по его велению, Рад. Мне нужно хотя бы взглянуть на них, чтобы проверить одну теорию.

Необходимо было посмотреть на заговорщиков, чтобы понять был ли в их числе мужчина, приходивший к хозяину борделя.

Рад какое-то время раздумывал над моими словами, после чего дал согласие:

— Только не угрожьте остальных, будьте любезны, иначе общественность разгневется. Я пока постараюсь замести следы.

— Не смотри на меня так! — Возмутился Сид, поймав на себе внимательный взгляд

друга, — Он не должен был сдохнуть от этих ранений!

— Потом разберемся.

Страж что-то буркнул себе под нос, возмущаясь недоверием к своим профессиональным способностям, но я не вслушивалась, занявшись упорядочиванием бардака в собственных мыслях. Вряд ли в воспоминаниях Иршада был кто-то из осужденных на смерть, иначе голос заговорщика показался бы мне знакомым... Скорее всего я увижу их лица в первый и последний раз, снова наткнувшись на тупик. В деле было замешано слишком много людей, и это все усложняло. Какое-то время назад я свято верила, что наследник — корень зла, но сейчас начала сомневаться. Зачем бы ему понадобилось подсылать в бордель шлюху? Её задача наверняка была в том, чтобы развязывать языки благородному бомонду, гостившему в “Оазисе”, но ведь у принца должны существовать более действенные способы добычи информации.

Дисмаль жил здесь, и я уверена, имел под рукой целый штат из шпионов. О друзьях и прихлебателях, готовых пятки лизать наследнику, даже говорить не приходится.

Делиться с Сидом домыслами я пока не спешила, но парень и сам не торопился расспрашивать о видениях. Не успели мы пройти даже несколько десятков метров, как у нас появилась более насущная проблема. Страж резко затормозил, а потом развернулся и поволок меня обратно, жестом приказывая не шуметь.

— Мы опоздали. Жрецы здесь.

Задумавшись, я ослабила внимание и не заметила, что впереди идет процессия из людей в бесформенных красных балахонах. Сид же сработал четко, настолько, что я опомниться не успела, как оказалась зажатой в одном из темных углов тюрьмы. Сам он, скрываясь из зоны видимости, не придумал ничего лучше, чем прижать меня к стене своей тушей!

Мне дышать трудно стало. Не из-за тесноты... Из-за испуга. Оглядываясь через плечо, парень бесцеремонно положил ладонь мне на грудь, чтобы я не думала дёргаться. Эффект превзошел все ожидания, потому что в таком положении я даже воздух поглубже в легкие боялась набрать! Черт, черт, черт!

Звук шагов начал отдаляться, люди свернули не в нашу сторону, но Сид решил переждать, замерев в таком положении! Нельзя нервничать. Он не сможет нащупать женскую грудь под несколькими слоями одежды и тугой повязкой, но, если начну придавать этому большое значение, быстро заметит странности в поведении.

— Прошли? — Глухо спросила я, чувствуя, как грохот подскочившего сердцебиения отдаётся где-то в районе горла.

— Да, направились за нашими знакомыми. Лучше с ними не пересекаться, возвращаемся.

Он наконец убрал свою лапу, позволяя мне свободно выдохнуть. На языке вертелась тирада про наглость и нарушение личного пространства, но я его прикусила. От нервного разглаживания плаща, правда, не удержалась.

Путь из подземелий после пережитого показался мне не в пример легким, я летела обратно не оборачиваясь, и не сбавляя скорости, а как только вышла в светлый и просторный коридор родного крыла, сорвала с лица опостылевшую маску. При этом измазала её всю, оставив на гладкой поверхности красные отпечатки пальцев.

— Дай сюда, — Сид протянул руку, — избавлюсь от неё. А ты отправляйся к себе и делай вид, что ничего не случилось.

— Это все? — Я подняла на парня ошалевшие глаза, — Ты уходишь?

— А что ты предлагаешь? Мы упустили двух свидетелей, убили третьего. На площади уже собирается народ, чтобы насладиться зрелищем, и мне нужно быть там и следить, чтобы хоть раз в жизни все прошло без осложнений.

— Думаешь, появятся Шиа?

— Не думаю, это было бы слишком ожидаемо, но произойти может всякое.

— Отлично, тогда я приведу себя в порядок и отправляюсь с тобой.

Решение далось нелегко, но если я смогла пережить смерть Иршада в пыточной, то и казнь перетерплю. Да, неприятно, отвратительно, мерзко, но, когда передо мной встал выбор, я поняла, что не смогу отсидеться в комнате, покорно сложив руки.

— Карающий ясно выразился, велел не допускать тебя к казни, — Сид покачал головой.

— Он сказал это лишь из-за того, что я был против. Но ситуация поменялась. К тому же статус обязывает меня посещать подобные мероприятия, и, если не появлюсь там — прослышу трусом. Наследнику плевать в каком состоянии я нахожусь, он не упустит возможность распустить грязные слухи.

— Ты считаешь, что Карающий принял решение только исходя из твоего мнения? — Парень хмыкнул, — Насчет остального ты прав, конечно, но...

— Я возьму на себя всю ответственность, Сид.

— За кого ты меня принимаешь? — Страж раздраженно скинул с головы капюшон, развязал ленты на затылке, и вскоре я получила возможность видеть его недовольное лицо, — Я не отговаривал тебя, просто подумал, что и сам мог погорячиться, когда сказал, что это будет хорошим уроком...

Неужели решил, что в пыточной перегнул палку? Долго же в нем совесть дремала, а как проснулась, было уже поздно. Я не сахарная.

— От меня ни на шаг, — сдался парень.

— Осужденных разденут и проведут пешком по главной дороге, — поспешно инструктировал Сид, — Дисмаль, первый жрец и советники придут на главную площадь другим путем, они объявят приговор от лица императора, после чего он будет приведен в исполнение.

— Как официально ты умеешь говорить, — я решила поддеть парня, но он сделал вид, что не заметил.

— Мы зайдем место среди тех, кто не принимает непосредственного участия в процессе. Приближенные к трону будут располагаться на зрительских местах, и ты имеешь право быть в их числе. Там безопасно, но постарайся лишней раз не привлекать к себе внимание Дисмаля. Остальные не лучше, но тебе все равно придется с ними познакомиться. На вопросы отвечай односложно, старайся вообще меньше говорить, веди себя спокойно, когда все начнется, не отводи взгляд. Что бы ни произошло, понял?

— Мне не пять лет. — Отчеканила, приглаживая непослушную челку.

Попытки привести себя в нормальный вид за пятнадцать минут отведенного времени почти увенчались успехом, если не считать того, что я с дуру сунула голову под струю ледяной воды, когда с остервенением отмывалась от крови. Теперь волосы торчали во все стороны и кучерявились, как шерсть молодого барашка. Зато метод помог выбросить из головы ненужные мысли, и когда Сид встретил меня у лестницы рядом с покоем, я выглядела так, будто собиралась с ним на утреннюю прогулку, не больше.

— Ты на лошадях ездить умеешь? — Вдруг спросил страж.

— Умею, а что? — Подозрительно ответила я, подумав, что парень решил провести сложную параллель между поведением на казни и способностью держаться в седле. Он частенько говорил об одном, а в итоге приходил совершенно к другому, и это его свойство подбираться к морали сквозь непролазные тернии псевдофилософских дум иногда настораживало.

— Паланкина у меня нет, рабов, которые будут нести его на своих плечах — тоже, да и движение в городе частично перекрыто. Тут не далеко, но быстрее будет добраться на лошади.

Я поджала губы и отвернулась. Шутник. Что это за намеки такие? На глаза тут же попала парочка слуг, решивших осчастливить меня поклонами. Стоило выбраться из покоев, как тут же стала объектом всеобщего внимания. После похищения моя популярность среди обитателей дворца значительно возросла, и теперь каждый встречный считал своим долгом если не поприветствовать, то хотя бы поглазеть издали.

Дурная слава... Мы с Сидом направились к конюшням, и шагая по каменным дорожкам через сад с неприхотливыми деревьями я то и дело замечала, как люди, степенно прогуливающиеся по улице господ, провожают нас липкими взглядами. И если раньше я получала внимание пренебрежительное, то сейчас оно стало острым и расчётливым, как стрела, нацеленная в сердце.

— Привыкай, — вздохнул Сид, — Карающий пытался замять подробности случившегося, но предотвратить слухи невозможно. Даже те, кто не знал о решении императора, поняли, что ты не простой везунчик, прорвавшийся к верхам. Но это уже не важно, прятать тебя вечно мы все равно не собирались.

Уныло кивнула. Кайрин специально сводил к минимуму моё общение с окружающими, чтобы дать время на адаптацию, но вот оно вышло, а уверенности в себе у меня так и не прибавилось.

На входе в конюшни нас встретил пожилой мужчина с осунувшимся, но добродушным лицом. Сид прервал его попытки к расшаркиванию небрежным жестом и быстро познакомил нас.

— Фархад — главный конюх, служит здесь без малого пятьдесят лет. А это Бесман — ученик Карающего, но ты уже понял.

Я удостоилась быстрого похлопывания по плечу от стража и расценила столь дружеский жест на людях как признак доверия к новому знакомому.

— Очень приятно, юноша, — улыбнулся мужчина, — ожидал встретить вас раньше, но потом услышал, что вам не до этого. Полагаю, сегодня выдался не лучший повод для верховой прогулки.

Я неопределенно пожала плечами.

— Твоя правда, — ответил Сид, — и все же подбери для него лошадь.

— Как прикажете.

— Бес, мне нужно отправить сокола Карающему, Фархад пока проводит тебя.

— Хорошо.

Кругом сновали люди, неподалёку стоял пост охраны, так что без присмотра я остаться не должна. Пора было отвыкать от постоянного сопровождения на территории дворца, мы оба это понимали, но Сид все равно не удержался от того, чтобы шепнуть мне на ухо: “Я быстро”

Конюх поманил меня за собой, на ходу сообщая долговязому мальчишке, занимавшемуся чисткой лошади в одном из стойл, что тому стоит поторопиться. Я невольно засмотрелась на кобылу, по лоснящейся шкуре которой паренек прохаживался большой круглой щеткой, и восхищенно присвистнула.

— Нравится? — Спросил мужчина, — Думал вам более по душе чистокровные барханники, а это всего лишь полукровка. Отсутствие выносливости у таких компенсируется спокойным нравом, но молодые редко ценят это качество. Приведу вам Мираж, она тоже очень смиренная, не примите за дерзость, но тот жеребец, которого Карающий просил объездить для вас — настоящий демон, даром носит имя затишья на море.

В конюшнях было на удивление уютно, пахло сеном и свежесрубленным деревом, ясно свидетельствуя о том, что помещение тщательно убирают. Негромкое ржание лошадей и гомон слуг настроили меня на умиротворенный лад.

— Она великолепна, — ответила, следя как паренек выводит кобылу из стойла. Та будто сошла с картины “Купание красного коня” и отличалась редкой рыжей мастью. Вернее, рыжий — слишком скромное определение для столь насыщенного медного оттенка, будто обогренившего светом заходящего солнца, — впервые вижу такую красавицу. Подождите, учитель просил объездить кого-то для меня?

Последние слова конюха удивили. Кайрин что, серьёзно это сделал? Только почему я узнаю обо всем последней?

— Так точно, Бесман джан. Но не в вашем состоянии ездить на нем, уж простите.

Мужчина прокашлялся, явно думая, что мог ненароком задеть мою гордость подобными высказываниями, но есть ли смысл обижаться на правду? Я не создавала впечатление уверенного наездника, да сама не надеялась, что после долгого отсутствия практики смогу

справиться со строптивцем. Но посмотреть ведь никто не запрещает?

Я с надеждой уставилась на конюха, и он, поняв, что вспыхнувший интерес уже не загасить, хитро подмигнул.

— Пойдемте на улицу, к загону.

Мы вышли из конюшни, рядом с которой располагалась широкая площадка, огороженная высоким забором, и я воодушевленно припала к его перекладине.

— Любуйтесь, его зовут Штиль.

Мужчина ткнул узловатым пальцем в центр, где мускулистый парень под два метра ростом безуспешно пытался оседлать здорового вороного. Конь храпел, взбрыкивал и подчиняться наезднику категорически не желал. Он был точной копией лошадей, на которых ездили ребята из отряда, а если учесть, что они предпочитали как раз-таки барханников, я... представить не могла, о чем думал Карающий! Они же правда бешеные, устрашающие, и насколько я помню, плотоядные! А этот, судя по поведению, был ещё довольно молодым и игривым. Он периодически нацеливался на руку парня, желая цапнуть, и, если бы не проворность укротителя, отхватил бы её по локоть.

Конь был потрясающим, не спорю, но после вывиха я руками вдвойне дорожила.

— Спасибо. Где там ваша кроткая лошадка?

Фархад каркаяще рассмеялся.

— Вы благоразумны, юноша, но примите совет на будущее — они чувствуют страх. Когда у вас будет больше времени на знакомство, вспомните это, и, если сумеете подружиться, получите самого преданного в мире спутника.

Я бросила на мужчину скептический взгляд, вознамерившись вернуться в конюшни и выбрать себе скакуна классической породы, однако, как только увидела, кто уверенно направляется к зданию, мнение переменяла. Впереди в гордом одиночестве шагал наследник.

Боже, какого дьявола он ещё не на площади?! Половина знати уже разъехалась, и только мы с Сидом решили прибыть незадолго до начала церемонии, чтобы занять свое место в последних рядах и улизнуть, когда все закончится. Во время казни людям будет некогда задавать мне вопросы, а потом я имела полное право откланяться. Но Дисмаль то должен принимать участие в подготовке!

Я замерла, надеясь, что зрение все-таки подводит меня, но шанс, что этот чеканный профиль принадлежит не принцу, был один на миллион. Светлые одежды, расшитые золотыми нитями, подтвердили, что я не ошиблась.

Наследник смотрел вперед и меня, к великому облегчению, заметить не успел. Я, конечно, не думала, что принц решит расквитаться со мной на виду у множества свидетелей, не имея для этого адекватной причины, но пересекаться с ним все равно отчаянно не хотелось.

— Вы идите, я догоню чуть позже, — обратилась к конюху севшим голосом.

Фархад тоже увидел принца и ему следовало поторопиться, чтобы встретить высочество хлебом с солью. То, что мужчина намеревается сделать именно это, было понятно по раболепному выражению лица, утратившему легкую несерьезность. Я не могла винить человека за желание угодить наследнику, от благосклонности которого могло зависеть его будущее, но неприятный осадок от перемены поведения остался. Понятно, почему он держится на своей должности так долго; умение подстраиваться под людей во многом упрощает жизнь. Молодому мальчишке можно дать пару дружеских советов, для особы

королевских кровей приберечь обожание во взгляде, и каждый из них сочтет тебя своим союзником.

Конюх вопросительно изогнул густую бровь, но возражать не стал.

Где носит Сидя? Он в отличие от Карающего не сравнится с принцем по силе, но хотя бы рядом постоял в качестве моральной поддержки. Мне уже казалось, что, если подойду к наследнику слишком близко — ядом мироточить начну.

Правильнее будет переждать, пока высочество уйдет. Неподалеку столпились немногочисленные зеваки из слуг, решивших расслабиться, пока начальник занимается важным гостем. Я незаметно примкнула к их рядам, рассудив, что со спины и в толпе Дисмаль вряд ли меня узнает. К тому же, он — птица гордая: чернь своим высочайшим вниманием одаривать не станет.

— Скинет, — буркнул кто-то из толпы, — всю неделю скидывал и сейчас скинет. С этой зверюгой только воин и справится.

— Много ты понимаешь. Сам только лопатой и умеешь махать. Урса опытный наездник, справится. — Пискнул в ответ сутулый паренек, с восхищением наблюдая за попытками укротителя. Он сжал мозолистые ладони от обиды.

— Не понравился ему Урса твой, а коли так, то подчинения от барханника не жди.

Во мне тихо начала подогреваться ревность. На попытки наездника справиться с конем смотрели не без доли уважения. Даже ворчуны, тихонько посмеивающиеся в кулак, одобрительно кивали, когда парень уворачивался от мощных копыт. Старается ведь малый! А между тем, конь был моим.

— А он и не должен нравиться, — я вклинилась в чужой разговор, — у этой зверюги, как вы выразились, хозяин есть. Парня просили приучить жеребца к седлу, а не приручать его. Да и меры воспитания мне не по душе, за поводья слишком сильно тянет. Не удивительно, что конь норовит его укусить.

Нет уж, зря Кайрин скрыл от меня это чудовище. Решил, что поторопился с выводами, подобрав мне коня по статусу, но не по умениям и его следует придержать, отдав в чужие руки?

Несколько заинтересованных голов повернулись на голос, оценивая чужака. Я оделась неброско. Единственной вещью, способной привлечь к себе внимание, был легкий кинжал, висящий на поясе, и слуги, не обнаружив отличительных признаков высшего сословия, видимо сочли, что перед ними новобранец, только поступивший на службу. Таких распределяли между низшими военными чинами, и до окончания обучения они оставались никем. Подавляющее большинство вышло из обычных горожан, что давало старшим право использовать их как гонцов.

В нашей армии мальчишкам дали бы простое определение — духи.

— Мы этого хозяина отродясь не видели. Поговаривают, что на него напали, и так отделали, что во дворец пришлось по частям возвращать, — фыркнул тот, что отстаивал честь Урсы.

— Неужели? — Поразилась я, — Что еще говорят? Я на той тренировке был, когда Егс высочество ученика Карающего на бой вызвал. Мне показалось, что парень достойно сражался.

— А не врешь? Ходят слухи, что заносчивый щенок сам на бой напросился. Руку на отсечение даю, что урод под стать своему учителю.

— Объяснись...

— Заткнись! — в унисон со мной гаркнул слуга постарше, а следовательно, поумнее, — Не тебе господ обсуждать!

— Мне отец рассказывал, что Карающий — вражеский сын. Его народ издревле нас за ровню не принимал, это у них в крови течет, ничем не вытравить. Не гляди, что во дворце рос. Странные дела в городе творятся, виновных в появлении Шиа ищут, да не найдут никак. А почему? Потому что главный виновный этим и занимается.

— Еще раз скажешь что-то подобное, и я тебе язык вырежу.

Я угрожающе потянулась к клинку, желая напугать паршивца. Парнишка отшатнулся, наступив на ногу одному из своих знакомых. Идиот, полнейший идиот, которому вбили в голову абсолютную ересь. Драться с ним всерьёз я не собиралась. Пытаться — все равно, что руками грязь мешать — доказать ничего не получится, только изгваздаешься по самые локти. Только эта болтовня натолкнула на мысль — сколько ещё людей считают так же, но благоразумно держат язык за зубами?

— А ты кем будешь? — Подозрительно сощурился умный.

Вот об этом я не подумала... Возможно надо было выслушать сплетни с выражением милейшей заинтересованности на лице, поохать, поахать, сказать: “Вот это новости!” и распрощаться, намотав информацию на ус, но я не смогла. Теперь придется сделать выбор: “Врать или не врать?”

Избавил от сложной дилеммы шум, раздавшийся за спинами слуг.

Урса, не вполне понимавший с какого бока подойти к жеребцу, изловчился и взлетел в седло. Про мою подозрительную личность тут же забыли, переключив все внимание на всадника. Слух резанул пронзительный свист и гулкие хлопки аплодисментов. Кто-то в шутку начал негромко отсчитывать секунды до падения, но парень этого не слышал, озаря округу лучезарной улыбкой победителя.

Он приподнялся на стремянах, сделал в воздухе изящный пасс рукой и театрально поклонился зрителям. Настолько, насколько это позволяло шаткое положение, естественно.

— Повременил бы праздновать, позер несчастный... — процедила я.

Конь взбрыкнул, но Урса быстро собрался, перестав дурачиться. Попробовал пустить жеребца в галоп, и тот нехотя подчинился, сделав круг по загому.

— Смотрите, присмирел, — удивился скептически настроенный парнишка. Считать он утомился минуте на второй.

— А я говорил!

Но дело было в другом. Жеребец не желал мириться с наездником, он усыплял его бдительность, и как только Урса сам поверил, что стал хозяином положения, рванул вперед с бешеной скоростью. Песок веером разлетелся из-под копыт, конь встал на дыбы, и парень покатился по земле как бревно, брошенное с пригорка. Мне почудилось, что хруст костей было слышно за сотню шагов, но это оказалось лишь игрой воображения. Я представляла, как больно наезднику, но он нашел в себе силы подняться и, не отряхиваясь, пуститься прочь из загона.

Урса явно родился в рубашке, если умудрился не переломать себе ноги, но порой даже у удачи истекает срок годности. Конь, не сумевший растоптать наездника в первый раз, решил закончить начатое. Круто изменив направление, он погнался за парнем, который решил искать спасение в кругу людей и побежал напрямик к нам.

Увидев, что за парнем охотится разъярённый барханник, помогать никто из слуг не решился. Всех точно ветром сдуло! Я опомниться не успела, как оказалась около загона

одна, а по ту сторону забора ко мне мчался перепуганный до немоты, спотыкающийся человек.

Времени на раздумья не осталось. Если решила, что Штиль мой, то и ответственность за него нельзя перекладывать на чужие плечи.

— Куда ты лезешь, самоубийца?! — Истошно завопили позади, но я уже забралась на ограждение и выпрямилась, легко балансируя на широкой перекладине.

Заслонять неудачника собственной грудью — дурость, помогать здоровенному детине перебраться ко мне — тоже не вариант.

— Беги в ту сторону! — Крикнула я, указывая вбок, — Да, да, туда беги! Шевелись!

Я рассчитывала, что парень не отшиб мозги при падении и понимает слова. Ногу он, кажется, повредил. Скорость наезднику придавал страх, но перемахнуть через полутораметровое ограждение он точно не успеет. Единственный выход — сменить направление и выиграть для меня пару удачных секунд. Удивительно, как вообще “укротитель” раньше справлялся с жеребцом? Или он первый день пытался это сделать, а прошлые смельчаки уже отправились на больничную койку? Слуги же не уточняли, кого именно конь скидывал. Как бы в очередной раз не составить им компанию... Кайрин меня убьёт.

Урса посмотрел на меня выпученными глазами, но приказ выполнил, метнувшись вправо. Глубокий вдох. Барханник пронесся следом, и как только расстояние между нами сократилось, я прыгнула ему на спину, клещом вцепившись в переднюю луку седла. Ветер бросил длинную гриву в лицо. Слепо нашарив поводья, я направляла жеребца в другую сторону, не решаясь остановить его на полном ходу. Носочками ботинок едва ли можно было дотянуться до стремян, настроенных не под маленький рост, и, если животное резко затормозит, удержаться у меня не выйдет.

— Давай, мальчик, ты же понимаешь команды. Оставь этого недоумка, пусть живет!

Парень избежал гибели в последнюю секунду, конь проскакал мимо, обдав его облаком мелкой пыли. Урса воспользовался подаренной форой, и при помощи людей, которые удосужились наконец отреагировать, выбрался из загона. Зрителей прибавилось, они как стервятники слетелись на шум и подняли неописуемый гомон.

— Слезай! — Гаркнул, к гадалке не ходи, какой-то клинический идиот. Каким образом он себе это представляет?! — Это чужой конь, за него влетит!

Ах, вот оно как! Я прекрасно знала, что меня за такие выкрутасы по головке не погладят, но слуги переживали по другому поводу. В первую очередь влетит им, влетит за то, что подпустили к жеребцу незнакомца, и пока ничего страшного с дорогой собственностью не произошло, пусть чужак слезает, а как он это сделает — никого вообще не волновало.

Я распласталась в седле, поглаживая животное по сильной шее, чувствуя, как перекачиваются под кожей его стальные мышцы и наслаждаясь пустотой, воцарившейся в голове. Все проблемы кроме одной отошли на второй план, оставив только чарующую скорость и бешеную дозу адреналина в крови. Это ведь просто конь, не убийца, не злое чудовище, и к нему можно найти правильный подход. Его действительно не нужно бояться.

— Штиль, любишь резвиться? Хороший мальчик... С тобой ведь никто не разговаривает, да? Все муштруют, муштруют. Обожают они тут муштровать и строить. Не понимают тебя, правда? Успокойся, я больше не подпущу к тебе разных дилетантов.

Была у меня старая привычка — разговаривать с лошадьми. Причем, с ними я порой становилась многословнее чем с людьми. Ласково, без криков, чаще всего это успокаивало

не только животное, но и меня. Я несла практически бессвязный бред и понимала, что он действует. Конь фыркнул, будто выражая согласие со мной и начал замедляться. Слава богу, кажется, обошлось...

Или нет! В загон ворвались несколько бравых мужчин с веревками наперевес. Кого они собирались ловить — меня или коня, оставалось под вопросом, но Штиль подобными не задавался и воспринял вторжение как угрозу. Тогда я и почувствовала, что до этого момента жеребец просто играл с Урсой в кошки мышки, потому что в следующей секунду он разогнался и взлетел над ограждением, без труда взяв тяжелую преграду. Меня подбросило в седле как пушинку, в мыслях пронеслось, что Карающему не придется лупить нерадивого ученика, ибо и без воспитательных мер я на пятую точку ещё неделю нормально сесть не смогу, но, как ни странно, приземление произошло очень плавно.

Я едва удержалась от восторженного визга. И загон, и толпа слуг остались далеко позади! Вот бы ещё из этого мира с такой же легкостью ускакать!

— Отнесешь меня домой, Штиль? — Я рассмеялась как сумасшедшая, но смех быстро перешел в сдавленный панический кашель.

На горизонте нарисовалась фигура принца, оседлавшего ту очаровательную медную лошадку, рядом с ним стоял конюх, панически хватающийся за сердце, а в отдалении несся Сид на таком же угольно-черном жеребце. Видимо вознамерился меня спасти.

Штиль взял курс по направлению к наследнику. То ли лошадь высочества коню приглянулась, то ли он сам пришелся ему не по вкусу.... В любом случае я была солидарна, но все-таки рискнула натянуть поводья.

— Стой, мальчик, стой!

Мне стало страшно. Не за принца, само собой. За себя и Штиля. Гаденьш же огневик, и если решит, что это нападение, применит способности.

Конь остановился.

Выражение лица принца надо было видеть. Нет! Его следовало сфотографировать, распечатать, вставить в позолоченную рамку и повесить в центре гостиной, желательно на всю стену, особенно подойдет место над камином. Будь у меня электричество, принтер и камин, так бы и поступила. Неподражаемая смесь эмоций, озаривших эту лощеную рожу, грела бы мне сердце долгими холодными вечерами.

Наследник был зол, растерян, поражен до глубины души, но вроде не собирался меня убивать. Надломленные в удивлении брови, приоткрытый рот, будто он вел активную дискуссию, но его прервали на полуслове — картина, достойная быть запечатленной в веках.

Живая мимика преобразила надменного хлыща почти до неузнаваемости; без налета скользкого коварства и печати превосходства на лице он выглядел моложе и приятнее. Рубашка принца была расстегнута на две пуговицы, открывая смуглую шею, волосы у висков заплетены в тонкие колоски, и это рушило строгий образ, отпечатавшийся у меня в памяти. Все в совокупности, натолкнуло меня на мысль, что с наследником что-то не так. Где свора рабов? Где наемники, которые развернули меня на арене под белы ручки? Последним звеном в осознании происходящего стал Сид, не уделивший высочеству и капли внимания. Поняв, что мне ничего не грозит, страж решил выместить гнев на конюхе.

— Я что неясно выразился?! Сказал же, подбери ему другую лошадь!

Вообще-то он не так сказал, но меня занимало другое открытие. Это же не тот принц! Передо мной находился человек, подаривший мне коробку пирожных, человек, которому я нахамила и благополучно забыла про это так же, как забыла и про ответное послание.

— Здравствуйте, Ваше высочество. — Я холодно кивнула, сделав вид, что так оно и надо.

— Здравствуйте, Бесман джан... Каждая встреча с вами незабываема для меня. Можно просто “Лис”.

Принц отреагировал немного заторможенно, на затем улыбнулся. И какая это была улыбка... Плутовская.

— Этикет не позволяет, Ваше высочество.

— Но мы выше этикета, не правда ли? Понравился мой подарок?

— Хотел поблагодарить Вас, как только попробую, но потом вспомнил, что не ем сладкого перед казнями. И после тоже воздерживаюсь. Достаточно долго. Боюсь пропадут.

Сид даже перестал отчитывать Фархада, наблюдая за нами. Напрягся и внутренне вскинулся. Кайрин видимо о послании стражу не поведал.

А потом начался цирк. Слуги, младшие конюхи, наездники, укротители, конокрады, или кто ещё там был, налетели на нас как цыганский табор, кланяясь при этом на все лады. Принцу, Сиду, начальнику своему, кому угодно, но только не мне. Каждый источал священный ужас, и вещал что-то в духе: “Мы сейчас все исправим!”, “Мы сейчас их уведем!”, “Смилуйтесь, мы не знаем этого мальчика, он вообще мимо проходил, случайно на казенного коня сел и случайно поехал!”

Штиль забеспокоился и красноречиво щелкнул зубами перед лицом одного из благодетелей. Бородатый мужик побагровел, но перспектива быть покусанным его страшила меньше, чем гнев господ, которым могло помешать моё появление.

— Конь мне сегодня нужен, и никто его не уведет. Он мне нравится, — зло объявила

я, — всем понятно?

Сид закатил глаза и запустил руку в растрепанные волосы, всем своим видом выражая, что об этом думает: “Оставил на пять минут”

— Идите... — Выдавил Фархад.

Наконец до слуг дошло, кто я. Что, недостаточно солидно выгляжу? Или недостаточно жалко для человека, которого по частям во дворец привезли?

Принца все это забавляло. Он смотрел на происходящее с добродушным интересом, и мне на секунду показалось, что мы могли бы подружиться в других обстоятельствах. Не чувствовалось в нем той ненависти, переполнявшей Дискаля, не чувствовалось презрения. Принц будто и правда спустил мне оскорбление, нанесенное при первой встрече, а все колкие фразы, брошенные мной в его сторону, не достигали цели, как игрушечные дротики, попавшие в железный щит.

Признаюсь, у меня было желание задеть его, проверить, много ли надо приложить усилий, чтобы терпение иссякло. Некоторым хватало и искры, чтобы загореться, но этот не из их числа.

У него не было поводов мне симпатизировать, а значит Кайрин прав. Второй принц — прекрасный лжец. Лучше не лезть на рожон.

— Куда ты собрался ехать в чужом седле? Оно тебе не подходит. — Сид соскочил со своего коня и приблизился, выразительно прошептав одними губами: — Избавься от него...

Разумеется, парень говорил не про седло.

— Ваше высочество, был рад встрече, но не смею вас больше задерживать.

— А я думал, что нам по пути. Вы же говорили про казнь, верно, Бесман? — Проворковал принц.

— Мне придется повременить, как видите.

— А я и не тороплюсь.

Лис, хитрый лис. Я чуть не сплюнула от досады.

Сид подал ладонь, предлагая свою помощь. Парень заметил, что после скачек с препятствиями руки у меня трясутся, и с коня я, скорее всего, позорно сползу, если попытаюсь спуститься самостоятельно.

Отложив гордость, я приняла ладонь, и почувствовав под ногами твердую землю поняла, что это было верным решением. Слабость все ещё давала о себе знать.

Конюх засуетился, уверяя, что для меня сейчас принесут более легкое седло, и вообще организуют все так быстро, что я и глазом моргнуть не успею.

— Несите, но с остальным я и сам справлюсь. Ты же не будешь против? — С вопросом я обратилась к барханнику, ибо надеть седло на жеребца, который превышает тебя в холке почти на добрую половину метра, сложновато без его на то одобрения.

— В седловке нет ничего сложного, слуги обойдутся и без тебя, Бес. Для этого их здесь и держат. Тебе незачем... — Начал было Сид, но я отмахнулась.

— Знаю.

В первую очередь мне не хотелось общаться с принцем, во вторую — строить из себя белоручку.

Досадно признавать, но свои возможности я немного переоценила. Нет, Штиль, конечно, был на удивление послушен, но плечо как на зло начало ныть, мешая правильно затянуть подпругу. Мысленно зверея, я затылком ощущала на себе заинтересованные взгляды окружающих.

Лис молчал, и в конечном итоге это молчание начало меня раздражать. Сиды вообще как подменили. Из наглого весельчака, подкальывающего меня при любой возможности, он превратился в строгого наблюдателя. Подошел, помог с подругой, помог вновь забраться в седло, и все это с таким видом, будто он рядом со мной десятый год каторгу отбывал.

— Дикие звери вас любят, Бесман... — Наконец соизволил вымолвить принц, с такой игривой двусмысленностью, что по лицу стража пробежала тень, — ну что ж, если вы согласились составить мне компанию, приглашаю вас на свой смотровой балкон. Оттуда открывается прекрасный вид на площадь, полагаю, никто не рассчитывал на ваше появление, и найти удачное место будет довольно сложно...

— Не хочу Вас стеснять, — буркнула я, — моё присутствие вряд ли понравится вашим... друзьям.

Прихлебателям. Я проглотила слово, которое вертелось на языке, но принц понял подтекст. Стража спокойно выпустила нас через служебные ворота, хотя я думала, что высочество пожелает проехать через главные, покрасовавшись перед наибольшим количеством людей. Он же проследовал за Сидом, будто это я попросила его о сопровождении.

— У меня нет друзей, Бесман, но не так давно я подумал, что было бы неплохо ими обзавестись.

— Удачи.

— Вы так несправедливы ко мне из-за поведения брата?

Я погладила Штиля по бархатной шкуре, чтобы успокоиться.

— Да, из-за него тоже, но по большей части я просто не понимаю, чего вы от меня хотите, Ваше высочество?

Теснота городских улиц действовала угнетающе, а общество принца так и вовсе нагнетало атмосферу. Вдали слышались неразборчивые крики толпы, и я решила выяснить отношения прежде, чем это отойдет на второй план.

— Для своего возраста вы очень циничны, Бесман. Поверите, если отвечу, что ничего не хочу, кроме компании? По крайней мере сейчас. Во дворце, увы, не так много интересных лиц, а я по природе очень любознателен... — Он говорил спокойно, нарочно приказав своей кобыле идти вровень со мной. — И не коситесь на своего телохранителя, это обидно...

— Я не понимаю Вас...

— Хотите поговорить откровенно? Вы нервничаете, Бесман, боитесь меня, но не можете отказать человеку, который выше вас по положению. Прекращайте, у меня нет поводов вредить вам. — Лис улыбнулся, — Сид, а ты можешь не делать вид, что уважаешь меня. В знак доверия я приказал своей охране следовать в отдалении, и сейчас моя безопасность частично зависит от тебя.

И тут Сид сорвался, придержал коня за уздцы и оскалился.

— Какая честь, спасибо за разрешение сказать правду! Будь спокоен, твоё драгоценное тело не пострадает, Лис. Ни один самый безнадежный убийца в городе на него не позарится, потому что все они знают — ты бесполезен настолько, что за твою голову не выручить и медяшки.

— Сид, не нужно.

Черт побери, за что мне это?! Я будто на петушинные бои попала! Принца перекосило, но он справился с собой, ответив в той же вежливой манере:

— Послушаешь парня? Или ты считаешь его обузой, за которой приходится

присматривать? Досадно ведь, перекочевать с места первого любимчика на второе.

Молчаливую паузу разбил глухой стук барабанов, раздавшихся впереди. Начинается... Монотонный звук, подражающий биению сердца, извещал, что пленников ведут к главной площади. Впрочем, я и без него почувствовала бы это. Моё собственное сердце заледенело в груди. Принц, Сид, их ссора, внезапно показавшаяся по-ребячески незначительной — все отошло на второй план. Осталось предчувствие — я должна быть там. Казалось, на площади меня ждет не расправа над преступниками, не жестокое зрелище, а нечто нуждающееся в моем присутствии.

— Догоните, — я не стала дожидаться пока эта парочка закончит словесное разбирательство, пустив жеребца в галоп.

Несколько прохожих при виде всадника испуганно прижались к стенам домов. Быстрее, быстрее... Там впереди...

— Стой!

Но я и так уже остановилась, наткнувшись на живую преграду из человеческих спин. Выход на главную площадь перекрывали возбужденные люди. Некоторые даже не обратили внимания на моё появление, с любопытством вытягивая вверх шеи. Такого столпотворения не было даже при появлении принцессы! Многие мужчины посадили на плечи маленьких сыновей, и непоседливые ребяташки визжали от восторга, вцепившись им в волосы кулачками. Женщины в толпе встречались не так часто, но все же они были. Сюда пришли с семьями, все, от мала до велика, включая даже немощных стариков. Им не мешал зной, стойкий запах пота, солнце, нависшее над головами как раскаленный докрасна железный диск и давка, при виде которой мне стало дурно.

Чуть дальше дорогу расчистили. Гвардейцы контролировали толпу, но большинство людей расступались перед конвоем без посторонней помощи. Жрецы в масках вели перед собой тех самых мужчин, допросить которых я не успела, и сейчас в них не осталось ничего от пугающих “безликих”. Жалкие, облаченные лишь в грязные набедренные повязки, они тащились по мостовой едва передвигая ногами, на которых гремели ржавые кандалы. Как рабы.

— Бес, ты все ещё хочешь на это смотреть? — Сид тронул меня за рукав, но я отмахнулась.

Что за глупые вопросы? Не хочу, тем более пленников я не узнавала. Они вели себя как марионетки, чьи конечности связаны невидимыми нитками кукловода, и едва ли могли понять, что с ними происходит. На моих глазах один из зевак запустил в осужденного камнем. Слишком маленький, чтобы убить, он все же раскроил мужчине висок, заливая кровью правую половину лица. Раненый при этом не произнес ни звука, лишь беспомощно втянул голову в плечи и сжался как нашкодившая дворняга.

Несколько дней прошло с момента моего похищения, но это были уже не те люди, что сражались с наемниками Иршада в катакомбах. Там были бесстрашные, готовые рисковать ради своей цели воины, а сейчас под конвоем вели полуживых зомби.

— Если вы принимаете моё предложение, советую поспешить, — принц никуда не делся, — или вы все же боитесь?

Он почти не смотрел на пленников, но на его лице появилось довольное предвкушение, которое мне не понравилось.

— Нет. Я согласен.

Мотивов вредить у него и правда на первый взгляд не наблюдалось, к тому же, моё

решение посетить казнь было абсолютно спонтанным. Узнать о нем, и успеть подстроить ловушку у меня на глазах он не мог, а значит у принца были другие планы.

— Тогда позвольте проводить, — обрадовался Лис, — вижу, вам не нравится находиться в гуще событий.

— А вам нравится? — Я скривилась.

Принц производил впечатление человека, которого невозможно смутить. Он стойко игнорировал все раздражители, и это было достойно уважения. Его мало интересовало происходящее на дороге, не трогало негативное отношение к себе, а на скрипящего зубами стража он смотрел как на досадное недоразумение, которое, впрочем, не доставляло особых проблем. Так, третий лишний, которого можно и потерпеть.

Пренебрежительное отношение к другу задевало по большей части меня, но он был взрослым мальчиком и в защите не нуждался.

— Я привык, Бесман. Вы впервые на казни? Не отвечайте, вижу, что да. Первый раз всегда вызывает сильные эмоции, а потом процедура превращается в обыденность. Приходится наблюдать одно и то же — одни умоляют о пощаде, другие принимают смерть гордо подняв голову, но, — принц ногтем прочертил линию на шее, — итог всегда один. Они умирают, а ты остаешься.

Мы обогнули процессию, пропетляв несколько улиц дворами, и Лис спешил рядом с высоким зданием, у входа в которое уже дежурила городская стража.

— Если казни вам так приелись, зачем смотреть?

Я последовала примеру принца. Несколько рабов при виде нас выскочили из дверей, чтобы принять поводья, и я с сомнением взглянула на Сида. Парень кисло кивнул, показывая, что не видит опасности, хотя и не одобряет моё решение.

— Оооо, — Лис на прощание погладил морду своей красной лошадки, — я не говорил, что смотреть мне неинтересно. Главное — знать на что. Зачем заострять внимание на “трупях”, когда рядом с ними собирается столько живых?

О чем он? Пожалуй, меня впервые посетило желание кого-то прочесть. Неприятный способ, но верный. У Дисмаля, к примеру, все на лице написано, не обязательно иметь способности видящего, чтобы понять его настроение. Второй принц был полной противоположностью брата, книгой, завернутой в бумажную обложку, под которой не видно названия. Откроешь такую и неизвестно на что наткнешься: ужасы или детскую сказку.

Я одернула себя, по привычке спрятав ладони в рукава. Нельзя. Поймет. Я слишком неопытна, чтобы держать способности под контролем, а он слишком умен, и не купится на слабую ложь, которой можно было бы объяснить странное поведение. Кайрин раскусил меня за полсекунды, и принцу вряд ли потребуется больше.

Беспокойство скреблось внутри, царапалось, впивалось в сердце маленькими острыми коготками, но я не знала как его угомонить.

Лис какое-то время смотрел на меня с прищуром, а потом расправил плечи, и будто забыв о разговоре, быстро начал раздавать приказания слугам. Оказалось, он привел нас в дорогую гостиницу. Здание располагалось в центре города и окна номеров с одной стороны как раз выходили на главную площадь. То, что место для наблюдения принц выбрал довольно странное, мне думалось только в первую минуту, потому как вскоре стало ясно, что он такой не один. Люди попроще небожителей, обитающих во дворце, но достаточно состоятельные, чтобы не давиться в толпе менее почтенных горожан, купили себе билеты в первые ряды, просто забронировав свободные комнаты.

— Отхватишь ты сегодня, Бес, — шепнул Сид, уличив удобный момент.

— А что ты предлагаешь? Смыться, позорно поджав хвост? Нет уж. Как говорится: “Держи своих друзей близко, а врагов ещё ближе”

— Откуда ты такой ерунды набрался? Подпустишь врага слишком близко, и он всадит нож тебе в спину.

— Ты явно не понял смысл фразы... — Вздохнула я.

— Все я понял. Это ты, наивный дурак, думаешь, что можешь с ним во вранье посоперничать.

Сид отвернулся, а я с горечью подумала, что в какой-то степени он прав. Может стоило изначально выбрать тактику не приметного тупицы? Наверное, Кайрин на то и рассчитывал, а я все рушила, ввязываясь в неприятности.

Надо было стать покорной, делать вид, что приклоняюсь перед величием наследника и гляжу влюбленными глазами на принцессу! Казалась бы всем типичным мальчишкой, у которого в черепной коробке перекаати-поле гуляет, и вскоре про меня бы думать забыли. Но в таком случае Карающему стоило сделать меня чужим учеником, ибо сам ничерта не следует правилам!

По земле скользнула широкая тень; я задрала голову, как параноик со стажем, и увидела птицу, свободно парящую в синеве безоблачного неба. Сокол?

Сид вскинул руку, и он спикировала вниз, крепко вцепившись в кожаный наруч. Сильные крылья встрепенулись, кончик пера мазнул меня по щеке, заставляя вздрогнуть от неожиданности. Вау... я восторженно присвистнула, но страж в ответ порадовал лишь кислой миной.

— Что? Впервые вижу хищных птиц так близко!

— Поздравляю, теперь они для тебя письма приносят. Это сокол Карающего.

Парень открепил от лапы “посланника” маленькую записку, быстро пробежал по ней глазами и подал мне. Собственно, читать там было особо нечего: “Чтобы на площади ноги его не было”

Сокол взмыл в небо. Я зачем-то сложила бумажку пополам и сунула её в карман шаровар. Принц стоял вдалеке, увлеченно переговариваясь с мужчиной в изумрудном тюрбане, так что вряд ли заметил минутную сцену. Мысленно потянувшись к Карающему, я наткнулась на непроницаемый барьер. Опять. Помнится, утром он не был категорично настроен по поводу моего присутствия, так что изменилось сейчас?

Если бы не братец наследника, я, пожалуй, и правда бы убралась обратно, но ветер переменялся.

— По факту ноги моей на площади действительно не будет...

— Почему я не ждал другого ответа? — Сид потер переносицу.

— Простите, важный разговор, — Принц вернулся, не дав мне обдумать послание, — а сейчас будьте моими гостями, хотя одного из вас я и не приглашал...

— Интересно, что за важные разговоры у тебя с работорговцами? — Страж проигнорировал выпад в свою сторону, и сам перешел в наступление.

— Те же, что и у многих. О купле, продаже... Наверняка ты можешь себе представить, если знаешь их в лицо.

— Знать крупных торговцев бойцами для поединков — часть моих обязанностей.

— И что? Доложишь Карающему? Давай, тем более в этом нет никакого секрета. В честь свадьбы во дворце будут устроены состязания, и я хочу выдвинуть своего кандидата. Разве это запрещено?

Я постаралась не показывать интереса. Значит, тот мужчина был работорговцем? По виду и не скажешь, хотя чего я ожидала? Что он будет выглядеть как двухметровый лысый бугай с кожаной плетью на поясе?

Лис самолично проводил нас на третий этаж гостиницы, и сделав позолоченным ключом три оборота в замочной скважине, как радушный хозяин распахнул дверь. Сид быстро осмотрелся, и только удостоверившись, что под круглым столиком в центре комнаты не прячется пара убийц, пропустил внутрь меня.

— Мнительный, недоверчивый, осторожный... — Принц усмехнулся, — ты и таким бываешь, Сид? Можешь не отвечать, не хочу пропустить самое интересное, разговаривая с тобой. Бесман, прошу!

Главным достоинством апартаментов, выбранных высочеством, и правда оказался широкий балкон. Следуя за Лисом на ватных ногах, я практически не обращала внимания на прочую обстановку. Лишь бы не заметил, лишь бы он не заметил, как я нервничаю. Пальцами вцепившись в каменные перила, я глянула вниз, оглушенная криками людей. Мы успели вовремя.

Обычно на площадях стоят фонтаны или возводят статуи, но эта была создана для публичных расправ. В конце широкой улицы, до краев переполненной горожанами, копошащимися как насекомые, запертые в стеклянную банку, находился высокий помост и трибуны для важных гостей.

Дисмаля я узнала сразу. Издали. Его фигура, облаченная в парадное платье, среди охранников и жрецов, выделялась подобно самоцвету, брошенному в гору угля. Помимо прочих он не скрывал своё лицо за маской обычного посланника Бога, нет, он являлся его воплощением на земле, или, по крайней мере, прочно уверовал в это.

Мерзость. Толпе наследник нравился. Люди тянули вверх руки, приветствовали его, славили, и это заставляло “звезду” гореть ещё ярче.

Лис встал рядом, меланхолично накручивая на палец прядь смоляных волос. О да, перепутать их можно лишь издали. Один самодовольный, жесткий, с вечным выражением легкого презрения к окружающим на лице, а второй — непосредственный настолько, что в это даже не верилось. Казалось, дай младшему принцу в руки лист бумаги, и он сделает из него самолетик, чтобы с детским восторгом отправить его в полет.

Насколько я знала, кандидатуру Лиса даже не рассматривали как претендента на престол, и от чего-то думала, что это сделает из него нечто ещё более озлобленное чем Дисмаль.

Принц перекатился с пятки на носок и, тяжело вздохнув, облокотился на перила.

— Смотрите, охрана Её высочества Эллиаль здесь. — Он махнул рукой, указывая на мужскую фигуру, обособленно стоящую на краю площади, — Сама выбраться не смогла, но прислала своего шпиона.

И как он узнал островитянина с такого расстояния? Тот и правда выделялся в толпе благодаря богатырскому телосложению, но я бы все равно не обратила на него внимания, если бы не чужая подсказка. Впрочем, я искала другого человека.

Где Кайрин? Он же надел маску, и вычислить его среди присутствующих теперь достаточно сложно. Я глянула на Сида, но он потерял к происходящему всякий интерес. Проклятье! Кажется, страж что-то заподозрил, но не спешил поведать мне о своих догадках. Да и как, учитывая присутствие высочества?

Пока все клонилось к предполагаемому сценарию. Не прошло и минуты, как на площадь вывели пленников. Один из измученных мужчин чуть не упал, взбираясь на помост по крутым ступенькам, и его грубо толкнули, приказывая двигаться дальше. Люди одобрительно взревели.

Едва загнав вглубь памяти изуродованного, растянутого на дыбе Иршада, я самолично ткнула себя носом в ещё более зловонную лужу и не могла понять ради чего.

— Вы обещали мне что-то интересное, Ваше высочество. Так вот, я его не наблюдаю. — Я стрельнула в сторону принца недовольным взглядом, но он был расслаблен.

— Немного терпения вам не повредит. Сейчас.

— Жители Дарнаса, сегодня вы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать священный суд! — Голос Дисмаля, торжественный до противного першения в горле, разнесся над поднятыми головами, — Эти люди, нарушили не только спокойствие в городе, но и посягнули на кровь императора, чья власть неоспорима на этой земле! От имени Его Величества Амирхана ан Саида, они признаются виновными в совершении ряда тяжких преступлений, среди которых убийство граждан, покушение на будущую супругу императора, и похищение его признанного сына, что, в свою очередь, приравнивается к оскорблению рода.

Какого черта? Я ожидала, что на заговорщиков повесят все грехи, которые только можно, но... Император же ещё не сделал официального заявления о моем признании! Так почему последний пункт включен в обвинение? Или у Его величества есть ещё один сын, о похищении которого я не знала? Нет, похоже наследник решил сделать заявление за отца.

— Бесман Эллер, к сожалению, не смог присутствовать на казни! Он пострадал от рук заговорщиков, иначе как достойный представитель семьи, самолично взял бы с них плату!

Какую плату? Лис усмехнулся, глядя на моё посеревшее лицо. В его озорных глазах на

тот момент так и читалось: “А вы, друг мой, тот ещё симулянт!”

— Кровь, — продолжил Дисмаль, — будет смыта кровью. Служителями Рахшара была одобрена не просто казнь. Рахнамар! Сегодня мы принесем дань нашему Богу!

Гомон и визги заглушил грохот барабанов. Главный жрец вышел вперед, и скрипучим, едва слышным с большого расстояния голосом, зачитал строки из местного писания. Я почти не разбиралась в каких-либо верованиях, не говоря уж о здешних, но зрители ликовали. Жертвоприношение?

— И восстал Рахшар из глубин, пылая яростью, дабы воздать врагам своим по заслугам. — Почти скучно прокаркал служитель, — И лишил их глаз, ибо недостойны они видеть свет дневной, и отнял языки их, ложь несущие, и ноги сломил, дабы не смели больше ступать по земле его. Как змеи ползали они по песку, и проявил Рахшар милость свою, и вырвал сердца их недрогнувшею рукой, даровав избавление! Да будет так!

— Да будет так! — Вторила толпа, — Рахнамар!

Наследник взмахнул рукой, и в каменных чашах, стоявших по краям платформы, вспыхнул ярко-красный огонь. Пот выступил на висках, будто это не в сотне метров, а лишь в паре шагов от меня что-то загорелось.

— По причине отсутствия пострадавшего, — Наследник изобразил печаль в голосе, которую перебивали едкие издевательские ноты, — честь привести приговор в исполнение будет передана его наставнику. Сними маску, отныне это твой долг!

Кайрин все время был рядом. Он вышел из первых рядов, спокойно скинул мантию и остановился в центре площадки, лишь мимолетно наблюдая за пленниками, которых стража уже привязывала к двум деревянным столбам. Никакой плахи не будет... Никакой виселицы. Ничего. Меня начало трясти.

Я знала, что должно произойти. Знала, знала, знала... Знала, но не представляла как буду смотреть на это. Я и не старалась. Зрение упало, расфокусировалось. Сквозь туманную пелену я видела, как он принимает у жреца нож, потом подходит к осужденному, и удерживая того за дрожащий подбородок, приставляет лезвие к главному яблоку. Я слышала, как пленник кричит: оглушающе, переходя на визг, который вскоре опустился до несвязного животного хрипа. Карающий вырезал ему язык.

Хватит, остановись, пожалуйста, хватит!

“Прикончи его!” — требовала толпа.

Если бы я стояла поблизости, должно быть, смогла бы услышать и как трещат сухожилия, когда он резал их, лишая мужчину возможности держаться на ногах. Хватит.

Кайрин меня не слышал. Не хотел ни слышать, ни чувствовать, и отрезал подобную возможность для меня.

Я развернулась и зашагала к выходу с балкона. Сид преградил дорогу, он что-то попытался мне втолковать, но я, кажется, приказала ему проваливать. Запуталась в тюле невесомых занавесок, споткнулась о ножку стола, дернула за ручку двери, едва ли соображая в какую сторону её повернуть, чтобы выбраться из этого ада.

— О чем я и говорил, — мурлыкнул принц за спиной, — главное — знать на кого смотреть. Бесман, это вы обронули?

Заторможено обернувшись, я увидела, что Лис протягивает мне клочок бумаги. Пара секунд понадобилась на то, чтобы понять произошедшее. Я подлетела к нему, вырвала послание из рук, но было уже поздно. Естественно, он успел прочесть. К черту! К черту! К черту все!

— Не советую соваться на площадь. Остался ещё один пленник, хватит и на вас. Или, постойте, вы не хотите отдавать учителю свою славу? — Озадаченность с которой принц это произнес, могла одурачить кого угодно.

— Не советую больше соваться ко мне, Ваше высочество, — огрызнулась я.

— Бросьте, это всего лишь шутка!

Я скатилась вниз по ступенькам, чувствуя, что Сид следует по пятам, но не желая замечать его. В холе гостиницы было безлюдно. Хорошо. Представление ещё не закончилось, а значит свидетелей моего позорного бегства не так уж и много. Принц преподавал мне замечательный урок! Я, я и ещё раз я, стала для него занимательным объектом для наблюдения.

— Эй ты, — Заметив на пути одного из слуг, я нервно окликнула его, — приведи моего коня.

— Бес, тебе нужно остыть... — Сид попытался воззвать к моему голосу разума, но тот ушел в безвременный отпуск.

— Ты знал? Честно признайся, знал?

Парень схватил меня за плечи, заглядывая в глаза. Что он хотел там увидеть? Чего я пыталась от него добиться?

— Нет. Я понятия не имел, что казнь перерастет в ритуальное убийство, но предупреждал о непредвиденных обстоятельствах. Говорил, чтобы ты держался спокойно несмотря ни на что. Было такое? Было!

— Ты не предупреждал, что Карающий будет их потрошить, ясно?!

Сказала и прикусила запястье, чтобы заткнуть рвущуюся наружу правду.

— Так что тебя смущает? Процесс потрошения, или то, что именно он им занимался? — Сид огляделся по сторонам, после чего поволок меня на улицу, подальше от номеров. — Убийство всегда остается убийством, вне зависимости от способов.

“А он и раньше лишал людей жизни, ты уже знаешь это” — повисло в воздухе. Действительно, что же меня смущало? Все. Все вместе, черт побери. И способ, и спокойствие, с которым он работал, и...

Что он ещё сможет сделать, если прямой приказ императора, или какое-нибудь чувство долга, подскажут ему: “Так надо”

Что будет, если эта отрешенность, жестокость, черствость, перекинется и на меня тоже? А может оно уже проявляется во мне? Я ведь взялась за оружие пыток, не отдавая себе полный отчет в действиях. Было ли решение принять у Сида металлическую иглу и вонзить её в чужое тело моим?

— Это провокация, Бес. Дисмаль решил показать свою власть, ничего более.

— Я понимаю.

Только вот понимание не помогло мне сдержаться! Потому что все те оправдания, которыми я так старательно прикрывалась — брехня собачья. Я просто выдумала для него образ святого благородства, и была выбита из колеи, когда он разошелся с действительностью. Меня предупреждали об этом, а я не верила.

— Успокоился? — Спросил Сид.

— Да.

Нет. Теперь мне нужно придумать способ как все исправить.

Дорога до дворца не запомнилась совершенно. Я не говорила больше со стражем, старалась держаться прямо в седле и выглядеть сдержанной несмотря на то, что

воображение рисовало продолжение казни, которую я так и не смогла досмотреть.

Как эти руки методично вскрывали грудную клетку? Как погружались в неподатливую плоть, чтобы вырвать ещё теплое, пульсирующее сердце? Что происходило в его голове?

Когда Сид провожал меня до покоев, я успела накрутить себя до такой степени, что готова была молить стража не рассказывать Кайрину о том, что я все видела. Будто это могло помочь мне избавиться от объяснений и проблем! Будто если я притворюсь, что ничего не было, смогу скрыть отвращение и к нему, и к себе.

Да я не знала как вести себя с ним теперь!

— Сид, передай ему все, что мне удалось узнать от Иршада... И скажи, что я налажал. Снова.

С этими словами я хлопнула дверью перед носом у парня, чтобы наконец насладиться поеданием себя в одиночестве. Я не впускала слуг, когда мне по расписанию принесли еду, пыталась читать книги, не разбирая смысла, и в итоге просидела в четырех стенах до глубокой ночи, пока на небо не взошла луна, а сухой промозглый ветер не начал задувать свечи, пробираясь в приоткрытое окно.

Подарок Лиса мозолил глаза. Что теперь принц думает обо мне?

Я забралась в кровать не раздевшись, накрылась одеялом с головой и попыталась уснуть. Безуспешно. Связь все так же не работала. Не знаю зачем, но я попыталась настроиться на неё, выискивая брешь в защите Карающего, от чего моментально разболелась голова. Проклятье, как после неудачной попытки трепанации! Это было неестественно.

Он прогонял меня... Сама виновата. Жалела себя весь день, в тот момент, когда он взял на себя ответственность за мои поступки. И я же его за это и осудила...

Выскочив из постели, я кинулась в пустой коридор. Пусть режет кого угодно, гори оно синим пламенем! Я не должна была перекладывать переговоры на Сида. Не с ним мы связаны.

Затормозив у двери Карающего, я нервно постучалась, прислушиваясь к происходящему внутри. Замерев, простояла столбом пару минут, но ответа так и не получила. Покои были пусты, но это не заставило меня отступить, напротив, уверенность, что его непременно надо найти только удвоилась. Не это ли одержимость? Не к нему ли меня тянуло, когда я бросилась к процессии сегодня днем? И раньше... Я ведь чувствовала это раньше, но старалась игнорировать. Кайрин мог закрываться от меня сколько угодно, но на подсознательном уровне я всегда знала, когда ему особенно плохо. Он не контролировал себя полностью, не был машиной, и с чего я взяла, что казнь далась ему легко?

Отыскав ночной патруль, я попыталась выяснить у стражи местонахождение Карающего, но меня вежливо отшили.

— Не можем знать, Бесман джан, в ночь после Рахнамара все гуляют, вам лучше вернуться к себе.

— Гуляют? — Глухо переспросила я у одного из мужчин, на что тот беззастенчиво закатил глаза.

— Празднуют.

— Тоже хочу приобщиться к празднику. Ведите.

Сыграла ли роль уверенность в моем голосе, или дело было в том, что страже запретили мне препятствовать, но один из патрульных нехотя кивнул.

Дисмаль несомненно был доволен. Толпа гудела как встревоженный улей, но

Карающий больше не смотрел на людей. Когда все только начиналось он выскивал среди присутствующих знакомое лицо, но сейчас было уже поздно. Поздно и безразлично. Она все видела.

Он не старался отслеживать её без лишней необходимости, но порой это происходило само собой. Она просачивалась в его эмоции, и разбавляла холодное течение разума жгучими вспышками гнева или восторга, которые невозможно было игнорировать.

Сейчас, сжимая в руке чужое сердце, он уже знал, что она разочарована в нем, и от этого был разочарован в себе. Противно до неприличия.

Кайрин протянул наследнику кусок бесполезного мяса, минуту назад перегонявшего кровь в человеческом теле. “Нравится тебе это? Так бери”

Принц скупно улыбнулся, и Карающий разжал пальцы, роняя своё подношение тому под ноги. Представление закончено.

Он сошел с помоста, брезгливо вытирая руки об подобранный плащ. Никто так и не посмел к нему приблизиться. Хорошо. Он убил бы на месте каждого, кому могло прийти в голову его поздравить.

Участвовать в Рахнамаре считалось честью, особенно, если исполняешь роль палача, но каждый, каждый из присутствующих на помосте знал, что своим приказом Дисмаль втоптал его в грязь. Воспользовался древним законом о кровной мести, чтобы вывести в центр площадки и в очередной раз показать всем какое он на самом деле беспринципное чудовище.

Казнь предателей не входила в обязанности Карающего, для этого существовали обычные палачи, но он отвечал за Бес, которую наследник без зазрения совести подставил.

Естественно, Кайрин бы не позволил ей кромсать приговоренных лично. Вздумай она даже заявиться в первые ряды, он бы взял эту “честь” на себя, и никто бы не удивился, но как же было противно от того, что его прижали. Что он не подумал об этом раньше, узнав о планах Дисмаля в самый последний момент, не смог предотвратить их. Единственное что он успел — отправить ответное послание Сиду, который присматривал за девчонкой, написал ей лично, в надежде, что слова, сказанные напрямую, подействуют эффективнее, но не помогло...

Она не явилась на площадь, как он и попросил, но была достаточно близко, чтобы все видеть. Кайрин понял это как только взял у жреца кинжал, и, казалось бы, какая, собственно, разница, если она непременно узнала бы обо всем позже? Но услышать скупой рассказ из чих-то уст и быть свидетелем — не одно и то же.

Сид вместе с Радом встретили Карающего возле дворца, и ему смертельно хотелось их придушить, хотя было и не за что.

— Где Бес? — Вместо приветствия спросил Кайрин.

— У себя. Велел передать, что нужно искать шлюху, и ненавязчиво дал понять, чтобы его оставили в покое, — замысловато ответил Сид, — он после твоей выходки на площади немного не в форме.

Вот значит как... Ну что ж, это можно ей обеспечить, по крайней мере на сегодняшний день.

— А ты не думаешь, что в этом есть и твоя вина? — Вмешался Рад, — Ты прямо на допросе свидетеля прикончил. Мы так не договаривались.

— Да, мы договорились, что это стоит сделать тебе после нашего ухода. Прощу прощения, что перенапрягся и не дал тебе закончить, друг. Чего ради мы это вообще

устраивали? Врать парню, чтобы лишний раз его не травмировать? Ему нужно не играть в расследование, а всерьез им заняться. Он не ребенок.

Действительно, не ребенок. Девушка. Это хуже. Карающий прикрыл глаза, выслушивая доклад Сиды о произошедшем и не мог успокоиться. Сумасбродная дура! Уж лучше с младенцем дело иметь чем с ней! Всего за пол часа без слежки она умудрилась подставиться дважды. Первый — когда полезла обуздывать дикого жеребца, и второй — когда познакомилась с Лисом. Впрочем, об её умении обращаться с лошадьми страж отозвался с уважением, а от Лиса не так уж просто отделаться...

— Рад, разыщите всех работниц борделя, нужно их проверить.

А ему... Ему нужно было выспаться. Впервые за двое суток. Или за трое? Он не помнил. Несколько дней он практически не вылезал из подземелий, после посещения которых отправлялся напрямик на собрание совета. Обсуждения военного договора с островом Ин или вопросы об улучшении защиты города могли перерасти в пламенную дискуссию об увеличении налогов на живой товар, что несомненно было самой наиважнейшей проблемой из всех.

Но он находился там, потому что должен был находиться. Потому что отец был настолько слаб, что свалил на его плечи ещё и присутствие на собраниях. Однако, передать Карающему право голоса он все же не мог, и последнее слово всегда оставалось за Дисмалем, который уже прочувствовал пьянящий вкус свободы.

Никто не говорил этого открыто, но Кайрин знал, что каждый из старейшин, каждый из надежных ранее советников думал про себя: “Императору осталось недолго, пора начинать чувствовать нового императора!”

Они лизали Дисмалю пятки, поддерживали каждое необдуманное решение в надежде на то, что, когда придет новая власть, беспощадная буря перемен обойдет их стороной. Ловя на себе скользкие, оценивающие взгляды, Карающий знал, что сейчас они прикидывают как бы не повторить его участь и недоумевают: “Почему он ещё здесь? Почему не бежит сломя голову через всю империю и не прячется в какой-нибудь захудалой провинции...” Карающий и сам задумывался о путях отступления, а потом прятал подобные мысли подальше. Предательские мысли. Он знал, что отец поймет его, знал, что не будет преследовать, но не мог поступить иначе. Дело было даже не в клятве верности, которой он был связан. Мешала совесть и надежда, что все ещё можно изменить.

Да и куда податься? Чем он мог заниматься в привычной жизни? Кем мог стать? Наемником, в ряды которых он никогда не вольётся? Среди них будут искать в первую очередь. Торговцем? Торговать его не учили.

В темных коридорах, прикрывая лживые рты ладонями, советники шептались между собой: “Кому вообще нужна эта свадьба?” Принцесса не станет для них спасением, лишь переходящим знаменем, приятным дополнением к трону.

Наследник уже понял в какую сторону дует ветер и начал виться возле Эллиаль, как только она приехала. Вместе они смотрелись великолепно — оба добавляли проблем на его голову.

Рад отправился выполнять приказание, а Сид так и остался рядом, следуя за Карающим. То, что друга распирает от вопросов, было видно невооруженным глазом. Кайрин вздохнул.

— Говори уже...

— Я вывел его на чистую воду, — заявил Сид.

— Кого?

— Ученика твоего.

Солнце, игравшее на золотых куполах дворца, слепило глаза. Пахло пылью, подгнившими цветочными лепестками, едва различимый запах которых приносил из сада ветер, и ржавчиной. Карающий оправил рукава, обнаружив что манжеты загубели от запекшейся крови. Стайка слуг, подметавших каменные дорожки, прыснули в стороны при виде воинов, будто могли заслужить порку только за своё неосторожное присутствие рядом с ними. Кайрин сделал вид, что не заметил страха. Все сейчас раздражало его, каждая мелочь, казавшаяся неправильной, или наоборот, слишком привычной, выводила из себя.

— Вот как...

— Он Шиа.

— Поздравляю, ты угадал. Это все?

Напрасно он все-таки доверил именно Сиду присматривать за Бес. Когда он ещё наивно принимал её за мальчишку, парень казался лучшей кандидатурой на эту роль. Сид легко сходился с детьми и служил неплохим примером для подражания для неокрепших юнцов. Он не занудствовал, изредка закрывал глаза на правила, и это делало из него человека, к советам которого хотелось бы прислушаться ребенку. Но Бес не была ребенком, и сейчас Карающему было трудно представить, как на протяжении пары недель он не различил в ней девушку. А между тем она смогла обмануть даже отца, которому Кайрин правду так и не рассказал.

Факт того, что она не опускала глаза долу при разговоре с мужчинами, не жаловалась, когда её днями напролет гоняли на тренировках, и не просила поблажек влиял на его восприятие больше, чем короткие волосы и мешковатая рубашка. Прическа не могла скрыть миловидного лица, а одежда — хрупкой фигуры. Наряди её хоть в платье, хоть в холщовое полотно, она останется прежней, как ни старайся.

— Ты заводишься. Шиа так Шиа, мне не важно на самом деле, хотя многие моменты в его странном поведении становятся на свои места. Он элементарные вещи не может понять, а ты просто не хочешь объяснять ему по какой-то причине. Хочешь защитить? Прекрати тратить время, если у него не получается работать незаметно, нам и дальше придется подчищать за ним. Трупов будет больше, и боюсь, его нежная натура с этим не справится.

— Ты его недооцениваешь.

— Во дворец прибывает много гостей, нужно вправить парню мозги поскорее.

Кайрин знал, что нужно, а как именно это сделать представление имел посредственное. Он бы с удовольствием заявил сейчас Сиду, что не жалеет её, что к видящим нужен особый подход, ведь дар делает их психическое состояние нестабильным, подталкивая к грани безумия, но он бы соврал.

— Когда приезжает Фалиан?

Карающий решил перевести разговор в деловое русло. Третий принц был обязан присутствовать на свадьбе отца, но судя по тому, как он оттягивал этот момент, вновь тащить во дворец его придется разве что на аркане. А ведь когда-то в ноги падал императору, умоляя, чтобы его не забирали.

— Джеран доложил, что ночью будут. Песчаная буря помещала им добраться раньше.

— Он появится во дворце в канун Рахнамара? Лучше бы ему встретить ещё одну бурю.

Сид задумался, от чего между бровями у него залегла угрюмая складка.

— Никто не посмеет навредить членам королевской семьи.

И все же сегодня Карающему выспаться не удастся. Когда на небо взойдет луна,

каждый, кто владеет даром, получит возможность без суда воздать по заслугам своим неприятелям. Так завещал их Бог, такова его награда за жертвоприношение: “Наделенный силой, пусть силой возьмет своё”

Ограничения на убийства в ночь Рахнамара, конечно, наложил ещё прошлый император, но никто не будет мешать знати развлекаться. Платить за развлечения придется, как всегда, слабым, а Кайрину следить, чтобы все не зашло слишком далеко.

Возможно, то, что Бес зла на него, не так уж и плохо на данный момент....

Тревога витала в воздухе. Мы вышли из безлюдного крыла, в котором меня поселили, и я осознала, что лезу в самое пекло. Ступаю напрямик в чистилище и мило прошу, чтобы меня туда проводили.

Главный холл гипнотизировал мерцанием огоньков, переливавшихся за стеклами масляных ламп, очаровывал мрачной красотой искусной мозаики, украшающей колонны, приглашал окунуться в атмосферу роскоши и полуночных тайн, но это было обманчивым впечатлением. Даже Золушка знала, что волшебству свойственно испаряться с последним боем курантов.

Я остановилась, глядя как вереница слуг пересекает зал, неся в руках позолоченные подносы. В основном среди них были девушки, одетые в непривычно яркие платья. Рабыни? С расстояния невозможно разглядеть наличие татуировок.

— Стой, — пришлось притормозить сопровождающего, — дальше я сам.

Если появлюсь в компании охраны, гарантированно прикую к себе внимание, а этого делать я не желала. Лучшим решением будет проскользнуть на праздник незаметно, найти Карающего и исчезнуть, всячески избегая знакомых. На моей стороне пока было лишь одно преимущество — не все обитатели дворца знают меня в лицо.

Может мне показалось, но страж испытал неописуемое облегчение от того, что его отправили восвояси. Это показалось ещё более подозрительным, наверное, стоило подробнее расспросить его о происходящем, но я решила, что выставлю себя недоумком, не знающим элементарных вещей. “Как Вы можете не представлять, что происходит в ночь после Рахнамара, Бесман джан?! Это же каждый ребенок с молоком матери впитывает!” — примерно так в моем воображении и воскликнул мужчина, удивленно выпучив при этом глаза.

Он уже успел намекнуть, что на празднике делать нечего, а значит рассчитывать на то, что люди там пьют вино и беседуют, гроздьями вкушая виноград, не приходится.

Подождав, пока процессия из слуг скроется за поворотом, я проследовала за ними, стараясь держаться поближе к темным углам и цветочным кадкам, за которыми можно спрятаться. Поведение достойное ревнивой жены, решившей проследить, куда муж направляется после работы. Действительно ли он по три часа стоит в пробках, или его путь проходит через постель любовницы? Должно быть, такие сравнения приходили мне на ум из-за нервного напряжения. До Джеймса Бонда я в любом случае не дотягивала.

Проклятье! Выскочив из покоев, я и не подумала, что придется идти дальше соседней комнаты. Нужно было серьезнее подойти к маскировке. Лучшей маскировкой, конечно, стала бы мантия-невидимка, но таких в империи не водилось. Вдох-выдох.

Отстав от слуг, я потеряла последний ориентир. Чертов дворец! Придется подождать пока не пройдет кто-нибудь ещё, иначе заблужусь в хитросплетении коридоров.

Затаившись в тени лестницы, ведущей в противоположное крыло, я начала глухо барабанить пальцами по мраморной поверхности.

— Вы как раз вовремя! — Неясное бормотание и незнакомый голос раздался совсем близко.

— Вовремя?

К моему облегчению второй я тоже слышала впервые. Мягкий, слегка звенящий, он

источал растерянность и обреченность. Приятный голос, отрадно осознавать, что не одна я в этот час чувствую себя не в своей тарелке.

— Для вас подготовили подарок!

Я прекратила дышать, прислушиваясь, но собеседник промямлил что-то несуразное. Вжавшись в угол, я дождалась пока говорившие пройдут мимо.

Не отвлекаться, мне нужно найти Кайрина. Я сосредоточилась, чтобы повторить попытку поиска через связь, и пропустила момент, когда поблизости появился посторонний. Грузная рука опустилась мне на плечо, выдергивая из убежища.

— А ты что тут делаешь? От работы отлыниваешь?!

С перепугу я чуть не заехала незнакомцу кулаком, но он уже убрал с меня цепкую пятерню, избежав ответной реакции. На вид мужчина оказался вполне безобидным; на гладко выбритом полном лице почти не наблюдалось морщин, из-за чего было трудно определить его возраст. Старательно изображая суровость, он хмурил жидкие брови, но образ портила стопка ткани, которую он держал в одной руке и зажимал подбородком, чтобы не свалилась.

Я сглотнула, судорожно придумывая, что соврать, но мне позволили вставить лишь два слова, засыпав грудой новых вопросов.

— Я заблудился...

— Новенький? Из гарема? Я уже пол часа тебя жду, негодник! И что за вид?! Немедленно приведи себя в порядок и тащи это наверх! Тьфу ты! — Мужчина проследил за тем, как я поспешно разглаживаю руками мятую одежду и досадливо выругался. — На! Бегом! Времени нет! Все приходится за вас делать!

Привыкнув выполнять на кухне все, что скажут, особенно когда это говорят таким бескомпромиссным тоном, я подхватила тряпье, не особо задумываясь зачем оно мне сдалось. Честное слово, если бы Кайрин приказал мне в той же манере что-то вроде: “Времени нет! Бегом, бегом, встань в центре площади, три раза подпрыгни и пропой: “Ку-ка-ре-ку””, я бы сделала...

Однако я не могла припомнить, чтобы он так истошно голосил.

Зарывшись в тряпки носом, которые на поверку оказались стопкой из аккуратно выглаженных, пахнущих свежестью платьев, я поинтересовалась:

— А можно более подробную инструкцию?

— К девушкам неси! Ваши же их готовят! Быстро.

Карту он естественно не нарисовал, только абстрактно ткнул пальцем в сторону лестницы, после чего щелкнул языком, укоризненно покачал головой и поспешно скрылся. Я ещё пару секунд смотрела ему вслед, все больше убеждаясь, что мужчине срочно понадобился козел отпущения, и он его нашел, не став вдаваться в подробности откуда этот самый козел взялся.

Поудобнее перехватив платья, чтобы они закрывали часть лица, я зашагала в указанном направлении. Если я подумала, что крикливый мужчина поможет мне добраться до пункта назначения, я глубоко ошиблась.

Никакими праздниками и не пахло, зато я наткнулась на целую группу женщин непрезентабельного вида, цепочкой выстроенных посреди маленького зала. Несколько мужчин охраняли их, а Рахиль, с невеселым выражением лица, ходила вдоль рядов и рассматривала живой товар. С ней были ещё парочка женщин из гарема и несколько слуг...

— Эта, эта, эта.... И ещё эта... А эта что здесь делает? Убрать.

Глубокий, ласкающий голос Рахиль звучал как никогда жестко. В нем мне почудилась твердость камня и звон кующегося железа. Она щелкнула пальцем и одну из девушек моментально куда-то увели. Картина была странной, и я догадывалась, что место и время для отбора наложниц не самое подходящее.

— Вам повезло, — женщина сложила ладони и выпрямилась, представляя собой образчик идеальной холодности, — если вы проявите благоразумие, получите шанс на спокойную и сытую жизнь. Сейчас вас вымоют, осмотрят, оденут, после чего Гелар подробнее расскажет о правилах. Уведите!

Рахиль потеряла виски, будто короткая речь далась ей слишком сложно, тихо переспросила что-то у одного из юных слуг, после чего осмотрелась и наконец заметила меня, стоявшую возле арки.

Глаза женщины округлились, но она быстро совладала с собой.

Девушка, державшаяся рядом с Рахиль, и при этом пытавшаяся ей что-то рассказать, тоже обратила внимание на меня и замерла. Недоумение на её лице сменилось узнаванием, и, как ни странно, улыбкой.

Я её тоже узнала, но причину энтузиазма понять не смогла. Не зря мне на ум приходили мысли про любовницу, потому что именно она и нарисовалась на горизонте. Его любовница. Бывшая, перекочевавшая к наследнику. Эталонная красавица.

Рахиль поджала губы, отогнала от себя стайку помощниц и направилась ко мне.

— Гелар, займись приготовлениями.

Но девушка проигнорировала просьбу. Вырвавшись вперед, она протянула ко мне свои изящные руки, заставляя сделать пару шагов назад от неожиданности.

— Пожалуйста, пожалуйста, помоги мне!

— Гелар! — Отчаянный окрик Рахиль её несколько не тронул.

У меня появилось ощущение, что, выйдя из комнаты я свалилась прямым в кроличью нору, ведущую не в страну чудес, но в какую-то странную параллельную реальность. Все говорили на определенной волне, а я ничего не могла понять.

— Пожалуйста, скажите Каю, чтобы вступил в игру! Пожалуйста!

Растерянные глаза девушки блестели от слез, а я смотрела в них и не знала, что ей ответить. Она решила передать Карающему сообщение через меня, но я представления не имела, где он находился. Мольба на кукольном лице Гелар могла растопить даже айсберг, потопивший Титаник, не то, что слабое юношеское сердце, но я не была ни айсбергом, ни юношей. Я должна была пожалеть её, как следует жалеть жертв насилия, но не могла.

Ситуация усугубилась, когда девушка, не видя положительной реакции с моей стороны, бухнулась на колени как по безмолвной команде “сидеть”. Если до этого слуги хотя бы делали вид, что не замечают нас, то после подобного они забыли о тактичности.

— Встаньте, не надо! — Взмолилась я, предчувствуя, что, если она сейчас же не поднимется, заподозрят в порочных связях с девушкой ещё и меня, — Сделаю как вы хотите, только встаньте!

Рахиль спокойно взяла у меня стопку платьев, обвела присутствующих строгим взглядом, в котором читалось: “Скажете хоть слово — убью”, после чего буквально кинула в наложницу грудой нарядов.

— Несносная девка. Убирайся отсюда, пока не натворила ещё больше бед...

— Спасибо, спасибо вам! — Гелар стерпела оскорбление, её взгляд был направлен исключительно на меня, и в нем плескалась такая благодарность, что мне даже совестно

стало. Я не подумала о том как выполню обещание, мне всего лишь хотелось отвязаться от неё.

Девушка поднялась, умудрившись сделать это настолько изящно, будто в её поведении не было ничего постыдного или унижительного. Рахиль коршуном проследила за тем как наложница подбирает одежду, почтительно отступая назад, а потом накинулась на меня.

— А ты что здесь делаешь?!

От гнева, который проступил в голосе этой терпеливой, мягкой по отношению ко мне женщины, захотелось вжать голову в плечи.

— Кайрина ишу, мне нужно извиниться перед ним. И... что тут вообще происходит? О чем говорила Гелар? — Слегка запинаясь от растерянности, прошептала я. Рядом ещё были посторонние уши, и я не знала, что стоит говорить, а что следует оставить при себе.

— Не волнуйся, здесь всего парочка евнухов, я смогу заткнуть им рты, — пробормотала Рахиль, разгадав причину волнения, — но тебе нужно вернуться к себе. Немедленно.

— Сначала объяснитесь.

Не хотелось упираться рогом, но поджимать хвост и бежать, не зная при этом от чего именно, было обидно. Я скрестила руки на груди, хмурясь от негодования, и женщина сдалась.

— Девочка моя, тебе ничего не сказали? Ночь после Рахнамара — ночь мести. Не в прямом смысле естественно, традиции поменялись, но не исчезли полностью.

Дыхание Рахиль сбилось, пальцы дрожали, она будто хотела дотронуться до моего лица, будто хотела утешить этим жестом маленького несмышленного ребенка, но потом вспомнила с кем говорит и одумалась, ограничившись лишь усталым вздохом.

— Как только перевалит за полночь, начнется игра. Принять в ней участие может каждый, но никто не горит желанием, потому что одаренным в это время все сойдет с рук.

— Игра?

— Охота. Те девушки — дичь. Рахшар, не смотри на меня так, пожалуйста! Никого не убьют, некоторые из них сами вызвались. Если они до рассвета не будут схвачены, обретут шанс на свободу, а остальные просто сменят хозяина. Мужчины же получают возможность повеселиться, поверь, это лучше, чем полное отсутствие правил.

“Это какая-то дикость!” — хотелось воскликнуть мне, но язык прилип к небу.

— Бес, дорогая, вернись к себе. Если не успеешь спрятаться, станешь участником и тебе лучше не встречаться с другими игроками.

— Стойте, так Гелар хочет...

— Гелар хочет слишком многого! — Рассерженно зашептала женщина, — Не забивай себе голову этими глупостями, ты не обязана проявлять к ней снисхождение.

Я сощурилась, наблюдая за тем, как Рахиль отводит глаза.

— Давайте не будем говорить загадками. Она его бывшая любовница и хочет снова стать нынешней, причем настолько, что готова рискнуть своей шкурой ради этого.

Если на лице женщины и промелькнуло удивление, то задержалось оно лишь на секунду.

— Вот, ты и без меня прекрасно осведомлена. Сид распускает язык?

— Я случайно узнала. Почему Дисмаль позволяет Гелар участвовать? Она же сейчас в его гареме.

— Наследнику плевать что произойдет с девушкой, а для многих игроков это будет широким жестом. Кай не должен знать.

— Где он?

— В кого ты такая упрямая? Не знай я правды, смогла бы поверить в то, что вы родственники. У отца. Твоё неуместное любопытство удовлетворено?

Я кивнула. Женщина права, моё вмешательство сейчас никому не нужно, в том числе и Карающему. Желание нестись к нему сломя голову продиктовано чертовой связью, приправлено чувством вины и надеждой, что это не мне придется извиняться перед ним, а наоборот. Мне было необходимо, чтобы он оправдался. По-детски это.

— Подожди, я найду тебе сопровождающего, — облегченно прошептала Рахиль.

— У меня есть ноги, обратную дорогу найду.

— Не спорь, мне так будет спокойнее.

Обреченно вздохнув, заткнула гордость подальше и согласилась. Возвращаться к себе в гордом одиночестве на самом деле не хотелось, принимать участие в охоте, навязанной чуждыми мне традициями — тоже. Все остальное может подождать до утра, если Кайрин разговаривает с императором, я не имею никакого права им мешать.

Рахиль отошла, оставив меня мяться на месте, изучая затейливый узор на отполированном до блеска полу. Стыдно, до чего же стыдно. Я вспомнила как Гелар сидела у меня в ногах, подол её длинного платья растекался по каменной поверхности как вода, а черные глаза горели.

Не у того она просила помощи, не у того. Воспоминание пробудило злость. Такая красивая, такая жалкая, как она вообще могла попросить у меня что-то подобное? Да меня воротило от одной мысли, что ради неё он может в это ввязаться! Проклятая эгоистка, решив затащить его в игру, она наверняка не подумала о том, что он будет унижен вне зависимости от результатов. Выиграл — подобрал подачку, проиграл — твоя ненаглядная игрушка опять перекочевала к другому. Гадюка...

Я врезала кулаком по стене и одернула себя.

“Неужели это ревность, Сашка? Чем ты, бросившаяся посреди ночи на поиски, лучше неё? Господи... Ты пробила очередное дно и даже не заметила”

Мне нужно вновь закрыться в четырех стенах, что он не моя собственность. Я же и Димку ревновала, держала его возле себя как... Черт, черт, черт! От моей больной и покалеченной привязанности стоит держаться подальше, как от зоны с повышенной радиацией.

Наверное, моё лицо в тот момент было таким угрюмым, что даже слуги предпочли держаться от меня подальше. Скрестив руки на груди, я смотрела как все суетятся, стараясь обходить меня по широкой дуге. Пусть.

Рахиль вернулась на удивление быстро, и, как ни странно, одна.

— Как ты умудрилась пробраться сюда незамеченной?! Принц приехал, в холле столпотворение, придется спрятать тебя до утра.

— Какой ещё принц?! — Я вскинула брови. Вроде все высочества были уже на месте!

Женщина махнула рукой, кажется ей было не до этого. На лбу у неё образовалась глубокая складка задумчивости. Приложив к губам указательный палец, она смерила меня долгим взглядом, прикидывая что-то в уме, и это что-то заведомо мне не понравилось...

— Фалиан, вернулся из академии. Куда же тебя деть... — Протянула Рахиль.

Между тем где-то в коридоре послышались шаги и веселые мужские голоса. Они гулко смеялись, подначивали кого-то, и от этой радости мне стало не по себе.

— Пойдем, — женщина вцепилась в мой рукав, утягивая в противоположном

направлении, — Остальные, только посмейте заикнуться, что здесь был кто-то ещё.
Помните, что вы служите не наследнику...

— Куда мы идем?

— Если нужно что-то спрятать — спрячь на видном месте, — пробормотала Рахиль, — не хотелось мне этого делать, но придется.

Женщина толкнула неприметную дверь в какую-то комнату, и удостоверившись, что там никого нет, провела меня внутрь. Помещение оказалось тесным, почти пустым, и только инвентарь для уборки выдавал в нем обычную подсобку.

— Предлагаете пересидеть здесь?

— Нет, естественно нет! Всю ночь тут переждать не удастся, так что как только начнется игра, я заберу тебя с собой. А теперь подожди пять минут...

Не дав мне возразить, Рахиль выскользнула обратно, а когда вернулась, уже держала что-то в руках, тихо бормоча под нос ругательства. Я даже подкалывать её не стала по поводу лексикона, недостойного приличной женщины, хотя хотелось невыносимо.

— Как же здесь темно! — Воскликнула она, подкручивая фитиль масляной лампы, — А ты почему застыла? Раздевайся.

— Эммм... — Мне показалось, что я ослышалась.

— Раздевайся, кому говорю! Тряпки свои разматывай, быстрее!

— Рахиль, вы шутите?

— Какие шутки? Если я не могу отвести тебя обратно, придется выдать за помощницу, а потом спрятать в гареме, и уж будь добра не выделяться там. Держи платье.

Она сунула мне в руки новый наряд, и я невольно прижала его к груди.

— А волосы, а лицо, а голос?! Меня узнают, Рахиль, а когда это произойдет, мне проще будет руки на себя наложить! — Запротестовала я.

Сид уже предлагал мне переодеться в женщину, но в тот раз я ничего не теряла. Одно дело — надеть чадру, отправляясь в малознакомое общество, и совсем другое — нагло раскрыть себя во дворце, попытавшись обвести вокруг пальца тех, кто меня в лицо знает. Но женщина была настроена решительно...

— Даже думать об этом не смей! Будь у тебя вместо груди лишняя деталь в штанах, мне пришлось бы трудно, а над остальным можно поработать. Что касается голоса... Просто держи рот на замке, дорогая.

— Рахиль!

Быстро же с неё слетела томность, сопровождающая все движения и разговоры. Женщина оставалась такой же серьёзной и непреклонной, но манерность, присущая любимой наложнице императора, исчезла без следа.

— Хорошо... Будь по-твоему! Вперед, выходи. Встреть наследника со свитой, они будут рады увидеть тебя без защиты этой ночью.

Скрипя зубами, я начала стаскивать с себя рубашку. Сквозняк неприятно холодил кожу, а удовлетворенная улыбка Рахиль действовала на нервы. “Сразу бы так” — шепнула она как заботливая мамочка, наконец запихнувшая в рот ребенка ложку ненавистной каши.

Платье оказалось довольно скромным. В слабом освещении ткань приобретала оттенок вязкой болотной тины, и на ощупь была ещё более неприятной — гладкой и прохладной как лягушачья кожа. Никогда не любила атлас. Сидело оно на мне ещё хуже. Лиф был явно рассчитан на девушку с более выдающимися формами, из-за чего некрасиво топорщился

большими складками.

— Ты повязку точно сняла? — Серьезно спросила Рахиль, указывая на это нечто. — Подойди...

Издевается! Зеркала у нас не было, но я представляла, как это выглядит со стороны. Покачав головой, женщина распустила шнуровку у меня под грудью, а потом затянула её по-своему. Складки вроде исчезли, но комфортнее мне от этого не стало.

— Теперь надень платок... Давай покажу как правильно завязывать.

Я закатила глаза, но послушалась.

— Все?

— Нет, надо тебя накрасить.

Логично. Без макияжа меня точно узнают, так что пришлось обреченно кивнуть. Пусть делает, что хочет. Рахиль, воодушевленная моей покладистостью, достала захваченные с собой кисточки и баночки с косметикой. Интересно узнать её состав...

Действовала женщина уверенно, ловко избегая прямого контакта рук с моей кожей. Учитывая, что работать приходилось стоя и в отвратительных условиях, справлялась она на удивление быстро. Качественно ли? Другой вопрос. От пудры, толстым слоем покрывающей лицо хотелось чихнуть.

— Терпи, — Рахиль прикусила губу от напряжения, — иначе я смажу глаза.

Перемотав ладонь платком, она как раз рисовала мне жирные стрелки под нижним веком. Прокорпев над ними ещё несколько минут, женщина отстранилась, чтобы оценить проделанную работу.

— И как я выгляжу? — Спросила, борясь с диким желанием протереть глаза кулаками.

— Ну... Мы же не хотим, чтобы ты кому-то понравилась, — дипломатично ответила Рахиль.

После её слов желание увидеть, во что меня превратили, только усилилось.

— Сгорбись, плечи опусти, — велела женщина.

— Разве девушка не должна иметь красивую осанку? — Усмехнулась я.

— Разумеется, но не в твоём случае. Спрячь этот заносчивый взгляд, нельзя так смотреть на мужчин!

Глубоко вздохнув, я понурилась и нацепила на лицо самое глупое выражение, на которое только была способна. Глаза в пол, уголки губ растянуты в блаженной полуулыбке. Сама кротость.

Рахиль не оценила. По тому, как она скривилась, можно было догадаться, что со стороны я похожа на умственно отсталую.

— Улыбку убери, — посоветовала она, — Пошли, держись поблизости, не выделяйся. Вещи спрячь здесь, нельзя таскать их с собой.

— Утром придется сходить за ними. У меня не получится вернуться к себе в таком виде.

— Не волнуйся, я передам Каю, чтобы он забрал тебя, — с ехидством сообщила Рахиль, — пусть сам с этим разбирается.

Проклятье! Готова поспорить, что женщина могла помочь мне вернуться и без его присутствия, но решила, что благотворительности с неё достаточно. Избавлять меня ещё и от стыда, который я испытаю перед Карающим утром, она нужным не посчитала. Правильно. Хотела увидеть его? Получи и распишись.

На этот раз сгорбиться получилось вполне естественно. Стоило только представить, как буду оправдываться перед Кайрином за устроенный балаган, плечи опустились сами собой.

Как только мы покинули убежище, на нас налетела одна из служанок, которую я ранее видела рядом с женщиной. Девушка удивленно выпучила глаза, смерив меня подозрительным взглядом, и я тут же занервничала, схватившись за уголки платка. Наверняка она всех в гареме поименно знает и способна сложить два и два.

— Они хотят посмотреть на них, — шепнула незнакомка. Подавшись чуть вперед, она сообщила это на ухо своей госпоже, но я прекрасно все расслышала.

— Пусть смотрят. Передай это и можешь возвращаться, наша работа выполнена, — спокойно улыбнулась Рахиль.

— Она все поняла, — панически прошептала я, глядя в спину уходящей служанке.

— Я плачу ей не за понимание, дорогая.

— Всегда найдется тот, кто сможет заплатить больше, — парировала я.

— Мужчины не вмешиваются в дела гарема без веских оснований. К тому же, спокойствие порой стоит дороже золота.

Понятно. “Лучше знакомый черт, чем незнакомый ангел” — пришла на ум земная пословица. Судя по всему, Рахиль научила своих подчиненных нехитрому правилу: “Зло привычное и родное всегда лучше зла, что таит в себе неизведанное” Какой глупец решит рискнуть ради денег, зная, что, если будет пойман на измене, эти самые деньги ему уже не понадобятся?

Мысленно я разделяла такую позицию лишь частично, но в конце концов Рахиль лучше знает своих людей.

— Поверю на слово...

— Вот и молодец, — женщина развернулась, погладив меня по плечу, — эту проблему я смогу уладить.

Уверенность, прозвучавшая в её голосе, позволила мне расслабиться. Она говорила так, будто помимо власти, которой она обладала в гареме, у неё был козырь, спрятанный в рукаве.

Что ж, у этой женщины мастерски получалось обводить людей вокруг пальца, надеюсь, получится и сейчас.

Должна сказать, что выйти незамеченной в своем прежнем образе мне действительно не светило. Девушек, уже умытых и разряженных, вывели обратно и выстроили в линию перед довольным Дисмалем, пришедшим с группой поддержки. Спутников наследника я если и видела, то лишь мельком, так что сочла нужным навести о них справки.

— Это ещё кто?

— Дети советников, — сквозь зубы процедила Рахиль, — тот с бородкой — сын наместника западных земель, Макрам. Слева от него Талгат — сын первого советника. Следом идут Фаяз и Анзор, их семьи не так влиятельны, но богаты.

— А в центре? — Поинтересовалась, глядя на то, как Дисмаль по-отечески обнимает щуплого юношу, вжавшего голову в плечи как нахохлившийся бравый воробушек. Паренек отчаянно храбрился, но его затравленный взгляд и скованность выдавали истинные чувства. Не осуждаю. Я бы тоже подобной компании не обрадовалась.

— Не узнаешь? — Женщина вскинула брови, — Ах да, откуда... Фалиан, средний по старшинству в семье.

Я должна была догадаться, но... Боже, как же этого птенчика угораздило родиться в семье, где сплошь одни земноводные? Таких просто не бывает. Фалиан производил впечатление домашнего мальчика, которого держали дома как комнатное растение, не

видевшее ничего кроме подоконника. Сид говорил, что паренек скромн, но я и представить не могла, что настолько. Он был не просто стеснительным — зашуганным.

— Братец, посмотри, нравятся они тебе? — Наследник вцепился в него как коршун в добычу, — Или нужно привести кого-то ещё ради такого случая?

Парень неуверенно кивнул, пробормотав что-то неразборчивое.

— Не расслышал. Неужели ни одна по вкусу не пришлась?

Друзья Дисмалья заржали, будто он придумал смешную шутку, а мне между тем становилось от происходящего все больше не по себе.

— Нравится, — ответил парнишка уже громче и повторил, пытаясь убедить в собственном вранье, — нравится.

— Пришло время сделать из тебя мужчину. А мужчина должен бороться за право обладать женщиной. Правда?

Мы остановились в десятке метров от Дималья, но его подначки я слышала так четко, будто принц зубоскалил прямо у меня за плечом. Рахиль недовольно поджимала губы, но терпела их.

— Он ненормальный.

— Это давно всем известно, девочка моя, но лучше воздержись от комментариев. Сейчас он натешится вдоволь, и мы уйдем. Знаешь, отчасти он даже прав, мальчику пора перестать бояться собственной тени, может хоть это послужит для него неплохим уроком.

С каких пор издевательство над ближними положительно влияет на развитие личности? Порой это работает, не стану спорить, но не всем подходят радикальные меры. Кого-то можно кинуть в озеро без подготовки, чтобы научить плавать, но что-то мне подсказывало — этот кадр не выплывет — пойдет ко дну как топор. Копна трогательных кудряшек, пухлые губы... Фалиан выглядел милевиднее меня! Самый очаровательный из принцев, право слово, парень определенно мне нравился, жаль только, что по характеру он типичный святой мученик.

И голос у него был смутно знаком... Точно, это же от него я пряталась за лестницей, прежде чем попала сюда. Тогда речь шла о каком-то сюрпризе, и теперь стало ясно, что за подарок подготовил для родственника наследник.

Ладно, я не спасатель. Спасение утопающих в данном случае — дело рук самих утопающих. Рахиль старалась не выдавать своего волнения, но я заметила, как она нервно ломает пальцы, следя за поведением мужчин.

— Что-то идет не по плану? — Тихо поинтересовалась я.

— Не знаю. Я не думала, что он решит посмотреть на кандидаток.

— Почему именно вы занимались их подбором?

— По личной просьбе Карающего, к тому же подобными делами всегда заведуют женщины.

— Чего-то я не понимаю...

— Большинство из них беглые, сменившие не одного хозяина. Я выбирала наименьшее из зол, как видишь. Предупреждая ещё один бестолковый вопрос — Гелар вызвалась сама, я не могла препятствовать.

Наследник от чего-то медлил, перебрасываясь шутками с подручными. Я скрипнула зубами, дожидаясь, когда мне наконец выдастся возможность убраться отсюда и не видеть эту змеиную рожу.

Но урод не спешил, дожидаясь чего-то. Кого-то. В голову закралась подозрительная

догадка... Лишь бы не оправдалась.

Наследник кинул на Рахиль хитрый взгляд, и одновременно с этим лицо Гелар просияло, зажглось фантастическим румянцем на щеках, которые в этот миг будто окрасил свет заходящего солнца. Перемена в девушке могла означать только одно: “Напрасно я надеялась на удачу”

— Сволочи, все-таки доложили, пойдем, дорогая, нам нужно вмешаться, иначе они сейчас поубивают друг друга.

О нет, Рахиль, конечно, преувеличила, драться никто не собирался, но то, что Кайрин, влетевший в зал порывом ураганного ветра, к беседам не располагал, можно было определить и без склонностей к эмпатии. Не зря он от меня закрывался, чертовски правильное было решение, потому что от него фонило если не ненавистью, то раздражением уж точно.

И что в данной ситуации собралась предпринять Рахиль?! Ни жива ни мертва я кинулась за ней, старательно опуская голову.

— Ваше высочество, — проворковала женщина, не давая вставить наследнику ни слова, а он, судя по всему, намеревался сказать что-то едкое, — вы всем довольны?

Вмешательства главной наложницы никто не ожидал, да и не должна она была встревать в разговоры. Однако Рахиль так обворожительно улыбнулась, что даже принц на мгновение растерялся. Не знай я, что за глаза женщина беззастенчиво называет наследника сволочью, могла бы решить, что она действительно рада его видеть. Я встала за её спиной, покорно сцепив руки в замок. И вот же удивительно, меня правда не узнавали! Вернее сказать, Дисмаль остановил на моей незначительной персоне свой царский взор и отвернулся с такой недовольной миной, что я начала подозревать — Рахиль всю душу в макияж вложила. Это же насколько я сейчас должна быть страшной, что на меня даже смотреть не хочется?! Если бы не ситуация, моя женская гордость все-таки была бы задета.

Внимание наследника мне не требовалось. А Кайрин... Кайрин смотрел на другую. Его взгляд метнулся от старшего принца к младшему, а потом остановился на Гелар... И воодушевленная до неприличия девушка была столь мила в своей безумной радости, что я не могла его винить. Во мне скреблась черная липкая зависть.

— Признаться, я недоволен, — ответил Дисмаль, — они все...

— О, Ваше высочество, вы дали так мало времени на подготовку, — беззаботно возразила Рахиль, — но, если хотите, могу привести еще парочку.

— Которые будут так же скучны и некрасивы? Вы специально себя такими окружили?

Это шпилька в мою сторону? Обидно, но я потерплю, да и тебе с лица воду не пить, гаденьш. Карающий оторвался от созерцания Гелар.

Как же сложно не поднимать на него глаза, хотя, кажется, он уже успокоился. Ну или сделал вид, как всегда? Ехидный внутренний голос подсказывал, что первое: “Вот, Сашка, рядом с ней он становится нормальным, а ты только бесишь его”

О чем я только думаю, черт побери?

— Я участвую, — коротко бросил Кайрин.

— Чудесно. Моралисты и благодетели снизошли до нас, да, Фалиан?

Парнишка то ли кивнул, то ли головой покачал. Словом, выражал он этим жестом согласие или протест — оставалось загадкой. Я судорожно вздохнула, Рахиль забеспокоилась...

— Господа, осталось совсем немного времени, — промурлыкала женщина, — позвольте

закончить подготовку.

— Конечно... — Наследник, будь он трижды проклят, дал свое благословление, — поторопитесь, мы будем ждать.

Собрав свою компанию, он удалился, но Карающий видимо желал перекинуться с Рахиль парой ласковых. К великому сожалению Гелар на неё он больше не смотрел, буравя взглядом недовольную женщину.

— Прикажи увести их, нам с тобой лучше поговорить наедине, — угрожающе пророкотал он, дожидаясь пока Рахиль молча хлопнет в ладони, и торопливые слуги выведут девушек.

— Хочешь поговорить? Хорошо, только не вздумай меня отчитывать. Ты балбес, рисковать ради какой-то...

Карающий шумно выдохнул. Сейчас я понятия не имела, что за выражение поселилось на его лице, потому что позорно спряталась за плачем моей спасительницы. Она выше меня, за ней удобно, комфортно и не так страшно...

— Я сказал “наедине”

— Уверен? А ты никого не потерял, дорогой?

— Что ты имеешь в виду?

— Милая, хватит прятаться.

Рахиль, предательница, отошла в сторону, и “ободряюще” погладив меня по спине, вытолкнула вперед.

Кажется, Карающий сначала не понял в чем дело, но через секунду от него полыхнуло удивлением настолько ярким, что в этот миг он даже перестал злиться. Здравствуйте, больше не игнорируем меня значит? Впрочем, затишье продлилось не долго. Моё желание забиться куда-нибудь в темный угол, слившись там с самой невзрачной стеной, было неосуществимо, так что я, предупреждая все вопросы, заверила:

— Я все могу объяснить!

Кайрин шумно выдохнул и вцепился холодными пальцами мне в подбородок, чтобы повертеть лицо из стороны в сторону. Его светлые брови при этом изогнулись, выражая крайнюю степень отчаяния. Не часто можно увидеть что-то подобное, но сейчас все его мысли практически вырисовывались на лбу огромными буквами и кричали: “За что?!”

— Будь так любезна, постарайся... И ты, Рахиль, тоже.

У меня в самом деле была заготовлена речь. Я честно обдумывала свой монолог, когда отправлялась на поиски, и он казался мне вполне недурственным на тот момент, но под прицелом острого взгляда Карающего, весь смысл из него, как бы помягче сказать, выветрился. Женщина, которая выставила меня на амбразуру, и теперь должна была стать свидетелем моего ораторского искусства, тоже настроиться не помогала.

— Я... В общем... — начало было многообещающим, но потом все пошло не по плану, — да, черт побери! Я пошла тебя искать, и кто бы мне сказал, что во дворце после казни что-то намечается! Нет, я узнала это от незнакомца, дежурившего под дверью моей спальни. Но и он тоже, знаешь ли, оказался не очень информативен! А когда я наконец поняла, что вы все собрались тут ради того, чтобы достоинством помериться, незаметно уйти уже не смогла. И не надо меня во всем обвинять, потому что ты сам виноват! Я не говорю уже про людей, которых ты на площади по частям разобрал, хотя не скрою, это произвело на меня неизгладимое впечатление, я говорю о том, что перед тем, как что-то предпринять, ты мог бы известить меня заранее, и сделать это прямолинейно, а не парой

слов, нацарапанных на жалком клочке бумаги. Не смей, просто не смей упрекать меня в своеволии, потому что даже после случившегося ты не соизволил мне что-то сказать. Да будет тебе известно, что я волновалась! И отпусти меня наконец!

Карающий отдернул руку от моего лица, брезгливо растирая пудру между подушечками пальцев. Твою ж... Не стоило про пленников напоминать. Он сразу вернулся к состоянию антарктической льдины.

— “Волновалась...” Отвращение теперь так называется? Моя вина, что не приполз с извинениями. Великодушно прошу прощения, госпожа, что заставил вас волноваться.

И вот никак не ожидала, что он, приложив руку к сердцу, согнется в поклоне. Да он даже перед принцами не кланялся! Отлично поиздевался. Я чуть не взвыла.

Рахиль смотрела на это все с плохо скрываемым наслаждением, медом расплывшимся по губам.

— Не хочу напоминать вам о времени, но не могли бы вы отложить свой занятный разговор до утра? — Выказалась женщина.

Она немного прогадала, когда подумала, что про неё забыли. Вернее, я-то слегка запамятовала, что наложница все ещё здесь, когда начала распекать Кайрина, но он помнил прекрасно.

— Только после того, как скажешь, что ты с ней сделала. Её могли узнать.

Карающий стрельнул в мою сторону очередным уничижительным, состроив гримасу а-ля: “Она и раньше красотой не отличалась, а сейчас вообще чудище подземное” Как говорится: “Родила царица в ночь, не то сына, не то дочь; не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку”

— Но не узнали. Да и ты сам её не сразу заметил, дорогой. Неужели у меня были варианты получше?

Кайрин скрестил руки на груди, все ещё внимательно рассматривая мой роскошный образ.

— Я же только-только послал ребят присмотреть за тобой, Бес, — печально протянул он, — а теперь что прикажешь делать?

Ребят? Решил, что один Сид уже не справляется? Обняв себя за локти, я скованно пожала плечами. По позвоночнику прошла волна мурашек, вдруг стало холодно и неудобно, раздражение ушло, а вместе с ним пропало всякое желание говорить. Опоздал он со слезкой.

— Позволь вмешаться, — проворковала Рахиль, — я хотела оставить Бес у себя до утра, но раз ты уже здесь, то верни её обратно. Все-таки она хотела видеть тебя.

Уже перехотела.

— Не надо, я подожду как мы и планировали, — буркнула, отворачиваясь.

“Пусть возвращает своих любовниц, обзаводится личным гаремом, развлекается, отвлекать не стану” — это я оставила при себе, и так за сегодня выплеснула на него слишком много желчи.

— Ты прекрасно знаешь, Рахиль; я должен удостовериться, что Фалиан не пострадает, — Карающий пропустил мою реплику мимо ушей.

— Да, Фалиан... — Усмехнулась женщина, — как я могла забыть, что больше никто из твоих шпионов сделать этого не сможет.

Какой интересный разговор! Кайрин прищурился, сверля наложницу хищным взглядом, но у той к подобным давно был выработан иммунитет. Все мы знали, что речь шла не о

юном принце, но Карающий решил меня в это не посвящать, а я сделала вид, что нахожусь в блаженном неведении.

— Глаз с неё не спускай, — посоветовал Кайрин, не став развивать тему.

Рахиль покачала головой, показывая, что и без наставлений все понимает.

Лицо под слоем штукатурки беспощадно жгло. То ли из-за косметики аллергия началась, то ли она просто на нервной почве проснулась. А может обида так действовала?

Карающий собрался уходить; мы опять расставались на какой-то отвратительно-напряженной ноте, не позволившей мне устоять на месте.

— Подожди, — пробормотала я, схватив его за руку, — не перекрывай больше связь, пожалуйста, или не отталкивай хотя бы. У меня сегодня чуть мозги не вскипели, когда я пыталась до тебя дотянуться. Это неприятно очень. То есть, это не претензия, естественно, ты имеешь право на личное пространство, но мне бы хотелось знать, что с тобой все в порядке. Я действительно волновалась...

В тяжелом взгляде, брошенном на меня сверху вниз, промелькнула жалость, смешанная со снисхождением. Стало неловко. Я разжала пальцы. Резко захотелось спрятать руку за спину, деть её куда-то, сгладив желание дотронуться до него каким-нибудь естественным жестом. Неосознанно я потянулась к лицу, чтобы потереть переносицу, но Кайрин перехватил моё запястье.

Резко развернувшись, он притянул меня ближе и наклонился, касаясь губами моего уха. Судорожно вздохнув, я сама панически подняла щиты, чтобы в последний момент сохранить хоть какую-то видимость спокойствия. Какое спокойствие?! Да у меня пульс подскочил как у пенсионера-сердечника, и он наверняка мог чувствовать биение вены под пальцами.

— Не буду закрываться, — зловеще прошептал он, — а ты не порть макияж, я потом самолично эту дрянь с твоего лица смою.

— Ага... — только и сумела ответить я.

— Иди. Я попытаюсь придумать причину твоего исчезновения.

Что?

— Кайрин, у нас проблемы, огромные проблемы! Мы в заднице. Этот несносный мелкий паршивец сбежал! Ияд отправился его искать, но лучше если ты... Оу... Здравствуйте, Рахиль-эде.

Наш диалог с Карающим продлился всего пару секунд. Голос Сиды, спустил меня с небес на землю. Видеть парня дыша учителю в шею я не могла, только сейчас сообразив, что он специально заслонил меня собой, заметив появление постороннего раньше, но красноречие стража говорило само за себя. Спорю он собирался сказать в мой адрес ещё много ласковых, но постеснялся Рахиль и растерялся от происходящего в целом.

Черт.

— Здравствуй, Сид, — бесцветно ответила женщина, — и до свидания. Мы уже уходим...

Черт.

Я отлепилась от Кайрина, позволив Рахиль взять меня под локоть. На стража не смотрела, развернулась и как пьяная поплелась за женщиной в противоположном направлении.

Карающий в это время натурально отыгрывал злость по поводу моей пропажи.

Черт.

Пока мы шли Рахиль не проронила ни слова, да и я находилась в столь жалком, потерянном состоянии, что желания вести беседы не возникало. Наверное женщина прекрасно это понимала, потому и не лезла больше с вопросами. Мне было стыдно перед ней за то, что сорвалась...

Интересно, как Кайрин собрался выкручиваться из всей этой ситуации с моим исчезновением? Как собрался искать, заведомо зная, где я нахожусь? Хотя не скрою, отчасти я радовалась тому, что он даже перед Сидом меня выгораживал. В отличие от принца, который видел меня один раз, Сид дежурил рядом практически сутками. Уж он-то успел выучить наизусть не только мою внешность, но и жесты, повадки. Он был внимателен настолько, что раскрыл почти все мои тайны.

К тому же, о да, я жаждала всеми фибрами своей черной душонки, чтобы у Карающего осталось меньше времени на спасение утопающих. Видят боги, утопающие сами прыгнули в реку с моста!

— Добро пожаловать, почувствуй себя как дома, — голос Рахиль вывел меня из состояние близкого к анабиозу.

Уж где-где, а в гареме чувствовать себя как дома я не хотела.

В женском крыле мне сейчас было так неуютно, что я, наверное, согласилась бы променять его на тюремные камеры подземелий, которые посетила утром.

Первое посещение гарема произвело на меня более положительное впечатление. В образе парня я чувствовала себя комфортно, а теперь меня посетил иррациональный страх, что если Карин по какой-то причине передумает меня забирать, то выбраться отсюда мне не светит никогда.

Последний раз со мной случалось такое только в торговом центре, когда, будучи ребенком, я потерялась среди людей и, дожидаясь отца в компании работниц информационной стойки, всячески пытающихся меня приободрить, с ужасом думала, что он за мной не вернется. Зачем им с мамой такая непослушная дочь? О моей пропаже объявили по громкой связи, и взволнованный папа прибежал уже минут через пять. Кайрин тоже меня не бросит...

В воздухе витал сладковатый цветочный запах, и не смотря на поздний час в общем зале былолюдно. Рахиль это не понравилось.

— Девушки, вам пора по постелям...

Она выглядела как грозный комендант, застукавший студентов, вернувшихся в общежитие после отбоя. Красивые губы сжались в тонкую линию, брови сошлись на переносице.

— Рахиль-эде, праздник же, — к ней подбежала жгучая брюнетка с кукольным личиком, — позвольте посидеть ещё немного.

— Это не ваш праздник, Иранис, — сурово отчеканила женщина, — жены Егс величества будут недовольны.

— Они не станут вмешиваться, — весело заявила девушка, — принцесса грустит, и мы всего лишь решили поднять ей настроение.

— Какая забота, — на лице Рахиль не дрогнул ни один мускул, — развлекайтесь. Пойдем дорогая, Себилер.

Я не сразу поняла, что обращаются ко мне, угрюмо рассматривая подол своего “болотного” платья. Сообразила только когда наложница настойчиво потянула за меня рукав и пораженно вытаращилась на женщину. Она что, перевернула слово “Бес” и добавила к нему три последние буквы из “Эллер”? Забавное чувство юмора.

— А?

— Я выделю тебе комнату.

— Она новенькая? — активизировалась Иранис, — Ни разу её не видела!

Девушка не спешила уходить, а скорее всего попросту не хотела. Её медовые с темными вкраплениями глаза светились интересом, таким живым и непосредственным, что меня это даже не задело. Иранис выглядела почти как любопытный котенок, игривый, но не опасный.

— Новенькая... — Повторила Рахиль, — не приставай к ней.

— И сразу личная комната? — Не унималась девушка. Поджав пухлые губы, она задумалась на какое-то время, а потом удивленно приоткрыла рот, будто о чем-то догадалась. Догадка была не самой веселой, потому что на меня посмотрели с сожалением, — Бросьте, Рахиль-эде, я знаю как это бывает. Может не стоит оставлять её одну? Мало ли...

Иранис вопросительно приподняла брови, а я уставилась на неё не совсем догадывалась, что происходит. Рахиль же тайные знаки расшифровала, потому как тяжело вздохнула, и состроив на лице непонятное выражение, неохотно кивнула.

Я ломала пальцы, гадая что же обо мне там напридумывали.

— Посидишь с нами? — Вдруг участливо спросила, Иранис, — Видела принцессу?

Помотав головой, я вскинула глаза, безмолвно спрашивая у Рахиль, что происходит.

— Хочешь посмотреть? — не переставала пытаться девушка.

Что ж она прилипла-то как банный лист! Хочу ли я видеть эту принцессу? Да как-то не очень, учитывая, что мы с ней уже встречались, но говорить это напрямую было нерационально — можно и коронованную особу ненароком задеть. Кто знает кем ей эта девушка приходится и как на подобное заявление отреагирует.

Я скованно пожала плечами, переложив всю ответственность на Рахиль. Она сегодня уже проделала подобный фокус со мной, так пусть теперь отдувается. Как ни странно, женщина колебалась, видно было, что она не планировала подобного развития событий, но почему-то все ещё размышляла над тем, стоит ли мне пообщаться с местным серпентарием.

— Возможно, ты права, — резюмировала она, — это пойдет Себилер на пользу... Можешь посидеть с девочками, дорогая, я скоро приду, если понадобится, попроси Иранис позвать меня.

Я точно не ослышалась? Такими темпами я начну сомневаться в добрых намерениях всех в округе! В принципе, идея была не столь уж и плохой, тем более что коротать ночь в одиночестве, с нервами, натянутыми как струна, было не так уж и заманчиво. Уснуть все равно не смогу, только процесс самобичевания продолжу. А, была не была! Забьюсь где-нибудь в уголочке, посмотрю на девушек, все равно меня в гареме кроме принцессы никто толком не видел, а уж с ней-то я общаться не намеревалась.

Получив дозволение от старшей, Иранис протянула мне раскрытую ладонь и улыбнулась. И что мне делать? Не рукопожатие же она мне предлагает?! Я скептически покосилась на смуглую кисть с тонкими музыкальными пальцами и, естественно, даже не подумала к ней прикоснуться. Девушка не обиделась, только испустила едва слышный мученический вздох и просто поманила за собой.

Рахиль, сказав, что займется подбором спальни, одобрительно кивнула и удалилась. Выходит, опасности разоблачения в посиделках с наложницами она не видела. Почему — дала понять Иранис уже пару минут спустя.

Под заинтересованными взглядами нескольких девушек в общем зале, мы прошли в соседнюю комнату, обставленную в багровых тонах, и наложница зашептала:

— Ты так заинтересованно все рассматриваешь, красиво у нас, правда?

Она, несомненно, оценила мой неказистый вид, платье не по размеру и размалеванное лицо, но никаких замечаний по этому поводу сделать себе не позволила. Зато явно решила, что я из простых, и значит обстановка, должна меня поразить. Что ж, не будем разочаровывать.

— Красиво... — пискнула, подав голос впервые за знакомство.

К роскоши я уже успела привыкнуть, хотя помпезность, с которой было обставлено женское крыло, все ещё приковывала взгляд мелкими деталями. Вазочки с цветами, пуфики, подушки. Все было так по девчачьи, что мои покои, достойные пятизвездочного отеля, по сравнению с этим казались спартанскими.

А ещё взгляд приковывала принцесса. Она сидела в центре комнаты, окруженная свитой из служанок и наложниц, развлекающих её игрой на каком-то струнном инструменте, и отчаянно скучала. Фарфоровое лицо, обрамленное пеной мягких светлых кудрей, выглядело апатичным и холодным, но это его странным образом не портило. Эллиаль была принцессой и выглядела как принцесса в прямом смысле этого слова.

Она бы с легкостью подошла на роль спящей красавицы. Юная, нежная, со щеками, едва тронутыми румянцем; идеальная настолько, что в её подлинность трудно поверить.

Платок определенно был лишним в гардеробе этой девушки. Прятать такое лицо — грех. Смертный грех.

Жаль характер у морской принцессы не сахар. Зайчики и лисички уж точно не сбегались к её ногам как в диснеевских мультфильмах.

И ради такой вот красоты я полезла на крышу здания? Знай я, что после меня поймают, сделала бы это повторно? Да, но уже не из любопытства.

— Ты не бойся, — совсем тихо прошепстала Иранис, — Её высочество на самом деле очень добрая. Раньше она общалась с этими гарпиями, но теперь даже не подходит к ним. Ой... Ты ничего не слышала!

Это девушка так “лестно” о законных императорских женах отозвалась? Я выдавила кривую улыбку, выражая свою солидарность и готовность молчать, а наложница весело закатила глаза. Проговорилась она специально, желая поднять мне настроение, и ничуть не расстраивалась по этому поводу. Видимо, то, что меня привела Рахиль, изначально повлияло на её отношение, да и сама женщина знала на кого меня оставить. Счастливиц, подаривших правителю наследников, в этой компании не жаловали.

Протанцевав к венценосной особе, Иранис что-то прошептала ей на ухо, а потом представила меня, не забыв обмолвиться о том, что мне не помешает общество. Принцесса отреагировала ровно, впрочем, как и ещё десяток нимф, так что я расслабилась, и сделав недореверанс-недокниксен, приземлилась на тощую подушку. Все девушки сидели на полу, и только Эллиаль вольготно располагалась на низком диване с витыми подлокотниками.

Разговоры начали возвращаться в привычное русло, а я потихоньку теряла интерес к происходящему. Щебетание наложниц, состоявшее на девяносто процентов из сплетен, я поддержать не могла, а посему тактично молчала. Изредка улавливая знакомые имена, я

оживлялась, но в конечном итоге полезного для себя так ничего и не находила.

Судя по всему, следовало сделать вид заинтересованности, потому как моя кислая мина не осталась незамеченной.

— Себилер, ты на чем-нибудь играешь? — Поинтересовалась девушка, сидящая ко мне ближе всех. Курносая, с глубоко посаженными глазами. Черты её лица нельзя было назвать правильными, но в совокупности они производили приятное впечатление.

Я безразлично пожала плечами, надеясь, что от меня отстанут. Черт! Какое же имя непривычное, только на одно откликаться начала, как уже другое дали...

— Научить?

Ещё несколько девушек поддержали благодетельницу нестройным хором голосов, и передав той нечто похожее на лютню, приготовились слушать урок. Вот же влипла.

Саз, как выяснилось в ходе болтовни, имел грушевидный корпус, короткий гриф и всего четыре струны. Наложница, сделав несколько легких переборов, наиграла довольно примитивную мелодию, после чего со смешинками в голосе предложила попробовать. Остальные, включая принцессу, смотрели на меня со здоровым скептицизмом. Сносно играть я умела только на гитаре, но отказаться от незнакомого инструмента не позволило задетое самолюбие. Ну знаете ли, не зря меня в музыкалку водили. То, что я её бросила — другая история...

Прикусив губу, я тронула струны, проверяя звучание нот, несколько раз тяжело вздохнула, а когда наложницам надоели мои мучения, повторила мелодию с изрядной долей злорадства.

Облизнувшись, я отклонилась от чужого мотива, позволив себе немного поимпровизировать, и сама не заметила, как зажигательная мелодия, выбранная новой знакомой, сменилась размеренным течением “Баллады о белых крыльях”, которую я выучила пару лет назад.

Иранис плавно встала со своего места и начала танцевать, перетягивая на себя часть внимания. Девушка не спешила, её движения — мягкие и тягучие, околдовывали своей манящей грацией. Но я уделяла больше внимания игре. Вспоминая старый навык, сосредоточилась и невольно увлеклась процессом. Звучание струн успокаивало, погружая в пучину недалекого прошлого. Захотелось спеть, но это противоречило моей политике: “Меньше говори, больше слушай”, да и голос для подобной песни был слишком грубым, хотя Димка уверенно утверждал, что это не так.

Все-таки, на гитаре меня не в музыкалке научили играть.

Оборвав мелодию на середине, я на прощание погладила струны, будто извиняясь перед инструментом за дурное обращение, и отложила его в сторону. Пошалила и довольно с меня.

На лицах наложниц мелькнуло удивление, они явно не ожидали услышать что-то кроме бессмысленного брнчания, и мне было приятно их разочаровать.

— А говорила, что не умеешь, — обиженно заявила моя “преподавательница”.

Склонила голову, изображая смущение. Да я вообще ничего не говорила, не мои проблемы, если они жесты неправильно растолковали.

— Ты немая? — подозрительно спросила девушка. В голосе наложницы проскользнуло смущение, но любопытство заглушило тактичность, — и почему ты не снимаешь платок?

— Не немая она, — вдруг рыкнула Иранис, — путь как хочет, так и сидит. Что ж ты в каждую щель нос свой длиннющий суешь?! Смотри, Эсфиль, лишишься его, будешь страшная, из гарема выкинут!

— А что такого я сказала?! — Вскинулась девушка, — Сама лучше не влезай, если у неё язык на месте, то пусть за себя и отвечает!

— Помнишь, что с Циан случилось? Помнишь? Вот и умолкни!

— Помню я все. Это ты запомнила, что Циан всегда слабоумной была! Эта нормальная, посмотри на неё, вешаться не будет. А то, что ты всем тут рот затыкаешь, никому на пользу не пойдет, Иранис.

Мне на миг показалось, что они сейчас кинутся друг на друга, выпустят острые когачьи когти и сцепятся на полу. Я уже представила как полетят во все стороны клочки роскошных одежд под аккомпанемент из визгов и треска рвущейся ткани, но девушки сдержались, предпочтя физическому насилию тихую битву разгневанных взглядов.

Может присутствие принцессы на них так повлияло? О да, несомненно. Эллиаль скривилась, показывая, что ситуация ей не нравится, и Иранис уселась обратно, притворившись, что ничего не произошло. Они делают на неё ставки — дошло до меня. Нашли влиятельную особу, под крылом которой можно будет спрятаться.

Впрочем, это не так важно. Интересно другое — что не так со мной?! Что значит: “Вешаться не будет”? Я постеснялась спрашивать напрямую, хотя догадки по этому поводу уже имелись. Благо, на выручку пришла принцесса.

— О чем вы говорите?

— Ничего интересного, давняя история, Ваше высочество, — пискнул кто-то из девушек.

— Глупость, Ваше высочество!

Брови Эллиаль сошлись на переносице.

— Я хочу знать, что здесь происходит... Даже глупости.

— Мужчины, — уклончиво ответила Эсфиль, — могут брать, что пожелают. Циан была красивой, но глупой как дитя, не понимала какую честь ей оказали, когда заметили. Говорят, что она всегда с головой не дружила. Девушки сюда разными путями попадают, Ваше высочество, кого-то продают, кого-то дарят, а кого-то господа сами выбирают. Вот и её... выбрали. Привели ночью, а она дурёха — заплаканная вся, бубнила несурезицу, тряслась. Ей даже покои отдельные выделили, а она...

Наложница презрительно поджала губы, а у меня комок к горлу подкатил. Эллиаль вздрогнула, повела точеными плечами.

— И ты считаешь её дурой, Эсфиль? — Прошипела принцесса.

Девушка смутилась, не зная, что ответить. Я же спрятала лицо в ладонях, стараясь не сболтнуть лишнего, потому что ругательства уже кололи язык, настойчиво просясь наружу. Рахиль! Я все выскажу Рахиль, которая с легкой руки выдала меня за жертву насилия, рассудив, что пусть лучше меня пожалеют, чем сочтут серьёзной конкуренткой.

— Я считаю её слабой, Ваше высочество. — Наконец сказала наложница, — Такова доля женщины, нельзя ей противиться. Гелар справилась, хотя все знают, что с ней произошло.

Она ошибается. Гелар не справилась, она готова была заживо себя похоронить ради призрачного шанса вернуть все на свои места. А я ненавидела её за это.

“Совесть не мучает, Сашка?”

— Пожалуй, мне пора спать, благодарю за вечер, Ваше высочество, — прошептала я, поднимаясь, — Иранис, отведите меня к Рахиль-эде, пожалуйста.

— Нет, — вдруг заявила принцесса, — останься. Пусть они уйдут.

Эллиаль волком посмотрела на Эсфиль и ещё нескольких девушек, которые согласно кивали, когда наложница говорила. Лица тех искривило непонимание, но все как по команде поднялись, подчиняясь желанию принцессы. Черт, она действительно не осознает, что своим “фи” настроила их не только против меня, но и против себя тоже?! Вот кто здесь глупая курица! Я ведь исчезну отсюда, как только солнышко встанет, а ей ещё жить среди них.

— Вам не стоило делать этого ради меня, Ваше высочество...

— Общаться с ними мне не стоило, — шутливо возразила принцесса, но затем мгновенно перешла на серьёзный тон, — так это правда? Тебя взяли силой?

Проклятье, что же я могу ей на это сказать?! Мыслительный процесс заработал в ускоренном режиме, рассчитывая, как же в такой ситуации могла бы ответить зашуганная до полусмерти девочка. Если изначально придерживалась образа наивной скромницы, надо соответствовать ему, пока от меня не отвяжутся. Потупила глаза.

— Я не сопротивлялась, Ваше высочество.

Иранис понимающе вздохнула.

Меня сейчас стошнит. От всей этой ситуации мерзкой, от собственного вранья, от сочувствия...

— Кто? — С затаенной злобой поинтересовалась принцесса.

— Не важно.

В горле запершило.

— Говори, не бойся, я помогу тебе.

Заламывая руки, я бахнулась перед принцессой на колени, лбом уткнувшись в мягкий ворс ковра и заголосила, пытаюсь выдавить из себя слезы.

— Помилуйте, Ваше высочество, вы ничего не сможете сделать! Мой жених, он... служит во дворце, и, если узнает имя, решит отомстить. Его убьют! А я... Я не вынесу этого! Пусть лучше думает, что я сама согласилась, Ваше высочество! А этот человек, он больше не придет! Я ему не понравилась, я сделала все, чтобы ему не понравиться!

Заикания получились почти натуральными, наверное, из-за того, что история была придумана на ходу. Придумана, надо сказать, плохо, но я надеялась, что у принцессы хватит ума не вытягивать информацию у человека, который в отчаянии рыдает у её ног. Выбор был не велик, но ткнуть пальцем в одного из принцев, свалив на него вину, я не могла. Как бы ни заманчива была перспектива очернить наследника, все-таки на этот раз он был не при чем.

— Поднимись, — принцесса опешила.

Я не послушалась, старательно растирая кулаками лицо и всхлипывая. Тушь попала в глаза, они заслезились, создавая нужный эффект. Эллиаль в растерянности попыталась меня поднять, но я шарахнулась от неё как от прокаженной.

— Не могу сказать, не могу...

— Хорошо, только не плачь пожалуйста! — Взмолилась принцесса.

О нет, высочество, легко сказать — трудно сделать, наслаждайся теперь моей истерикой. Назвался груздем, как говорится, полезай в кузов. Сколько же в Эллиаль было самонадеянности!

Шумно выдохнув, принцесса что-то пробормотала, а потом сделала нечто невероятное. В комнате пошел снег... Настоящий. Крупными белыми хлопьями он сыпал прямо с потолка, и не долетая до пола, таял, усеивая пространство вокруг мелкими прозрачными каплями.

Служанки принцессы, безмолвно наблюдавшие за происходящим, поражено ахнули, а я забыла, о чем думала. Волшебство... Иранис даже взвизгнула от восхищения, спросив, что за чудо такое, а принцесса ответила, что это снег, он лежит на вершинах гор, пересекающих остров Ин, и чтобы получить его, ей пришлось иссушить всю воду из ваз с цветами. Она рассказывала об этом и улыбалась, отыскав поразительно быстрый способ меня успокоить.

Мне же стало стыдно. Эллиаль была избалованной стервой, но абсолютно бесхитростной и совершенно не эгоистичной. Не знаю, как подобное может сочетаться.

— Ты ведь ни разу такого не видела? — Спросила она.

Принцесса опустила на колени. Близко. Я перестала дышать, опасаясь, что она обнаружит в моем лице знакомые очертания, но Эллиаль не замечала, разглядывая пол. В её волосах сверкали искры тающих снежинок, ткань бирюзового платья уже успела впитать в себя всю влагу, а по шее стекала капля воды. Она хотела сказать что-то ещё.

— Это...

— Ваше высочество, что вы здесь устроили?! Немедленно высушите все. Себилер, твоя комната готова.

Я неуклюже подскочила, услышав позади себя голос Рахиль. Наконец-то! Снег прекратился, принцесса не стала продолжать речь, хотя волнение все ещё проступало в каждом её жесте. Эллиаль искренне желала помочь, а я пудрила ей мозги, разыгрывала дешёвую драму, зная, что завтра меня здесь уже не будет.

— Поднимайся, — несколько фигур заслонили дверной проем. Свет от факелов бил в глаза, не позволяя сразу разглядеть посетителей, но по голосу он узнал работорговца. — Его высочество хочет видеть тебя, ты обзавелся хозяином, поздравляю.

Джинн вздохнул, поднялся со своего лежачка, с наслаждением отметив, что охранники Гафура дернулись в стороны, не спеша выводить его силой. Это льстило... Они были вооружены, но все равно боялись его, зная — им раны придется зализывать дольше.

Бесшумно шагнув к выходу, он подался вперед, сделав резкий выпад в сторону самого молодого из своих конвоиров. Парень, чуть старше двадцати, вздрогнул, сжав пальцы на рукояти изогнутого клинка, но в ход оружие не пустил.

— Не трясись так, я сам пойду... — Прошептал Джинн, заглядывая в перепуганные глаза охранника.

Гафур сплюнул на пол, что было не свойственно его сдержанной натуре.

— Сотворишь что-то такое при Его высочестве, и тебе...

Мужчина выругался, так и не придумав чем бы ему пригрозить. Джинн даже бровь вопросительно выгнул, состроив заинтересованное выражение лица, всем своим видом спрашивая: “Есть ещё вещи, которые со мной не делали?”

Впрочем, глупить он не собирался. Ему хотелось посмотреть на хозяина вблизи, ведь он сам добивался его внимания.

— Оденься, — не став развивать мысль, Гафур бросил парню чистые шаровары и рубашку.

Джинн распустил повязки своих старых штанов, без стеснения переступая через упавшую на пол ткань. Склонил голову, рассматривая скривившиеся лица мужчин.

— Я могу обойтись и без одежды. Так будет удобнее оценивать товар.

Работорговец лишь процедил сквозь зубы что-то нечленораздельное, и Джинн решил больше не шутить. Он на самом деле мог обойтись без одежды, и сделал бы это ради того, чтобы подразнить их, но не сейчас. Сегодня он будет паинькой.

В последнее время он жил без сокамерников, но как только вышел из своей каморки в окружении охраны, вслед ему посыпались взволнованные шепотки. Некоторые рабы, не как он, не буйные, содержались в общих камерах, огороженных лишь железной решеткой, и когда Джинн шел мимо них, мог поклясться, что слышал ропот: “Лишь бы не возвращался”

Джинн усмехнулся. Он и сам не хотел сюда возвращаться, а вернее... Ему было уже все равно. Все равно где жить, в чем ходить, что есть. Мелкие желания, такие как: сменить холодную камеру на комнату с удобной постелью, а жидкую однообразную похлебку на нормальную еду, исчезли. Осталось лишь одно, самое заветное, самое неосуществимое: вернуть себе Сашку. Он хотел коснуться её, провести ладонью по непослушным волосам, увидеть её улыбку, понять, что она жива.

Охрана отвела его на второй этаж, в кабинет Гафура. Тот, кого нарекли его хозяином, стоял у окна, спиной к двери, заложив за спину холеные руки, и всматривался в черноту ночи. Джинн гадал, каков он будет — этот его новый хозяин, но в итоге решил, что на это ему тоже плевать. Главное, что принц.

— Оставьте нас, — приказал Лис.

Работорговец замешкался.

— Не лучше ли нанести клеймо для начала, Ваше высочество?

Джинн сжал зубы. Неужели он выглядел настолько безумным, что они сочли его способным навредить принцу? Последний повернулся, устав следить за отражением на глянцевої поверхности стекла, прикусил край нижней губы, и спросил озадаченно, в чем-то даже игриво:

— Ты желаешь сделать мне больно?

— Пока нет, но лучше принять совет, — Джинн безразлично пожал плечами, выставив многозначительный акцент на первом слове, но завуалированная угроза не подействовала.

Напротив, принц улыбнулся, фыркнул, и его плечи затряслись в беззвучном приступе сдерживаемого смеха.

— Уйдите, он не надежен. Знает, что если не я, появится другой, только уже не такой добренький. Сбежать отсюда не получится при всех его феноменальных талантах, а от клейма он не избавится, даже если срежет его вместе с мясом.

Как же верно подмечено. Джинн интересовался данным вопросом, раздумывая, вырастет ли на месте рабской татуировки чистая кожа, если он решит избавиться от неё таким способом, но быстро понял, что нет. Работоторговцы не использовали красители, они проводили кровавые ритуалы, и “подчинение”, которым сковывали рабов — одна из их разновидностей. Поэтому в империи не устраивали бунты; невозможно ослушаться хозяина, если он отдал тебе прямой приказ, или попытаться убить его, не расплатившись за глупость собственным здоровьем или жизнью. Скорее всего, даже если Джинн срежет эту уродливую печать, которой его собирались наградить, она проступит на его теле вновь.

Гафур махнул рукой, приказывая охранникам убраться. Сам он несколько задержался, неуверенно поглядывая на наследника, но в итоге тоже вышел за дверь. Джинн хрустнул костяшками пальцев, разминая ладони. Самоуверенность принца ему не нравилась, но в то же время он уважал высочество за эту бездумную смелость. Захотелось напугать его, смыв с ухоженного лица довольную улыбку.

— Зря вы надеетесь на мое благоразумие, Ваше высочество, — протянул Джинн, — с чего вы взяли, что другие покупатели будут хуже? Я их ещё не видел, и мог бы прикончить вас просто так, потому что вы мне не понравились...

— Но я же понравился, — хитро резюмировал принц, ничуть не испугавшись, — к тому же, я готов бороться за свою жизнь.

В его голосе звучала насмешка. Джинн пождал губы, не став отвечать, что хозяин по определению не может нравиться.

— Мне говорили, что вы не владеете даром, к тому же пришли безоружным. У меня неплохие шансы, Ваше высочество.

— Говорили? Это значит, что ты интересовался. Будь уверен, я тоже, и даже оценил твою работу на публику, когда появлялся на арене. О нет, ты не будешь меня убивать...

Джинн сдержал недовольство, рвущееся наружу. Он хотел показаться бесстрастным при встрече, но принц не был дураком, заметив его заинтересованность.

— Что вы хотите от меня?

Его высочество подошел к письменному столу, и развалился по хозяйски в кресле, забарабанив подушечками пальцев по отполированной поверхности подлокотника.

— Любишь сразу переходить к делу? Хочу, чтобы ты был многофункциональным. Во дворце беспокойно, я опасаюсь за свою жизнь, и мне нужен телохранитель. У меня есть одно невинное хобби, и мне нужен помощник... Вернее даже подопытный.

Принц говорил так непринуждённо, будто проводил собеседование на работе. Джинна это привело в ярость.

— Так поставьте на мне клеймо, и я сделаю все, что вы скажете. Зачем все эти беседы, пропади вы пропадом!? — Он оперся ладонями на столешницу, ненароком смахнув чернильницу. Та покатила по полу, оставляя кривое пятно.

— О, это будет неплодотворно! К тому же, ты сам не хочешь мне кое-что рассказать?

Джинн замешкался, не зная к чему он клонит.

— Нет.

— Давай напомним. Например, ты можешь поведать, что уже бывал во дворце и кого-то настойчиво там искал, а теперь даже не сопротивляешься, мечтая туда вернуться.

Лис растянул губы в тонкой усмешке, совершенно не ожидая, что раб в мгновения ока окажется рядом, ухватив его за ворот рубашки. Ножки кресла протяжно скрипнули, оно с грохотом упало, а принца дернули вверх и впечатали в стену. Затылком он ударился о книжный шкаф, стоявший за его спиной, в глазах на секунду потемнело.

— Что ты знаешь?

Джинн растерял напускную собранность, сжимая горло нахала.

— Вот об этом я и говорил. Даже клеймо не помещает на кого-нибудь кинуться, если он покажется тебе знакомым. Я знаю откуда ты, что тебя поймали и выкинули за ненужностью, и теперь ты хочешь отомстить. Я нашел тебя, чтобы сказать, что наши цели совпадают. А теперь отпусти, иначе не выберешься.

Джинн медленно разжал пальцы, слова принца доходили до него с трудом.

— Почему я должен верить вам?

— Снова формальности? — Лис прокашлялся, поправляя одежду, — Сначала угрожаешь человеку, а потом вспоминаешь о его высоком положении?

Он бросил на дверь короткий взгляд. Не ворвется ли охрана, услышав шум в кабинете? Нет. Звукоизоляция в комнате была хорошая, поэтому Лис и выбрав это место для разговоров. Принц предпочел рискнуть и уже нарвался на неприятность, хотя Джинн вряд ли подозревал, что его собеседник не столь беззащитен, каким кажется на первый взгляд. Он перестраховался, взяв с собой несколько забавных побрякушек. Карающий такие любил. Один укол отравленной иглы, и вот ты уже недееспособен на ближайшие сутки. Такие подходили для успокоения бешеных животных и людей, подобравшихся слишком близко. Принц прибегал к ним, когда работал с кошками, а Карающий... с пленниками, наверное. Жаль, что с членами императорской семьи такие игрушки не работали. Каждому из них с детства прививали иммунитет к различным ядам, а в Дисмале, кажется, было столько собственного, что он нейтрализовал другие.

— Отвечай, — Джинн выругался сквозь зубы, решив окончательно перейти на “ты”, — как узнал обо мне?

— Птичка напела. Какой смысл мне врать? Был бы я замешан в твоей продаже, не искал бы тебя и не стал выкупать. Мне нужен твой дар, во дворце его так безрассудно упустили. Как тебе известно, друг мой, я родился без магии и хочу это исправить.

— При чем тут я?

— Меня занимает возможность отнять чьи-то способности и передать другому. Не кривись так, молчи. Одаренных мало, и те осужденные, которых мне удалось достать, были настолько слабы, что умирали, как только я начинал с ними работать. Но ты другое дело, твои способности к регенерации позволяют выдержать многое, и я смею надеяться, что на

этот раз эксперимент будет успешен...

— Ты хочешь препарировать меня как... какую-то лабораторную мышь? — Выплюнул Джинн.

Принц закатил глаза, обдумывая его слова.

— Не без этого. — Честно ответил он, — К тому же я решил, что насильственное вмешательство мне не подходит и хочу добиться добровольного. А у тебя есть причина, чтобы дать его мне... Ты хотел найти кого-то? Я помогу. Хотел отомстить тому, кто запрятал тебя сюда?

Лис шептал. Он обошел Джинна по кругу, как змей искуситель, медленно оплетающий жертву кольцами хвоста.

— Хотел.

— Прекрасно, я скажу имя твоего врага, и ты сможешь убить его. Только когда я разрешу. Договор?

— Я могу обойтись без посторонних услуг? — невесело спросил Джинн.

— Конечно. — Принц не стал спорить, — откажись, продолжай гнить здесь. Можешь попробовать сбежать. Предположим, у тебя даже получится и каким-то чудом ты сможешь пробраться во дворец. А дальше прости, но без моей помощи ты даже пальцем к противнику не притронешься. Ты, конечно, хорош, но он лучше, намного лучше. Я могу тебя усовершенствовать... Я дам тебе силу и в ответ прошу лишь самую малость — поделиться ей.

— Что, если он узнает меня первым?

— Я постараюсь уладить эту проблему, но в ответ ты должен пообещать, что будешь безоговорочно подчиняться мне. Без клейма, без крайних мер, принесешь мне стандартную клятву. Исполнишь её и будешь свободен.

Джинн думал не долго.

— Идет, — он протянул принцу широкую ладонь, — я готов выслушать подробный план.

— Нашел себе новое увлечение? Как зовут?

Сообщив Карающему плохие новости, он все же не удержался от неуместных вопросов, и его любопытство можно было понять, ведь застать друга в компании девушек было практически нереально. Однако на этот раз в голосе стража прозвучало едва уловимое раздражение.

Кайрин безразлично пожал плечами, вспоминая размалеванное лицо Бес, затем поморщился и перевел тему:

— Кажется, тебя другое должно занимать. К примеру: “Как ты умудрился потерять моего ученика”?

— Ты знаешь, что в этом нет моей вины, — Огрызнулся Сид, — мальчишку надо пороть.

Легко сказать. Кайрин был уверен, что Сид и сам бы не смог. Дай в руки этому говорливому весельчаку розги и скажи: “Вот, выпори”, он бросит их на землю, признав наконец, что это не так уж и просто. Сид ворчал, читал наравоучения по воспитанию Бес, но на деле уже был к ней привязан. Осознано или нет, но он потакал её желаниям, и даже на тренировках гонял не всерьез, а вполсилы, иначе она вряд ли смогла возвращаться в свои покои не ползком.

— Естественно, — едко ответил Кайрин, — последую твоему совету, как только найду его.

— Твою самонадеянность можно пачками продавать, она нескончаемая, быстро обогатишься. Ты даже не заметил его исчезновения! Если он попадется на глаза Дисмалю...

— Вот и проследи за Дисмалем.

Фраза прозвучала излишне резко. Сид стерпел, но в его глазах блеснули опасные огоньки.

— Я помогу с поисками.

— Не стоит. Сделай, что я прошу.

Поиски были окончены даже не начавшись, но Карающий не мог этого сказать. Не потому, что не доверял Сиду, естественно, а потому что не хотел. Не хотел делиться ей настоящей? Глупости. Она даже не нравилась ему, как может нравиться женщина, а в этом платье и вовсе выглядела отвратительно. Платье хотелось снять только для того, чтобы одеть её по-прежнему! Пусть Рахиль под землю провалится с этими её преобразованиями, он не желал видеть Бес такой. Подведенные черной краской глаза выглядели просто огромными и смотрели на него так... Будто он действительно в чем-то провинился, но она — святая, великодушно его простила. При этом он сам не мог на неё злиться, смотрел в тот момент на её опущенную голову, на острые ключицы, не скрытые вырезом платья, и не мог...

Она выглядела как никогда беззащитно, и он наконец понял, что так и было в действительности. А Сид говорил: “Пороть”

— Постой... Мне кажется, или это повторяется?

— Что? — Карающий вынырнул из собственных мыслей, не понимая, когда успел забыться и пропустить от Сиды пару реплик, которые никак не прокомментировал.

— Симптомы... Рассеянность, раздражительность, отрешенность. Тебя носит из крайности в крайность.

— Ты ошибаешься, это всего лишь связь. Мальчишка вспыльчив, его характер на меня влияет.

Кайрин отмахнулся от Сиды, желая, чтобы друг поскорее от него отвязался, но тот не желал закрывать тему. Он не поверил, остановился, внимательно всматриваясь в его лицо.

— Врешь, ты злоупотребляешь своими лекарствами. Кай, наследственность настойками не лечится. Я понял тебя в прошлый раз, когда ты был ранен, но не сейчас... Пора прекратить. Ты действительно думаешь, что это незаметно? Его величество знает?

— Нет. У отца достаточно проблем без меня, и я надеюсь, что ты не добавишь ему новых, доложив о своих догадках. Он едва держится, а я способен самостоятельно разобраться со своим состоянием.

Сид раздражал. Заботой, обеспокоенным выражением лица, советами. Он сам не понимал о чем говорил, он не был на его месте.

— Ты можешь уехать на время, Кай. — Страж сложил руки на груди, предлагая самое нереальное решение проблемы из всех.

— Ты не в своем уме, не отнимай у меня время.

— Послушай, скоро Его величество женится, принцесса разделит с ним силы, это поможет ему продержаться, пока тебя не будет... Всего неделя, мир не перевернется. Но если ты продолжишь такими темпами, станешь опасен не только для себя, но и для окружающих. Да, я сам ношу с собой твои зелья, замедляющие оборот, но это на крайний случай. Ты же перешел на постоянный прием... Что ты употребляешь, кстати? Это уже не

успокоительные, верно? Белый дурман? Зрачки расширены, реакция замедлена, ты практически меня не слушаешь! Не я свихнулся...

— Охота начинается, нужно найти... Бес... Пока с ним ничего не случилось.

Карающий обошел Сиды по широкой дуге, тот зашагал следом.

— Ты уходишь от темы, значит я прав. Демоны! Этой дрянью только отбросы из бедных кварталов балуются!

— Это помогает заглушить симптомы, — ровным голосом ответил Карающий, — и я не могу надолго покинуть дворец в одиночестве.

— Какие проблемы, возьми мальчишку с собой!

— Точно! Спасибо, Сид. Не дело это — страдать в одиночестве.

Страж хотел что-то возразить, но Кайрин прервал его все с той же ядовитой иронией.

— Хватит, потом будешь читать мне нотации, а теперь оставь меня, ты мешаешь.

Неудовлетворенность, отразившаяся на лице Сиды, свидетельствовала о том, что возможность вернуться к разговору он точно не упустит. Да и фраза о том, что он мешает, парня точно обидела. Но как ему ещё объяснить то, что нужно спасти Гелар?

Голова шла кругом, перед глазами все плыло, где-то на задворках сознания маячили чужие чувства, но Карающий отогнал их подальше. С Бес было все в порядке, она успокоилась, получив от него это глупое обещание не закрываться, и теперь... скучала?

— Как скажешь, — бросил Сид, — прослежу за этим упырем.

Кайрин коротко кивнул, массируя пальцами виски.

На оглашение правил он опоздал, хотя это было не так важно, учитывая, что запоминать там было особо нечего. Что найдешь — все твое. Вернее — кого найдешь.

Куда могла отправиться Гелар? Девушкам давали фору, она должна была спрятаться, а он — найти её прежде прочих.

Пропади оно пропадом. На землю давно опустилась тьма, но только сейчас он начал чувствовать её гнетущее давление. Будто купол неба, внезапно потяжелевший, опустился ему на плечи в стремлении раздавить своим неподъемным весом. Это ощущение оказалось для Карающего новым и до безумия отвратительным. Он любил небо за его необъятный простор, за глубокую синеву и холодный свет звезд, за манящую невесомость, которую он чувствовал, когда пользовался даром.

Небо никогда его не предавало. Ни небо, ни ветер. До этого момента. Он попробовал призвать дар, но тот, как капризное дитя, поддавался с трудом, отказываясь подчиняться хозяину. Что там говорил Сид? Реакция замедлена? Безусловно. Еще и проблемы с концентрацией. Не столь серьезные, но неприятные.

Впрочем, Гелар можно найти и без дара или кровной связи, нужно было всего лишь подключить логику. Она сама хотела, чтобы он её отыскал, и наверняка выбрала место, которое было... связано с ним.

Сад. С тех пор, как Гелар переехала в гарем, прогулки по саду стали для неё недоступны, ведь он располагался по пути на тренировочную арену. Наложнице наследника можно посещать лишь внутренний дворик с фонтаном, и то, если её будут сопровождать.

Карающий вышел на улицу.

“Переехала”

Лживое слово. Он сам отдал девушку принцу, после того как тот с ней наигрался, зная, что так будет лучше для всех. Гелар не нужна была Дисмалю, он не стал бы и дальше мучить её, узнай, что она ничего не значит для Кайрина. Всего лишь любовница, всего лишь

престолоудинка. Наследник быстро остывал к своим увлечениям; он успокоился бы на том, что забрал её себе.

Что могло случиться, попытайся Карающий её спрятать? Для Дисмаля это послужило бы сигналом к действию. Он рыл бы носом песок, и не отыскав цель, перешел бы на её родственников. В конце концов у Гелар была больная мать, которую нельзя запросто отправить куда-нибудь в глушь.

Кайрин так себя оправдывал, и сейчас, и тогда, когда она умоляла спасти её. Гелар цеплялась окровавленными пальцами за его плечи и просила, шептала охрипшим от плача голосом: “Не отдавай меня ему, не отдавай”

А он ответил, с трудом выдавливая из себя слова: “Я позову лекаря, такого больше не повторится” Не повторится, потому что это был последний раз, когда он на неё смотрел. Смотрел и думал, что надо было сразу объявить Гелар своей наложницей, и тогда никто не посмел бы до неё дотронуться. Но это противоречило его принципам, его правилам, он не хотел впускать её в свою жизнь, обнадеживать, потому что она на самом деле была никем для него. Всего лишь красивой девочкой, которая ему нравилась.

Но несмотря на его вину перед ней, Гелар давала ему ещё один шанс. Она должна была ненавидеть его.

Холодный воздух остудил гудящую голову, помимо шелеста пальмовых деревьев из сада не доносилось ни звука. Дурное предчувствие не давало ему покоя, но он никак не мог понять его суть. Слишком тихо. Настолько, что он мог различить хруст мелкой гальки у себя под ногами, и этот незначительный звук громким эхом отражался у него в голове.

Возможно, Сид был прав.

Впереди мелькнул женский силуэт. Гелар стояла не двигаясь, дожидаясь его. Безрассудная, ненормальная идиотка, которую могли заметить, если бы...

Вся злость испарилась, как только она увидела его и бросилась вперед.

Карающий застыл, будто со стороны наблюдая за происходящим, будто не его Гелар обнимала, а кого-то другого. И все же он чувствовал тепло её рук, и то, как она дрожит в своем легком платье, прижимаясь к его груди.

— Ты пришел... Я знала, что ты придешь, ведь я поджидала тебя здесь, когда мы только познакомились.

Кайрин не знал, что ей ответить. Гелар говорила так, будто этот сад — нечто важное для них. Но сад оставался всего лишь садом, и если что-то значил, то лишь для неё.

— Пойдем, я верну тебя в гарем, пока нас не обнаружили.

Он мягко отстранился, и когда наконец заглянул ей в лицо, увидел на нем смесь из злобы и разочарования.

— Вернешь в гарем? — Недоуменно переспросила Гелар, будто сомневаясь в правильности услышанного.

— На одну ночь, потом отправишься куда пожелаешь. Наследнику ты больше не принадлежишь, а я не собираюсь тебя держать. Не волнуйся, я дам тебе денег, куплю дом...

— Ты хочешь откупиться от меня? — Её угольные тонкие брови сошлись на переносице, мелодичный высокий голос сел, — После всего, что со мной произошло, ты предлагаешь взять у тебя деньги и уехать? Ты понимаешь, что я не смогу найти себе мужа, родить детей? У меня теперь никогда не будет семьи... Я...

— Полагаю, что при наличии денег, муж — не проблема, но, если хочешь, я тебе и его найду.

Разговор не складывался, они и раньше практически не разговаривали, а теперь будто встретились много лет спустя. Гелар изменилась, стала смелее, от той девушки, что он знал раньше, осталась лишь внешность — копна мягких кудрей, идеальный изгиб губ, плавная линия талии. В её жестах теперь проглядывалась решительность, без которой она не посмела бы выйти за пределы гарема этой ночью. Именно решительность и позволила ей залепить Карающему звонкую пощечину.

— Думаешь, я искала встречи с тобой, чтобы выпрашивать жалкие подачки? Я рисковала, когда посылала тебе записки со слугами. Я упала перед твоим учеником на колени и упрашивала его передать тебе мои слова! Ради того, чтобы ты нашел мне мужа? — Гелар с ужасом смотрела как он неверяще прижимает руку к своей щеке, но даже не думала останавливаться, — О, Рахшар, да будь ты проклят, Кайрин! Если я тебе не нужна, то пусть забирает кто угодно. Помо...

Девушка набрала в грудь побольше воздуха, чтобы закричать, но Карающий успел вовремя, зажав ей рот ладонью. Силой он увел её с главной дороги, которая просматривалась почти со всех уголков сада, затащив в самые дебри высокого кустарника. Растение хоть и было неприхотливым к воде, но ломким, и после подобного ему наверняка понадобится усиленный уход.

Гелар дернулась и вцепилась в руку зубами.

Кайрин зашипел, впервые досадуя, что отдал Бес своё кольцо, и не озаботился тем, чтобы найти для себя второе. Оно бы пригодилось, чтобы угомонить девушку! Впрочем, он надеялся, что Гелар понимает все с первого раза, так что отнял ладонь от её лица.

— Большого я не могу предложить тебе, Гелар...

— Не надо большего. Просто позволь мне остаться рядом, пожалуйста. Если не наложницей, я рабой твоей буду, хочешь?

— Не хочу.

— Я противна тебе? Скажи, что противна.

Он помотал головой. На какой-то миг Гелар стала прежней. Её ласковые руки обвили его за шею, притягивая к себе, и Карающий невольно отвернулся, избегая смотреть девушке в глаза.

— Противна. — Резюмировала Гелар. — Принц с тех пор меня не трогал, знаешь? Никто больше не трогал.

Кайрин почувствовал как её гладкие губы прикасаются к шее, а пальцы пробираются под рубашку, рисуя узоры на оголенной коже. В голове поселился туман, и он даже не подумал над тем, чтобы вновь её оттолкнуть. Гелар была настойчивой, но вместе с этим такой податливой, такой нежной, что он не удержался, скользнув рукой по её спине, чтобы распуścić шнуровку на платье. Но сегодня девушка хотела сделать все сама, её жаркое прерывистое дыхание отбило желание сопротивляться. Не место, не время... Он что-то хотел сделать, только вспомнить бы что? Разве можно об этом думать, когда Гелар опускается на колени и её влажный язык скользит все ниже. Он запустил пальцы в волосы девушки, перебирая шелковые пряди, направляя движение...

Карающий пришел в себя внезапно, когда резкая боль прострелила бедро, будто по нему полоснули тупым ножом, а следом за этим заболели спина и локоть. Секунда понадобилась на осмысление, что больно на самом деле не ему. Больно Бес! Он оттолкнул Геллар.

Все было слишком просто! Дисмаль не согласился бы отдать девушку, не найдя в этом своей выгоды. Принц решил его отвлечь.

— Быстро поднимайся, — зарычал Кайрин, поправляя одежду.
Кажется, на Рахиль нельзя было полагаться.

В зеркале отражалось нечто... Нечто похожее на трансвестита-проститутку из Таиланда. На матовом от пудры лице Рахиль нарисовала что-то новое, подчеркнув при этом все мои недостатки. Острые скулы стали шире, по кошачьи подведенные глаза выглядели хищно, а осыпавшаяся тушь эффектно создавала под ними черные синяки. Красная помада дополняла образ падшей женщины, с которым не вязались разве что мальчишеская худоба и нескладное телосложение.

Думаю, до того, как я упала принцессе в ноженьки и “поплакала”, моё лицо выглядело лучше, но не на много.

Эллиаль была так тронута, что решила подарить мне саз перед тем, как я с ней распрощалась. “Мне понравилась твоя игра, повторишь как-нибудь?” — спросила она. Пожалела.

— Зачем вы это устроили? — Поинтересовалась я у Рахиль, как только мы остались наедине.

— Я ничего не устраивала, просто не стала разрушать их догадки. Разве тебе было не интересно послушать сплетни? И мне показалось, что посмотреть на Эллиаль в неформальной обстановке тебе не повредит.

— Интересно, просто не хотелось становиться их объектом. — Я пожала плечами, — А общаться с принцессой было рискованно.

— Но Себилер ведь на самом деле не существует, — с иронией отозвалась Рахиль, — значит и сплетничали, по сути, не о тебе. С Её высочеством же вы виделись до этого целых пять минут, и сказали друг другу целых несколько фраз. Я не думала, что этим вечером она уделит “новенькой” много внимания, но вы вопреки моим ожиданиям разговорились. Как впечатления?

— Как прежде. Избалованная, наивная и дурная...

— Даже такая может иметь немалое влияние на мужчин. — Рахиль заложила руки за спину, словно раздумывая над сказанным, но развивать тему не стала, — Отдыхай, звездной ночи тебе.

— Подождите. Принесете мне вашу косметику? — напоследок спросила я, — Не собираюсь так спать, завтра сама попробую воспроизвести этот шедевр визажиста.

Рахиль по-доброму рассмеялась, хотя вряд ли знала значение последнего слова и, выполнив мою просьбу, ушла.

Покои наложницы нельзя было назвать удобными, но многим здесь и таких не полагалось. На маленьком прикроватном столике для меня оставили кувшин с водой и чашу для умывания, не озаботившись при этом выделить мыло. Хорошо хоть полотенцем не обделили; когда мне наконец удалось привести лицо в прежнее состояние, его можно было спокойно выкинуть, ибо я сомневалась, что белоснежная ткань отстирается. Кайрин наверняка понятия не имел с чем ему пришлось бы столкнуться, когда говорил, что самолично меня отмоет. Ха! Такое унижение я бы точно не пережила.

Хотя, может у него появится второй шанс, потому что покидать гарем я планировала в прежнем образе.

Повздыхав по поводу отсутствия своей ванной комнаты, я выбрала из вазы с фруктами несколько виноградин и закинула их в рот. Есть хотелось невероятно, но беспокоить Рахиль

ещё и просьбами предоставить мне ужин я постеснялась. Пришлось переодеться в халат, аккуратно лежавший на заправленной кровати и ложиться спать голодной. Настроение оставалось подавленным, я устала настолько, что, накрывшись одеялом с головой, практически мгновенно потеряла связь с реальностью.

Надо сказать, не на долго!

Все началось с того, что мне сделалось душно и беспокойно. В полубессознательном состоянии я скинула с себя одеяло, но это не помогло. Мысли лениво перекатывались в голове, не желая складываться во что-то связное, перед глазами мелькали абстрактные обрывки неясных образов, которые появляются, когда проваливаешься в сон на пять минут, но тебя будит незначительный звук, резко вспыхнувший свет или легкое прикосновение... Да. Я распахнула глаза от того, что почувствовала прикосновение. Нежное, прерывистое, будто кто-то провел подушечками пальцев по животу, вызывая в теле приятную дрожь.

Я растерянно уставилась в темный потолок, размышляя над тем, могло ли мне это почудиться, и судорожно вздохнула, когда касание повторилось. Касание, которого не было! И все же, оно меня возбуждало...

Твою мать!

Скатившись с кровати, я подлетела к окну, настезь распахнув скрипящие ставни. Прохладный ветер ворвался в комнату, потревожил полупрозрачные занавески, но так и не смог остудить пылающую кожу. Надо успокоиться, надо успокоиться! Мне нужен ледяной душ, срочно! Душа не было, так что я перегнулась через подоконник, высунув голову на чистый воздух.

Не помогло. Мне стало плохо. Вернее, хорошо! Так хорошо, что даже плохо...

Сердцебиение участилось. Колени подгибались от упоительного чувства истомы, и я едва сдерживалась, чтобы не застонать.

Кайрин — проклятый ублюдок! Вот где кроется корень зла. Решил развлечься, устроив мне прямую трансляцию с места событий? Не то я имела в виду, когда просила не закрываться! Для подобного случая можно было сделать исключение!

Как это выключается, черт побери?! Идея того, что можно расслабиться и получать удовольствие меня не вдохновляла. Становиться хоть и косвенным, но участником страстного секса, который происходил где-то там у него с какой-нибудь бабой — вот ни разу не предел мечтаний. Однако как отстраниться от происходящего я не знала.

Это не мелочные переживания, которые можно задвинуть на второй план и благополучно забыть о них. Меня к такому не готовили! Я плохо переносила его боль, что уж говорить о возбуждении. А он... Он издевался просто.

Стоп! Идея. К моим протестам он сейчас вряд ли прислушается, а если и сделает это, то точно не воспримет всерьез, но вот боль... Нужно себя покалечить.

Я заметалась по комнате. Нож! На столе лежал нож для фруктов!

Резать себя было жалко, естественно, но достоинство, над которым Кайрин вздумал надругаться, мне дороже.

Задыхаясь, как после участия в олимпийском марафоне, я трясущимися руками взяла столовый прибор. Чистый... Бледный свет луны играл на отполированном лезвии. Руку? Во-первых: слишком заметно. Во-вторых: ещё подумает, что случайно поранилась, а мне хотелось его проучить.

Я развязала пояс халата, выбирая место побезопаснее. Внешняя сторона бедра подойдет! Зажмурившись, с силой чиркнула лезвием по ноге.

— Черт! Черт, черт!

Бросив нож обратно на стол, я попятилась и оступилась, нечаянно зацепившись ступней за край ковра. Позади стояла кровать, но закон подлости не позволил мне приземлиться на мягкое! Это было бы слишком просто. Падая, я умудрилась проехать спиной по её деревянному бортику и задеть локтем стол. Того, кто продумывал планировку в гареме нужно было уволить, он ничего не смыслил в своей работе.

В довершение к случившемуся, кувшин, который я оставила на краю столешницы, не выдержал мини-землетрясения и из солидарности решил упасть следом за мной, а точнее — на меня. Как хорошо, что воды в нем уже практически не осталось — единственный случай везения за весь день.

— Нет! — Взвизгнула я, чудом поймав керамическую утварь в десяти сантиметрах от пола.

Замерев в обнимку со спасенным кувшином, я наконец осознала, что меня отпустило. Спасибо, Господи, я уверовала в тебя! Подействовало!

План, конечно, сработал, но его последствия никто не отменял. Бедро ныло, кровь, сочащаяся из пореза, пропитала халат и грозилась испачкать ковер.

— Скотина, — помянув Карающего добрым словом, я в скрюченном состоянии заковыляла к одинокому креслу, на которое бросила платье.

Там же остались и маскировочные бинты, которые в отличие от прочей одежды я прихватила с собой. Обнаружив их под подаренным сазом, принялась за оказание себе первой помощи. Порез оказался неглубоким, хоть и болезненным, так что можно обойтись и без швов. В противном случае моя шалость обернулась бы серьёзной проблемой.

Справляться с раной приходилось в полумраке. Лампу я уже погасила, а аналог огнива, которым здесь пользовались, искать было некогда.

За что? За что мне такое наказание? Ещё ни одного дня без приключений не прошло, а если и было такое, то исключительно, когда я в отключке лежала.

Может я перегнула палку? Он же мужчина, черт побери, имеет право ходить по бабам, и я ему не жена, чтобы запрещать... Нет! Хватит об этом думать. В этот раз Кайрин облажался, не я! Он умел закрывать от меня доступ к своим чувствам, а сейчас просто не посчитал нужным сделать это. Придумал наказание за вторжение в личное пространство? За то, что ходила за ним хвостом и что-то требовала? У него получился прекрасный урок. Без нравоучений и криков он дал знать, что я сую нос не в свое дело.

Вероятно, в данный момент он понял, что с меня достаточно и теперь продолжил... спасти какую-нибудь Гелар. Ведь именно этим он и собирался заняться! Кто знает, что сейчас происходит за стенами гарема? Не зря же они симпатичных девушек для участия в игре отбирали!

Я уткнулась лицом в ладони. “Лезть в его чувства после этого? Да ни за что!” — подумала и полезла. Чего ради? Чтобы добить себя, наверное, получить в очередной раз по голове и понять, что не нужна ему. Чтобы унять гложащую сердце ревность...

“Ты мазохистка, Саш. Трусливая мазохистка”

Но вопреки ожиданиям я ощутила исходящее от него волнение... И страх? Он переживал за меня.

Не решил же он... О нет! Нет, нет, нет! Он же сейчас заявится. О таком развитии событий я как-то не подумала. Плохо, очень-очень плохо!

Предпринимать что-то было уже поздно. Внизу послышался шум, и учитывая, что

девушек давно разогнали по кроватям, о причине переполоха не сложно было догадаться. Кайрин пришел, чтобы открутить мне голову! А я сидела в кресле, с перемотанной ногой, в трусах и окровавленном халате... Да, отличный вид, шикарный просто.

“Надо надеть платье” — мелькнула в голове паническая мысль, но я быстро поняла, что на переодевание у меня не осталось времени.

Сдернув с кровати простыню, я накинула её на плечи как раз в тот момент, когда ручка двери резко дернулась вниз. Слава богу, что комнаты здесь закрывались изнутри, но на долго это помешать ему не могло.

— Открывай... — В тихом голосе Кайрина послышались зловещи нотки, — я уже понял, что ты жива и тебя даже не похищали, так что открывай...

Я прикусила губу, с опаской подойдя к двери. Сделала несколько глотков воздуха для храбрости, продумывая линию поведения и пискляво ответила:

— Поздняя ночь, господин, я не одета как подобает, и не смогу усладить ваш взор. К тому же у меня болит голова, да и вообще я устала так, будто только что с кем-то потра... — что я несу? — Очень устала в общем. Оставьте меня, пожалуйста.

— А что я там не видел? — Задал риторический вопрос Карающий, напомнив мне тот случай с разоблачением. Действительно. Уел.

— В прошлый раз я лишилась сознания, господин, поэтому не смущалась...

В воздухе повисла неловкая пауза.

— Или открываешь дверь, или я сам это сделаю. Тогда здесь соберется целая толпа. Решай.

Я щелкнула замком, поспешно отступив назад. Дверь распахнулась, впусив в комнату тонкий луч света, а затем меня вновь закрыли. Ключ, оставшийся в скважине, словно издал предсмертный хрип, сделав два решительных оборота, и мне показалось что в замкнутом пространстве вдруг перестало хватать кислорода.

Впервые видела Кайрина таким растрепанным. Пепельные волосы, свободно спадавшие на плечи, находились в живописном беспорядке; я успела разглядеть что воротник темной рубашки лежит криво, а верхняя накидка застегнута не на ту пуговицу.

— Ты что-то хотел обсудить? — Спросила дрожащим голосом.

Он долго молчал, изучающе меня рассматривая.

— Что с тобой случилось, если ты решила, что можешь дергать меня по пустякам? Нашла новый способ манипуляции?

Он был каким-то странным. Непривычно взвинченным, злым. От его присутствия становилось физически холодно.

— Прости? Я случайно упала, не думала, что ты обратишь внимание...

Неправильный ответ. Он сорвался с места, в два шага преодолев расстояние от двери до меня. Я подумать ничего не успела, как была оттеснена к окну. Тело оцепенело от страха, когда Карающий подхватил меня за талию, силой усадив на подоконник. Шутки кончились. Он точно был не в себе.

Его ярость никогда не брала верх над спокойствием, но не в этот раз.

— Даже не думай воспользоваться кольцом, Бес, на меня не подействует, — ехидно известил он, одной рукой перехватив моё правое запястье, а второй пробравшись под халат. Прохладные пальцы прошлись от колена к раненному бедру, — упала, говоришь? На меч? Что-то не вижу здесь меча.

— Пусти меня, — голос безэмоциональный, глухой.

Карающий выслушал и сделал наоборот. Придвинулся ближе, прижал к себе, вклиниваясь между ног. Я сглотнула, хотелось кричать, но голос пропал. Он был страшным, по-настоящему страшным и сильным. Здесь бы никто не обратил внимания на мои крики.

— Сначала ответь на вопрос: “Зачем ты себя порезала?”

— Хотела, чтобы ты держал свою личную жизнь при себе. Спи с кем угодно, Кайрин, меня в это только не вмешивай, ладно?

Его глаза светились неестественным фосфорическим серебром, я не могла понять, что с ним, но боялась до дрожи. Не провоцировать его, не провоцировать — это главное. Но мой страх просачивался наружу, и он чувствовал его лучше, чем кто-либо на земле. Я попала в ловушку, мне казалось, что он не вполне понимает, что я говорю.

Но он понял, и на его лице в этот момент отразилось смутное недоумение.

— Не подумал об этом... — растерянно протянул он.

Я почему-то поверила, хотя это было сложно... За гранью реальности! Потому что он думал наперед. Обо всем. Он специализировался на составлении планов, черт побери! И все же я все ещё боялась двигаться, когда он снял меня с подоконника.

Простыня слетела с плеч и выскользнула наружу. Кайрин взглядом проследил за траекторией падения, никак на это не отреагировав. Да что с ним?! Вел себя так, будто капитально надрался, но алкоголем от него не пахло, я бы почувствовала.

— Тебе холодно, — резюмировал он, закрывая окно, — и страшно.

Поразительная наблюдательность... Естественно мне страшно, потому что ты пугаешь меня! Этого я говорить не стала, решив, что нравоучения или претензии сейчас точно будут лишними. Проклятьё, как себя вести?!

Поежилась, все ещё прижимаясь спиной к подоконнику. Кайрин находился близко, слишком близко, он уже убрал от меня руки, но теперь, кажется, не знал куда их деть. Может попросить его уйти, пока повторный приступ бешенства не произошел? Я шагнула в бок, планируя обойти его и прокрасться к двери. Что будет, если я открою её и скажу: “Проследуйте на выход, пожалуйста”? Послушает или успеет перехватить раньше, сочтя за попытку дезертирства?

Карающий проследил за мной немигающим взглядом, не предпринимая попыток остановить. Уже хорошо.

— Хочешь я тебе сыграю? Мне подарили инструмент, думаю его нужно оставить, но мне нравится играть, я умею немного... На заказ, конечно, исполнить ничего не смогу, но прислушаюсь к твоим пожеланиям в выборе мелодии.

Боже, кто бы настучал мне по голове за эту идею?! Потому что я поняла, что не могу его выставить, да и не хочу, по правде говоря. Не в таком состоянии. Усевшись обратно в кресло, я взяла в руки саз, и задумчиво взъерошила волосы.

— Я не бью ни женщин, ни детей, а ты как два в одном, Бес, — вдруг сказал Кайрин.

Я прикрыла глаза, чувствуя, что он успокоился.

— Так играть или нет? Если ты никуда больше не собираешься, то правая половина кровати в твоём распоряжении, только не занимай много места, я тоже хочу выспаться.

Сглотнула, раздумывая, что предлагаю и кому. Надеюсь, он не воспримет это как: “Вот постель, я тоже собираюсь туда прилечь, можешь распускать руки и не только, ведь именно этим ты и занимался пару минут назад, я не против”

Он же не тупой...

— Играй.

Лучше бы сказал, что не собирается слушать мои брэнчания и ушел в закат красноречиво хлопнув дверью. Некуда ему податься что ли? Готова поспорить, что есть куда, просто у меня смелости не хватило заявить об этом прямо, перечеркнув дружеские отношения, которые между нами установились.

Я не смотрела на него, но слышала тихий шорох одежды и то, как прогибается под чужим весом кровать. Ладони вспотели, я вцепилась пальцами в отполированный гриф, не зная, что исполнить. Мысли были заняты немного другим, к примеру: “Он же там не до конца разделся?!”

Надо отвлечься. Я долго подбирала мелодию, едва перебирая струны и смогла расслабиться, наверное, лишь спустя пол часа. Кайрин ничего больше не говорил, и я решила, что он уснул. На ум пришло стихотворение Цветаевой, композиция к нему вспомнилась сама собой, и я не удержалась от тихого мурлыканья, ибо пением это сложно было назвать:

“Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою — как никто другой.
Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.
Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.
Но пока тебе не скрещу на груди персты —
О проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир...”

Глаза начали слипаться. Я отложила саз в сторону, мучительно переживаю дилемму: “Остаться ли ночевать в кресле, скрючившись в три погибели, или таки присоединиться к Карающему?”

Прокравшись к нему на цыпочках, прислушалась к ровному дыханию. Он исполнил моё желание, устроившись на краю кровати. Одеяло не взял и даже не разделся полностью, оставшись в рубашке и шароварах.

Выглядел он вполне мирно, и я решила рискнуть.

Рассвет уже окрасил небо в розовые тона, когда я проснулась. По ощущениям прошло часа три, не больше, за пределами комнаты было все так же тихо, и я, наверное, могла продолжить спать, если бы не одно обстоятельство. Рука. Она лежала у меня на боку, ненавязчиво прижимая к чужому телу. Комфортно так, тепло и уютно. Мне понравилось.

Я пролежала ещё пару минут, прежде чем сообразила в чьих объятьях нахожусь и моё состояние не перешло от “прекрасно” к “так дело не пойдет!”

Надо было выбраться незаметно. Как известно — то, чего он после не вспомнит, можно считать, не происходило!

Извиваясь как змея, я постаралась выскользнуть из хватки Карающего, но это было не

так уж и просто. Рука оказалась тяжелой и выпускать меня не желала, притянув ближе, стоило только шелохнуться. Пропать! Замерев на пару секунд, я предприняла повторную попытку, все-таки увенчавшуюся успехом. О да, я сделала очень хитрую вещь! Как ниндзя вынула из-под головы одну из подушек и подсунула её вместо себя, ожидая, что на этом моменте он и проснется, но мне повезло! Кайрин спал как убитый.

Здравствуйтесь, а вдруг нападение? А вдруг война?

Перекатившись с пятки на носок, я посмотрела на него в утреннем свете. Он устал, жутко устал. Длинные волосы разметались по подушке, открывая четкий профиль, идеальную линию скул и шею. Фарфоровую кожу портили бордовые засосы, которые я вчера не заметила. Придуть бы его...

Для такого поступка я была слишком гуманна, зато у меня появилась другая идея. Не иначе как я с утра плохо соображала...

Найдя оставленную Рахиль косметику, я вооружилась кисточкой, и нет, не сделала ему фантастически модный макияж, хотя соблазн был велик, просто решила последствия бурной ночи замаскировать.

“Сейчас я тебе помогу, дружочек” — злорадно подумала про себя, досадуя, что предоставленные мне материалы, заменяющие тут тоналку, не вполне подходят под светлый тон кожи. И да, Кайрин едва ли отреагировал. Буркнув что-то бессвязное, он подмял под себя подушку и перевернулся на живот, затруднив мне работу. Кончиками пальцев я убрала с его щеки светлую прядь, удивляясь почему это дается мне так легко, возможно дело было в том, что спящим он казался почти безобидным.

Тревога растаяла вместе с первыми лучами солнца, и мне нестерпимо хотелось самой до него дотронуться, будто происходящее было частью сна.

Я отодвинулась, свесив одну ногу на пол. Безумие. На кой черт я замазывала ему эти синяки?! Безумие! Взгляд приковала его широкая спина, рубашка задралась, оголяя поясницу, по которой проходила неровная линия шрама. Должно быть, он начинался от лопаток и спускался вниз. От чего?

Я не стала испытывать удачу и поверять. Одно дело если Кайрин застанет меня с кисточкой в руках, и совершенно другое — лезущей ему под одежду, чтобы рассмотреть спину. Моя шутка примет слишком серьезный оборот.

Решение оказалось своевременным, потому что за дверью послышалась мягкая пружинистая поступь, и Кайрин подскочил от этого как ошпаренный. Я чуть с кровати не упала, пряча косметику у себя за спиной.

— Кто бы там не пришел, скажи им — пусть проваливаются. И что ты делаешь?

— Ничего, — не призналась я, поспешно заталкивая маленькую коробочку под кровать, — и с чего ты взял, что это к нам?

Он прищурился как раз в тот момент, когда в комнату постучали.

В принципе, не думаю, что ко мне в гости мог нагрянуть кто-то кроме Рахиль, но и для её визита было рановато. В конечном итоге, если Кайрин здесь, то и приходить ей особо не за чем.

Пожав плечами, я подняла вверх указательный палец, чтобы он помолчал. Пусть думают, что я сплю. Стук повторился.

— Детка, с тобой все в порядке?

Все-таки Рахиль. Кайрин разлегся на кровати поудобнее и кивнул. Без лихорадочного блеска в глазах и дерганных резких движений он выглядел умиротворенно.

— Да, со мной все хорошо, — хрипло отозвалась я. Затравленно получилось как-то, — что-то произошло? Можно мне ещё немного побыть одной?

Карающий красноречиво закатил глаза, без слов показывая, что он думает о моей способности спрашивать людей. В замочной скважине что-то заскрежетало, Рахиль попыталась открыть замок своим ключом, но у неё не получилось, так как с обратной стороны все ещё торчал второй.

— Пожалуйста! — Взмолилась я.

Хоть комнату в надлежащий вид приведу! И себя.

— Он с тобой? — Донеслось снаружи.

— Она не отстанет. — Прошептал Кйарин, вставая, — Ладно, я сам, мы и так уже в...

— Не надо, не впускай!

Я спряталась под одеяло, натянув его до ушей и отвернулась спиной к двери. Меня нет, я в домике. Вопросов от неё не избежать, но можно было сопоставить версии что ли, и выяснить у Карающего что вчера с ним было, ибо я сама толком не поняла.

Он все-таки открыл дверь. Хлесткий звук пощечины заставил меня подскочить на кровати и обернуться. Отголосок удара обжег скулу, свидетельствуя о том, что Кайрин либо подобного не ожидал, либо все ещё не до конца владел собой. Боль быстро прошла. Рахиль просочилась в комнату, пока он не успел опомниться, бросила на меня быстрый взгляд и чуть не заехала ему повторно.

— Что ты наделал... — Прошипела женщина, причем не в форме вопроса, а вполне себе утвердительно.

Что он наделал?! Вероятно, мы оба об этом подумали. Кайрин ни слова не успел сказать в свое оправдание, потому что женщина наступала, решив отходить его какой-то тряпкой, зажатой во второй руке. Строгая и рассудительная Рахиль превратилась в разгневанную фурию...

— Вот. Нашли под её окном! В крови. Я ведь не поверила Сиду, я думала у тебя больше мозгов!

Я опознала свою простыню в той тряпке, только когда она полетела Карающему в лицо.

Кайрин нахмурившись на неё посмотрел, наверняка припоминая момент, когда она выскользнула на улицу, а он как ни в чем не бывало закрыл окно. Черт, он ночью плохо соображал, чем это могло обернуться, но я-то вроде была в своем уме! Или нет? Должно быть, ткань испачкалась о халат, а Рахиль сложила два и два...

— Как ты это объяснишь? — Наседала женщина, — Решил последовать традициям, но забыл, что перед ними обычно идет свадьба?

— Не кричи. Не подбирать же её было, здесь и не такое случается...

Оправдался! Я даже выдавить из себя ничего не смогла от удивления.

Рахиль угостила его уничижительным жгучим взглядом, подошла ко мне и так ласково обратилась, что я сама себя пожалела.

— Бес, детка, слезай с кровати... Хочешь лекаря тебе позову? Женщину, — доверительно добавила она.

— Не надо, само заживет, — ответила, криво улыбнувшись.

— Да ничего я с ней не делал, Рахиль, успокойся! — Воскликнул Кайрин, поняв, что я тоже не спешу вносить ясность в произошедшее.

— А весь гарем теперь думает, что делал, — серьёзно возразила я, — причем ни один раз и не на добровольной основе. В принципе, я не против замужества...

У него было такое удивленное выражение лица, что я не удержалась от подкола. В нем больше не ощущалось негативных эмоций, он даже на нападки Рахиль ровно отреагировал, позволив женщине отхлестать себя простыней.

— Поясни, будь любезна, — елеинным голосом попросил Кайрин.

— Вчера Рахиль выдала меня за изнасилованную служанку, чтобы как-то оправдать внезапное появление в гареме. Все поверили, начались неуместные расспросы и мне пришлось немного подыграть. Принцесса начала допытываться кто и как, но ты не волнуйся, я имени не назвала. Однако, — продолжила, наблюдая, как его брови медленно поднимаются вверх, — многие видели куда меня заселили, и если кто-то заметил, как ты ночью сюда входил, то вопросы у них скоро отпадут.

По тому, как Карающий сжал кулаки, поняла, что незамеченным пройти в гарем ему точно не удалось.

— Что ж, клеймо позора с меня смоем только замужество!

— Зато с меня не смоем! — Он раздраженно потер переносицу.

Рахиль начала подозревать, что мне помощь не нужна.

— Брось, формально меня вообще не существует, — фыркнула, вспомнив слова женщины, и обратилась к ней, — не волнуйтесь, правда, я просто поранилась, зажимала порез простыней и случайно уронила её в окно. Растяпа.

— Жажду услышать подробности, — чопорно потребовала женщина. Ну да, я бы на её месте тоже не поверила.

— Бес стало скучно, и она решила вызвать меня к себе столь оригинальным способом, — Кайрин сдал меня с потрохами, отомстив за реплику про замужество, — не смог проигнорировать.

— Напротив! Скучно мне не было! Скорее... унижительно. Это ломало мою нежную детскую психику, о которой ты так печешься!

Я не смогла достойно ответить, получилось не так как предполагалось. Жестко. Обида прокралась в голос, не смотря на шуточный тон, за которым я её прятала.

Даже не знаю, что задевало меня больше: его ночные похождения или неменяемое поведение, которым он меня до чертиков напугал. В любом случае, это не тот разговор, который стоит начинать при посторонних. Карающий хотел что-то сказать, наверняка столь же едкое, но я его прервала. Отвернулась, подобрала с пола упавшую подушку, вытерла о подол халата заляпанный кровью нож.

— Закроем тему. Я хочу вымыться, поесть и убраться отсюда. Можно в произвольном порядке, после этого готова разбираться с чем угодно. И во что сказанное Сидом вы не

поверили, Рахиль?

Если Кайрин думал, что я забуду про упомянутую вскользь фразу, то просчитался. Он точно знал о чем она говорила, но специально не стал заострять на этом внимание в споре, а теперь, когда я напомнила, угрюмо посмотрел на женщину и коротко покачал головой. Рахиль поджала губы, приложила тонкую руку к подбородку и выдала:

— Сид передал мне послание через одну из своих дам. Сказал, что ты вероятно здесь, просил вразумить, и поведал, что в твое отсутствие Лис привел во дворец нового головореза, с которым они знатно повеселились этой ночью. Подробностей не знаю, но тебе следует поспешить. Бес может ещё погостить здесь.

— Нет, — возмутилась я, — надоело отсиживаться, моё отсутствие заметят. Кайрин, прошу тебя!

По глазам видела, что он раздумывает над предложением Рахиль, но чаша весов все-таки качнулась в мою пользу.

— Бес пойдет со мной.

— Тогда позволим ей переодеться... — Сквозь зубы процедила Рахиль, и, вцепившись в его рукав, выволокла в коридор. Босого...

То, что женщина сказала при мне не все — ясно как божий день. Как только дверь захлопнулась за их спинами, я метнулась следом и прижалась ухом к деревянной поверхности. Затаила дыхание. Тишину разбавляли посторонние звуки, доносившиеся с улицы, гул собственного сердца и обрывки беседы, но столь тихой, что невозможно было разобрать слов. Ничего.

Они предусмотрительно отошли подальше, чтобы я не смогла их услышать.

Морщась, я натянула на себя вчерашнее платье, в помятости почти не уступающее моему лицу. То и дело поглядывая на дверь, попыталась привести последнее в божеский вид, если считать таковым боевой раскрас, маскирующий меня под нормальную девушку.

Зря я осуждала Рахиль за макияж, который она вчера сделала, ибо у меня получалось ещё хуже. Мало того, что мне он совершенно не шел, так ещё и выглядел криво. Мои руки точно не были приспособлены для рисования ровных стрелок, впрочем, как и для рисования чего бы то ни было.

Чуть не заехав кисточкой себе в глаз, я тихо выругалась, рассматривая в зеркало черное пятно под нижним веком. Как бы его аккуратно стереть?

— Оставь так, у нас нет времени.

Кайрин распахнул дверь, находясь уже не в лучшем расположении духа. Рахиль рядом не было. Помнится, пол часа назад он считал, что времени у нас предостаточно.

— Я не закончила, если кто-нибудь меня увидит...

— Лучше бы ты задалась этим вопросом вчера, когда вышла из комнаты. Надень платок, я постараюсь провести тебя незаметно, пока дворец ещё спит.

Карающий бесцеремонно отобрал у меня маленькое зеркало в позолоченной оправе и внимательно посмотрел на себя. Сделав каменное лицо, я подхватила обязательный аксессуар с таким видом, будто вообще не вносила изменений в чужую внешность. Может не заметит или промолчит хотя бы... И заметил, и не промолчал.

— Плохо замазала, Бес.

— Скажи спасибо, что хоть так, — буркнула я, — вид у тебя и без того не лучший.

Самая неправдоподобная ложь в моей жизни. Кайрин подавил мученический вздох, хотя я готова поспорить, что колкость его не задела.

— Твоя наглость не знает границ, — он подошел ближе, потянул за край платка, — давай я сам, ты неправильно делаешь.

Ну уж прости! Меня в Арабских Эмиратах не растили и голову покрывать десятками разных способов не учили. Как в детском саду, ей-богу. Я скрестила руки на груди, пока Карающий молча поправлял на мне платок, повязывая его так, что теперь оставались открытыми лишь глаза.

— Это ещё что такое? — Подозрительно спросила я, — Рахиль завязывала иначе.

— Ты теперь со мной, Бес, — ответил Кайрин, сосредоточенно заправляя мою рваную челку под плотную ткань, — да и наболтала вчера много лишнего, так что... Побудешь немного моей наложницей; несвободные девушки ходят с закрытым лицом, как тебе известно.

Я едва не поперхнулась от его заявления.

— Не хочу я пополнять твой гарем!

— Зачем же пополнять? Ты его основатель, гордись.

Карающий погладил меня по макушке. Как котенка. Я даже почувствовала себя котенком, потому что мурлыкать захотелось несмотря на то, что он сделал это с намерением поиздеваться. Издеваться я тоже умела. Захотелось напомнить ему про Гелар, но я вовремя прикусила свой длиннющий язык. Даже если получится задеть его подобным, смеяться в этот момент следовало лишь надо мной. Я же реально задумалась над количеством его баб...

— О чем вы говорили с Рахиль?

Кайрин, который к тому времени начал спешно приводить себя в порядок, вновь помрачнел.

— У тебя расчёска есть, или она тебе без надобности?

Он просто не стал отвечать. Вместо этого спросил есть ли у меня расческа... Поверить не могу.

— В моей комнате. Одолжу, как только доставишь меня туда.

— Жаль.

Карающий запустил в волосы ладонь, пропуская сквозь пальцы длинные пряди и встряхнул головой так, что они легко рассыпались по плечам. Я засомневалась, что с ним можно сейчас хоть что-нибудь обсудить.

“Кайрин, у тебя проблемы с самоконтролем?”

“Погода сегодня хорошая”

“Ты напугал меня этой ночью, вел себя странно”

“Дождей не предвидится”

Он не хотел говорить мне, а значит пытаться его не имело смысла. Да что там, под пытками он тем более не сознается. У меня зародилась догадка, что проще было спросить обо всем вчера, когда Кайрин едва ли мог уследить за языком. Ночью он говорил прямо, а проспавшись начал вести себя так, будто мне все приснилось.

— Пойдем, — Карающий взял меня за руку, — все вопросы потом. Саз можешь забрать, ты хорошо поешь.

— Ты слышал! — Поразилась я, — И притворился спящим!

— Я всего лишь решил тебе не мешать. К слову, исполнять подобное перед кем-то ещё не советую, у нас нет таких песен.

Хорошо, что он не видел, как у меня загорелись уши.

— Может ты и утром не спал, когда я тебя раскрашивала?

И выбиралась из объятий, и пялилась на него как маньячка.

— С чего ты взяла?

— Ты этого не заметил!

Карин поджал уголок губ; факт был ему неприятен.

— Дело в связи. Я не воспринимаю тебя как источник потенциальной опасности.

Вот почему он отреагировал только на появление Рахиль.

Ответить я не смогла. Кайрин выволок меня из комнаты и потащил за собой. Быстро, так, что я практически не успевала за его широкими шагами. Общий зал радовал непривычной тишиной, но мы все равно спешили, стараясь не попасться кому-то на глаза. По лестнице я чуть ли не скатилась, когда вынуждена была перескочить через две ступеньки.

— Можно помедленнее, пожалуйста? У меня все болит. Я не лошадь, чтобы пускать меня в галоп.

Именно из-за лошади и болело, кстати. В основном пятая точка, пострадавшая в результате скачек и прыжков через препятствия, которые я устроила, решив прокатиться на Штиле. В состоянии относительного покоя это не сильно меня волновало, но стоило напрячь мышцы, как я сразу почувствовала на себе все прелести конного спорта. Как доберусь до своих настоек — выпью все... А затем повторю, наверное, потому что это строптивное животное мне понравилось.

Кайрин обернулся, вопросительно выгнул бровь, но скорость сбавил.

Хоть что-то хорошее, а то я думала, что запутаюсь в этой юбке. Платье сковывало движения, шили его не на меня, и излишне длинный подол волочился по полу, собирая за собой всю пыль. В связи с тем, что одной рукой я держала гриф, а второй сжимала кисть Карающего, подобрать его у меня бы не получалось, но вот наступить — вполне.

Поэтому я старательно смотрела себе под ноги и с запозданием заметила, что Кайрин остановился. Выглянув из-за мужской спины, я сочувственно послала ему лучи добра и удачи, а затем спряталась обратно. Пусть сам отдувается.

— Ваше высочество, вы меня преследуете?

— Если бы я могла... — Презрительно протянула Эллиаль, — что вы собираетесь сделать с этой девушкой? Привели одну, уводите другую. Обе рыдают.

Я сейчас молчала как рыба, но видимо принцесса припомнила вчерашний случай. Легковерная она. А вот по поводу второй у меня появились вопросы.

— Дайте подумать, — невозмутимо отозвался Кайрин, — есть множество вариантов. Какие же я ещё не испробовал? Пожалуй, мне остается только сожрать её. Нет, лучше выставлю на торги, а затем найду следующую. Люблю разнообразие, Ваше высочество.

Я за его спиной сдавленно хрюкнула, но поняв какой промах совершила, сгладила смешок протяжным всхлипом.

— Я готова её выкупить, — холодно отчеканила Эллиаль, — сколько вы хотите?

— От вас мне не нужны деньги, принцесса, уйдите с дороги.

— Назовите любую стоимость.

— Вы столько не заплатите.

От Карающего волнами исходило раздражение. Искрящееся, колкое, мне казалось, что можно ощутить его всего лишь притронувшись к коже. Оно будет наощупь как заледеневшее на морозе железо.

Эллиаль выдержала паузу, но сдаваться не собиралась. Она уверенно стояла в проходе, перегораживая выход своим телом, и чтобы пройти мимо, необходимо было подвинуть её

силой.

— Сколько?

— Как насчет самоуважения и гордости, Ваше высочество?

— Прошу прощения, я вас не понимаю. — В голосе принцессы послышалась растерянность.

— Разденьтесь, встаньте на колени, убедите меня в том, что вы предлагаете выгодную сделку. Здесь никого нет, ваша репутация не пострадает. Только самоуважение.

Кажется, Кайрин перегибает! Уцепившись за край его накидки, я одернула Карающего в прямом смысле этого слова. Он вздрогнул, повел плечами, отмахнувшись от меня как от надоедливой мухи.

— Я — невеста императора. Смею напомнить, вашего отца.

— И что? У нас дикие обычаи, варварская страна. Отец не отменит свадьбу, даже если узнает об этом. Меня тоже виновным не сочтут, ведь вы инициатор, принцесса. Будете приступать? Поторопитесь.

Карающий сказал это таким тоном, будто его задерживали на работе в обеденный перерыв. Пара коротких шагов и Эллиаль отступила в сторону. Мы прошли мимо; я видела, как принцесса старательно опускает взгляд. Стыдно смотреть на меня?

— Не переживайте, Ваше высочество, я того не стою, — попыталась приободрить девушку.

— Прости... — Губы принцессы задрожали.

— Как трогательно... — Вставил Карающий.

Мне даже захотелось чем-нибудь его треснуть.

— В вас нет и части от своего народа! — Донеслось вслед.

К моему величайшему удивлению, больше нам путь никто не преграждал, если не брать в расчет несколько слуг, пару безэмоциональных стражей, и одну крысу, проживающую в недрах тайного хода. Охрану, которая ещё вчера дежурила у моих дверей, Кайрин отослал, пока я дожидалась его в компании здорового грызуна.

— Прошу, — он галантно распахнул дверь своих покоев, — сегодня от меня ни на шаг. В связи с тем, что ты вчера никому не открывала, твоя одежда тоже здесь. Ванную надолго не занимать. Что предпочитаешь на завтрак?

Я заторможено молчала.

— Хорошо, выберу на свой вкус.

— Ты редкостный козел, знаешь об этом? — Меня все-таки прорвало, — А если бы Эллиаль согласилась?

— Не хочу принижать твои многочисленные достоинства, но ты сама веришь в это, Бес?

Честно говоря, не верила. Но! Меня терзали смутные сомнения, что принцесса не до конца осознавала, чего от неё просят. Бледная как полотно, она жалась к стене, но старательно строила из себя смелую и решительную ради того, чтобы защитить незнакомку, которую видела первый раз в жизни. Эллиаль не просто сказала, что поможет мне, она действительно попыталась это сделать.

— Не обманывайся милым личиком, — Кайрин почти угадал мои мысли, — принцесса может быть опасной, когда захочет. По дороге во дворец она не постеснялась испытать на мне магию крови. Ей хватит нескольких секунд на то, чтобы убить обычного человека. Тебе ясно?

Я медленно кивнула. Может и правда не стоило её жалеть? Я ведь и сама приложила

руку к этому скромному по большим меркам запутиванию.

— Хорошо, тогда поторопись сменить образ. Я почти выполнил условия, после которых ты согласишься работать.

В ванной у Карающего я уже гостила, но тогда было не до разглядываний обстановки. Сейчас же с интересом изучала разные баночки-скляночки, выставленные на полках аккуратными рядами. Теплая вода подействовала на меня расслабляюще, и выходить я не торопилась. То, что Кайрин педантичен до невозможности, я заметила уже давно, но только сейчас задалась вопросом: “Как он меня вообще терпит?”

Я, разумеется, неряхой себя не считала, но и бутылки с шампунями в “алфавитном” порядке не расставляла. А вот он — да. Всевозможные емкости, стоявшие у зеркала, были рассортированы по цвету и размеру, представляя собой систему, понять которую я не могла. Но то, что она существовала — факт.

Боже мой, это был тот момент, когда у парня больше разных средств для ванной, чем у тебя. Да я, признаться, и дома столько не имела! У меня был шампунь, гель для душа, парочка кремов, бальзам для волос и, собственно, все... У Кайрина же в наличии штук двадцать флаконов с неизвестным содержимым.

Я в них не лезла, воспользовавшись лишь мылом, сиротливо оставленным на бортике ванной, но внезапно подумала: “А может быть, стоит?”

Укутавшись в чистое полотенце, задумчиво почесала подбородок. Пока в дверь никто не ломился, настойчиво рекомендуя покинуть помещение, так что я решила, что у меня есть и время, и основание. Думать о подобном не хотелось, но факты указывали на то, что возможно он что-то принимал.

В катакомбах, я поймала Кайрина с поличным, но он списал все на действие обезболивающего. Отпирался не вполне правдоподобно, но в результате я рассудила, что если он и воспользовался чем-то помимо лекарственных средств, то сделал это обоснованно.

Вчера у него оснований не было, но поведение напоминало мне о том случае.

Спрашивать напрямую повторно я опасалась, и все же...

Руки сами собой потянулись к флаконам. Как опытная экономка я проверила полки на наличие пыли, чтобы ненароком не оставить следов, и убедившись, что они чисты как слезы младенцев, принялась рассматривать пузырьки. По очереди. Дабы не нарушить фэншуй.

Надеюсь, он не держит ядов в ванной комнате! Разумеется, пробовать что-то на вкус я не собиралась, но решила все понюхать и посмотреть на консистенцию. Мало ли, вдруг найду в одной из баночек подозрительный белый порошок! Шутки-шутками, но я нацелилась на поиск чего-то неизвестного, странного.

Ни на одном флаконе не было каких-либо этикеток или надписей, но я была уже достаточно натаскана в области местных лекарственных настоек и мазей, чтобы опознать их по внешнему виду.

Исследования привели к спорным результатам. В тех склянках, что побольше, а это почти две трети, я не нашла ничего кроме косметических средств. Даже позависала несколько минут, наслаждаясь приятными запахами. Кайрин предпочитал ненавязчивые ароматы, похожие на шалфей или мяту, а одно из эфирных масел пахло как свежий, чуть горьковатый грейпфрут.

В одной из баночек я действительно обнаружила порошок, но моментально опознала в нем зубной, ибо у самой был такой же. Отсыпала себе немного, решив, что он не обеднеет и воспользовалась, почистив зубы пальцами за неимением собственной щетки.

На второй полке находились более мелкие сосуды из мутного стекла и вот с их содержимым возникли сложности. Одно средство я и правда сочла за обезболивающее, во втором угадывалась голубоватая заживляющая мазь, которую тоже позаимствовала, нанеся на порез, а вот что находится в ещё нескольких флаконах я понять не смогла. Жидкости не выделялись ни цветом, ни запахом, и только в одной из них плавал тонкий стебель неизвестной травы.

И на что я надеялась? Подозрительным ничто не выглядело. К тому же, стал бы он пускать меня в свою ванную, зная, что там на виду лежит что-нибудь компрометирующее?

Одеваясь, я все ещё внимательно осматривалась.

Может он вообще у себя в покоях ничего запрещенного не хранит? Э нет, когда Кайрин опаивал меня обездвиживающей отравой, она быстро отыскалась в его комнате, а вот в ванной её сейчас не было. Там он хранил только безопасные, пусть мною и непознанные, настойки.

Вернувшись уже полностью одетой, я уступила Карающему ванную находясь в состоянии отрешенной задумчивости. Он моё настроение никак не прокомментировал. Может предполагал, что я все ещё размышляю над произошедшим с принцессой, но приступ женской солидарности у меня уже успел пройти, а вот волнение на его счет продолжало здравствовать.

“Стоит обыскать его комнату, пока есть такая возможность!” — вспыхнула гениальная мысль, но я быстро её отбросила. Перспектива оказаться застигнутой на копании в личных вещах меня точно не прельщала. Риск был велик, а что искать я все ещё представляла смутно.

Затея изначально была провальной! Доказательств у меня не было, и я вряд ли смогла бы добыть их с помощью обыска. Видов местных наркотиков я не знала, способов их употребления тоже и, вероятно, не смогла бы опознать до тех пор, пока кто-нибудь в них пальцем не ткнул.

На самом деле я не хотела ничего находить, чтобы иметь возможность списать все на свою мнительность. Мне требовались факты, а не самовнушение, позволяющее поверить в хороший исход.

В дверь постучали.

— Кто? — угрюмо бросила я.

Гость несколько секунд раздумывал над ответом, а потом изрек голосом Сиды:

— Совесть.

— Совесть может проваливать, я её не звал.

— Тебе еду принесли, с собой забирать?

— Нет, постой.

Впускать Сиды пока не хотелось, а вот свой завтрак я упустить не могла.

Молчаливый слуга вошел в комнату первым, а за ним просочился этот змей. Двигался страж неторопливо, почти лениво, но безмятежный оскал, который он нацепил на своё лицо, намекал, что парень не против на кого-то броситься. Сделала вид, что не обращаю на него внимания, и вежливо поблагодарив неброского юношу за принесенный поднос, развалилась в кресле.

— Что? — Я бросила на ванную оценивающий взгляд. Слышимость там не такая уж и плохая.

— Это я должен спросить тебя, что ты здесь делаешь и где был вчера! — Возмутился

Сид.

— Отсидживаюсь, разве не видно? А где был, там уже нет. — Нелепо съехала со скользкой темы.

Как объяснить своё исчезновение, я так и не придумала. Напрасно. В парне прослеживалась легкая нервозность, которую он уже не пытался скрыть за фирменными шутками.

— Стой! — Я вскинула вверх правую руку, предупреждая поток ругательств, — Меня уже отчитали, незачем повторять по второму кругу.

— Только отчитали? — Прищурился Сид.

Подозрительный он какой-то, всматривался странно, будто пытаюсь заметить во мне какие-то изменения. Я ответила тем же, прикидывая, ответит ли страж правду, если я его буду расспрашивать по поводу наркотиков. Не здесь.

— А что ещё?

— Он советовал прибегнуть к порке, Бес. Но я решил пощадить тебя в связи с тем, что с физическими наказаниями ты и сам неплохо справляешься.

Карающий расслабленно прислонился к дверному косяку, но напускное спокойствие не могло скрыть от меня то, что появлению Сиды он не рад.

Страж в свою очередь тоже не спешил пожелать кому-нибудь из нас доброго утра.

В их обществе стало вдруг неудобно, будто меня запихнули в тесную клетку вместе с тигром и волком, которые ходили по кругу и угрожающе рычали, выясняя кому достанется добыча. Плохое сравнение, конечно. Добычей я не была, и скорее всего являлась не единственным поводом для столь прохладного отношения друг к другу.

— Надеюсь, ты не для этого сюда пришел? — Все-таки продолжил Кайрин, так и не получив ответа на прошлую реплику.

Прозвучало с нажимом, но Сид быстро справился с удивлением, которое промелькнуло на его лице.

— Тогда я бы отправился в комнату к нему, а не к тебе. Не знал, что найду вас вместе. Бес потом расскажет мне увлекательную историю о своем таинственном исчезновении. У меня есть более важные новости.

Я в ответ на это спорное утверждение лишь пожала плечами, страж говорил так, будто ходить к нему на исповедь — было моей постоянной обязанностью. Не дождется.

— Я получил твое послание, Сид, и не понимаю, почему оно должно меня волновать? Лис любит приковывать к себе всеобщее внимание, когда появляется во дворце, и я устал искать тайный подтекст в его выходках, потому что он почти всегда руководствуется одной единственной целью — развлечься. А ты, — Кайрин бросил на меня хмурый взгляд, — ешь, после побеседуешь со своим старым знакомым.

То, что мне сегодня предстоит свидание с Микой мы уже обсудили. Карающий прошелся по комнате и встал позади, положив руки на спинку моего кресла. Я почувствовала, как капля воды, упавшая с его влажных волос, щекочет мне шею, скатываясь за воротник. Стушевалась, поняв, что сидеть в присутствии учителя мне, наверное, не по статусу, и сползла на ковер, освобождая хозяйское место.

Я уместилась рядом со столиком, сглатывая слюну. Переживания и проблемы мигом вымелись из головы, стоило только оказаться поближе к еде. Ещё горячие лепешки с сыром и зеленью, пышный омлет, кувшин с молоком и пирожные...

Последнее порадовало больше всего! Кайрин решил возместить мне утерянны,

предположительно отравленные, присланные принцем сладости? Скорее всего с ними было все в порядке, но притрагиваться к подарку я все равно не желала, хотя и облизывалась. Не себе же он их заказал? Карающий вообще к еде не притрагивался. Тяжело вздохнула.

— Без тебя есть не буду, — заявила я, переплетая пальцы, чтобы они не тянулись к столу раньше времени.

У меня создалось впечатление, что если он впряжется сейчас в какое-нибудь экстренно-важное и не терпящее отлагательств дело, то про еду забудет точно так же, как забывает про сон. Он упорно делал вид, что не голоден, не устал, все земное ему чуждо, и вообще он — железный. Помирать будет — не скажет, это я уже выяснила, и потому вперилась в него взглядом, намекая, что у нас договор, и пока я не поем, с места не сдвинусь.

Как ни странно, подействовало. Кайрин опустил в освобожденное мной кресло, зацепил вилкой кусочек омлета, и угрюмо осведомился:

— Доволен?

— Пока не вполне... — Я покачала головой, не спеша откусывая от лепешки.

Сид прокашлялся, скромно оповещая, что он ещё не ушел, а про него уже забыли. Так оно и было в принципе, я чуть не подавилась, когда наконец решила обратить на него внимание. Лицо у парня было, мягко сказать, слегка подозрительное, по чему я поняла, что образ мой трещит по швам. Дожевав, поспешила исправиться:

— Ты тоже можешь присоединиться, я поделюсь, не люблю завтракать в одиночестве. И мне новостей никто не докладывает, можно подробнее рассказать?

Парень от приглашения отказываться не стал, без стеснения сел на пол прямо напротив меня, и начал так многозначительно пялиться, что я убедилась — давиться буду ещё не раз. Проклятье, как же теперь в его глазах свою несуществующую мужественность возродить? Я повела себя как девушка, привязавшись к Карающему со своей заботой.

Я даже сидела как девушка, поджав под себя ноги и выпрямив спину, ела как девушка — осторожно, стараясь не испачкаться. Да я выглядела слишком манерно для парня, если посмотреть со стороны!

Мысленно выругавшись, я поменяла позу, скрестив ноги по-турецки. Скривилась, случайно задев бедро, и запихнула то, что осталось от лепешки в рот целиком. Идеально. В довершении ко всему облизала пальцы.

Кайрин, кажется, хотел мне подзатыльник отвесить. Не знаю как ещё расшифровать зависшую в воздухе руку, которой он хотел взять что-то со стола и нечитаемое выражение лица?

— Не делай так больше... — Сдержанно произнес он. — Если увижу подобное на приеме в честь помолвки, действительно выпорю.

Я в угрозу не поверила, но сообразила, что перестаралась. Расслабившись, махнула рукой на волчьи взгляды Сида и постаралась вести себя как обычно — в меру невежественно.

Страж на удивление тоже сообразил, что проявляет слишком много внимания ко мне. Отвернувшись, он предпочел вернуться к делу.

— Лис решил завести себе раба. Нет, он завел себе бойцовскую псину! — Выплюнул парень, — Назвал его дишкари — безумным песчаным демоном, и утверждает, что это он и есть.

— И как же выглядит демон? — Кайрин усмехнулся, скептически выгнув бровь, — У него есть рога или хвост?

— Ничего такого не заметил, но и лицо своё он скрывает.

Меня новость особо не тронула, я слушала молча, больше внимания уделяя пирожным. Мне одного знакомства с Лисом хватило, чтобы понять — даже если он притащит во дворец слона, я не удивлюсь. Его интерес ко мне вызывал опасение, но обвинять принца во всех смертных грехах у меня не было никаких оснований.

— Многие же покупают рабов для охраны. Клеймо не позволит предать хозяина, содержание дешевле обходится. — Буркнула я, — И вряд ли тот мужик, с которым Лис встречался на площади, торгует демонами. Может Его высочество решил сэкономить на наемниках?

— Умник, естественно не торгует, — передразнил страж, — потому что демонов не существует. Гафур неплохо устроился, выращивая из своих рабов безжалостных убийц. Так же он имеет авторитет среди организаторов подпольных боев, но с детскими страшилками его ничто не связывает.

— Подпольных? — полюбопытствовала я.

— Незаконные, Бес, — вмешался Кайрин, — устраивать схватки между рабами не запрещено, но не все соблюдают правила. Бедняки не могут позволить себе сделать ставки, поэтому закладывают жизни. Некоторые даже рискуют принимать в боях непосредственное участие, за это платят больше. Свободными оттуда возвращаются не все.

— Да и живыми тоже, — хохотнул Сид.

Я все ещё не понимала почему бои незаконные.

— У тебя довольно посредственное представление о рабстве, Бес. Что бы ты там себе не вообразил, но каждый житель империи подчиняется Его величеству, и не может передавать свою жизнь в собственность частным лицам. — Менторским тоном начал Карающий, — Большинство рабов — преступники и родственники мелких правонарушителей, решивших откупиться от возмещения штрафов женами или детьми. Они поступают в полное распоряжение короны, только после этого выкупаются работорговцами и вновь перепродаются. Если ты задолжаешь не государству, а, предположим, своему работодателю, то добровольно отдаешь себя в руки законников, которые и погашают долги. Если частное лицо настаивает на том, что должник должен перейти к нему в собственность, то после определенной проверки он сам выплачивает налог короне.... Ясно?

Кайрин закончил речь; я кивнула, усваивая информацию. Да, я как-то проще это все себе представляла.

— Короче, — почесав переносицу, сделала вывод, — организаторы подпольных боев уклоняются от налогов?

— В точку, — Сид щелкнул пальцами и украл у меня последнее пирожное, — некоторые работорговцы умеют обходить закон. Не спрашивай, чтобы нанести клеймо нужно обладать определенным уровнем силы и умений. Я не вдавался в особенности процедуры.

— А нельзя их прижать? — перевела взгляд на Карина, — Вы же об этом знаете... Облаву устроить...

Ляпнула и сразу поняла, что какую-то глупость сморозила. Карающий посмотрел на меня так, будто я ему предложила карманников на рынке самолично ловить.

— Во-первых, я не занимаюсь делами, которые не несут прямой угрозы для безопасности империи и Его величества. Вопросами торговли, включая торговлю живым товаром, занимаются советники. Во-вторых, это проблема, которую арестами не упразднить.

— Объясни ему по-человечески, — вклинился Сид, — наши советники сами на подпольных боях ставки делают. Инкогнито, разумеется.

Парень сделал вид, что накидывает на голову невидимый капюшон.

— Да понял я! — возмутилась, — Только для чего такие сложности с рабовладельческой системой, если все закрывают глаза на её нарушение?

— Это незначительные нарушения, Бес. Система существует для того, чтобы выявлять одаренных. Часто в рабство попадают дети, в которых способности ещё не проснулись, но уже виден потенциал. Такие получают свободу и служат на благо империи. — Мне показалось, или Кайрин очертил кавычками слово “свобода” — Во взрослых дар обнаруживается крайне редко, но и они подвергаются проверке. Риск, что на боях случайно проиграется сильный маг, крайне мал.

— Сильные маги сами идут служить, это почетно. А слабые... Обидно, конечно, если попадут кому-то в руки, но потеря не велика, — подытожил Сид, — такие порой и не знают, что у них есть способности. Их нужно пробудить. Морока одна, торгаши подобным не занимаются. И все же, кажется, один сильный маг все-таки проигрался на подпольных боях до трусов!

Карин запрокинул голову назад, расслабленно прикрыл глаза.

— Полагаешь, стоит проверить?

— Парень может и не демон, но потенциал у него есть.

— Да что произошло? — Вновь влезла я.

— Лис натравил своего песика на некоторых участников, и тот отделал их. Многие были одаренными.

— Ты преувеличиваешь, — перебил Кайрин, — среди этих “счастливиц” не было ни одного с боевыми способностями, хорошо натасканный воин мог с ними справиться. Но это вызов, ты прав, пострадали дети аристократов.

Я задумчиво прикусила губу. Учитывая, что сам принц способностями обделен, он поступил более чем опрометчиво, решив расправиться со знатью подобным способом. Его положение и так держалось на одном лишь происхождении, портить отношения с обитателями дворца ему ни к чему.

— Ставлю на то, что Дискаль замешан, — предположил Сид, — никто из его приближенных не пострадал, и он похоже искал тебя, Бес... Фалиан рядом с ним ошивался.

— Так мне повезло, что я вовремя смылся? — Одарила парня ослепительной улыбкой.

— Со мной тебе ничего бы не угрожало! — Возмутился страж.

— Ага, — ехидно протянула я, — точно.

— Сколько ты мне будешь тот случай припоминать!? Я не думал, что все так обернется.

— Вот именно! Не думал. Ты решил устроить спор, в результате чего меня чуть не убили! Может выплатишь мне компенсацию? Ведь это была “простая прогулка на которой мне ничего не угрожало”

— Ты не нашел нужное воспоминание и проиграл.

— Компенсацию.

— Мелкий, ты обзрел!

— Компенсацию, или я случай с похищением ещё год вспоминать буду. Я тебя на весь дворец прослаблю, Сид. Подозреваю, ещё не все знают, что ты с обычными наемниками справиться не смог...

И правда, почему бы и нет? Он на меня вечно обижается из-за каких-то высосанных из

пальца причин, а между тем пострадавшая сторона тут я. Страж чуть рот не открыл от изумления. Точнее, открыл и тут же захлопнул, сжав губы в тонкую линию.

— Прекратите, — простонал Кайрин, — голова от вас болит.

Мы с Сидом переглянулись. Парень молча потянулся к поясу, отстегнул ножны и бросил мне свой счастливый кортик. Я поймала на лету, удовлетворенно рассматривая добычу.

— Только не поранься, — буркнул страж. На лбу у него при этом читалось: “Он слишком хорош для тебя и вообще от любимой бабки в наследство достался, может вернешь обратно?”

Карающий посмотрел на кинжал из-под полуприкрытых век.

— Не жалко?

— Красивая железяка, он давно потерял былую стоимость, — тут же пошел на попятную Сид, — пусть ребенок радуется.

— А что, раритетная вещица?

Я любовалась на вынула кортик из ножен, примерилась к рукоятке, любуясь черным, отполированным лезвием.

— Старая, для убийства демонов, — пошутил парень.

В дверь снова постучали, прерывая разговор. Кайрин встал, мимоходом потрепав меня по голове.

— Я потом расскажу тебе эту историю.

Приложив палец к губам, чтобы Сид не решил ляпнуть что-то в неподходящий момент, я прислушалась к разговору, но он длился не долго. Прошло несколько секунд, прежде чем Карающий вернулся, пробегая глазами по короткому посланию.

— Срочное совещание, и ты, — кивок в мою сторону, — остаешься здесь.

На совете мне делать было нечего, но и сидеть в комнате, дожидаясь возвращения Карающего, я тоже не хотела. В конечном итоге на улице давно светило солнце, их продиктованная дикими обычаями ночь прошла, и напасть на меня в пределах дворца никто бы не осмелился. Сама лезть в неприятности я больше не собиралась, но и таскаться только за ним, как привязанная, не могла.

Кайрин удивился, когда на его команду “сидеть”, я ответила твердое: “Нет”

— Нет?

— Нет.

Сид с интересом наблюдал за нашими переглядками. Это забавляло его первые десять минут, но потом спор начал затягиваться, и страж скис, трагично уронив лицо в ладони, пока мы с Карающим как два упертых барана выясняли отношения.

— С Микой я могу поговорить и без твоего надзора, — взвилась я.

— Его дар резонирует с твоим, допросить его без меня ты не сможешь.

— Я не буду к нему лезть, просто пообщаюсь.

— Расскажешь, что приложил руку к убийству его отца? — Вопросил Кайрин.

Спокойное равнодушие в его голосе пригвоздило меня к полу. Это был удар под дых, болезненный и точный, заставивший меня проглотить язык. Ладони вспотели, став липкими и холодными. Смотреть на них не хотелось, только вытереть, быстрее вытереть о жилет, потому что мне вдруг показалось, что кровь с них я так и не смыла. Она все так же пачкала пальцы бурыми пятнами, избавиться от которых я не смогла бы, даже содрав их с рук вместе с кожей.

Иршад был уродом, но для Мики он оставался отцом. Отцом, который заботился о нем как умел, и осознание этого подавило все доводы разума, которыми я отгораживала себя от причастности к его смерти. Мне было плевать чем руководствовался Дисмаль, убивая моего друга, я просто мечтала ему отомстить, сразу же, как только подвернется удобный случай. Так почему же Мику должны волновать мои мотивы?

Кайрин улыбнулся. Улыбка не затронула его глаза, она не была веселой. В ней чувствовался приторный вкус превосходства, приправленного снисходительной горечью понимания. “Как я и думал” — вот, что означала его улыбка. Он знал, что я трусливо прячу все болезненные воспоминания где-то на задворках своей памяти, но стоит копнуть глубже, вытянуть их на поверхность, и мое самообладание разрушится как карточный домик.

У меня был собственный ящик Пандоры, в котором хранились воспоминания о доме, имена, образы, лица... Открою, и они обрушатся на меня, погребут заживо, похоронят не под землей, но под своей могильной тяжестью.

Карающий мне напомнил о нем.

— Такие подробности Мике знать не обязательно, — собравшись, ответила я, — если не справлюсь с этим без тебя, мы повторим. В противном случае, можешь запереть меня в камере и выпускать только тогда, когда тебе угодно.

— Кхм... — вмешался Сид, — там... жриц любви из борделя собрали. Бес мог бы посмотреть на них, если ему так не терпится что-то сделать.

Я кивнула. Уверенно, вытянувшись в струнку.

— Дисмаль ведь тоже будет на собрании, ему некогда меня выслеживать?

Аргумент не стал решающим, Кайрин ещё сомневался, и я подсознательно ощущала, что он не хочет выпускать меня из комнаты не только по причине опасности. Его изнутри глодало чувство, которое я так и не смогла распознать.

— Ладно, докажи, что с этим справишься сам. Сид, проследи, чтобы обошлось без самодеятельности.

Страж, кажется, ждал момента, когда можно будет взять надо мной шефство. Уверена, что он мысленно ладони потирал.

— Пойдем, мелкий. Ты, я смотрю, очень резвый в последнее время. Может и потренируемся заодно? Мой кинжал опробуешь...

— Не переусердствуй, Сид, — холодно отозвался Карающий.

— А можно мне на конюшню зайти? — Как бы невзначай обронила я, — Ну... взять Штиля покататься? Немного.

— Нет!

— Нет так нет.

Я пыталась.

Отмашку на общение с Микой Кайрин мне так и не дал, приходилось радоваться тому, что есть. Мне разрешили посмотреть на проституток, честно говоря, не знаю, есть ли повод для торжества.

В принципе, я хотела развеяться и поговорить с Сидом наедине, но ни первое, ни второе, как-то не клеилось. Парень шагал рядом, бросал на меня многозначительные взгляды, и едва держал язык за зубами, дожидаясь, когда мы минуем главный холл, где по утрам было чересчур многолюдно.

Почетные гости продолжали съезжаться во дворец в преддверии помолвки, и я с интересом их разглядывала. Богачи. На нас со стражем, они если и обращали внимание, то лишь мимолетно, наталкивались взглядом на черную, почти траурную форму, выделявшуюся на фоне их пестрых нарядов как чернильная клякса, посаженная на манжет белоснежной рубашки, и отворачивались. В глазах мелькало то презрение, то опасение, но мне было все равно.

Я хотела поймать на лице кого-нибудь из них злобу, раздражение или узнавание, нечто, позволяющее заподозрить в госте предателя, но мои старания были тщетны.

Однако некоторые индивиды меня повеселили. Чего только стоил мужик в бледно-розовом тюрбане, любовно поглаживающий змею, пригревшуюся на его шее. Золотистая гадюка, в объёме превышающая моё предплечье, лениво скользила по нешироким плечам своего хозяина, который на вид хоть и был хилым и странноватым, но в душе наверняка являлся рискованным парнем.

— Чего кривишься? — Шепнул Сид, вычислив в толпе народа объект моего внимания, — Они не ядовитые и вялые, но зато вкусные... Не пробовал?

Я беспечно пожалала плечами.

— Не выясняю из чего состоит еда.

— Боишься испортить аппетит?

— Раньше у меня аллергии ни на что не выявили, и спрашивать, чтобы случайно не отравиться, я не вижу смысла. Если начну вдруг покрываться пятнами и задыхаться, надеюсь меня откачают. В остальном мне как-то все равно...

— Значит попробуешь, — воодушевленно решил Сид.

— Змеюку? — Прищурилась, подозревая, что он вновь прощупывает меня, проверяя на

прочность, — Да нет проблем, только пусть её как следует прожарят.

Честно, я бы эту гадость живьем проглотила, лишь бы не начинать разговоры о наркозависимости, и главное — не получать на свои догадки утвердительный ответ. Стиснув зубы, попыталась вернуть боевой настрой, сдувшийся как воздушный шарик. Выражение мученического страдания, видимо, прочно обосновалось на моем лице, потому как Сид растерял весь свой позитив и участливо поинтересовался:

— Что с тобой?

— Все в порядке. Мы можем сначала разобраться с делами?

Эта мягкая интонация, то, как страж скованно потер смуглую шею, попытавшись начать серьёзный диалог, выбило меня из колеи. Нет, лучше посмотреть на девушек, а потом начинать.

Бывших работниц “Оазиса” разместили в дальней части дворца, чтобы не беспокоить гостей. В этом крыле, по большому счету, жили одни слуги, и побывать там я так и не удосужилась. Черт побери, да где я вообще была, если так посудить? Обитала в своих покоях и на тренировочных площадках, день за днем прокладывая один и тот же путь от одного места дислокации к другому. Отклонения от плана осуществлялись лишь под надзором, в строго выверенных количествах.

Сказав, что сейчас все организует, Сид оставил меня в скромной комнате, со смотровым окном на смежный с ней зал, и когда вернулся, на вид казался весьма воодушевленным.

Я же ощущала себя важным свидетелем в детективном фильме, которого попросили опознать серийного убийцу, жесточайшего маньяка, орудующего в городе на протяжении пары десятилетий, ибо рядом с Сидом, взявшим на себя роль детектива, чего-то менее пафосного быть не могло.

Девушки, которых вывели на ковер, маньяков не напоминали, но от чего-то выглядели очень подозрительно. Я даже знала от чего!

— Почему они полуголые?! — Возмутилась я, двинув стражу локтем в бок.

Тот охнул от неожиданности. Естественно, опознать он никого не мог, а изучал девиц так, будто надеялся обнаружить орудие убийства, спрятанное в чьем-то глубоком декольте. Мне лично, крошечные тряпицы, прикрывающие самые интересные места у барышень, мешали, а ему ничего, наслаждался.

— Для достоверности! — Выдал Сид, — Они же всегда так ходят, ты смотри, смотри...

Я посмотрела. В отличии от стража, на лица...

— Понятия не имел, что их будет так много.

— Здесь собрали всех рабынь, находившихся у Иршада в собственности, к счастью, их ещё не успели перепродать.

Некоторые были мне знакомы, парочку я видела впервые жизни. В основной массе все узнавались, но смутно. Поочередно я переходила от одной девушки к другой, но пока нужной среди них так и не нашла. Стекло было мутным, рабыни нервничали, озираясь по сторонам, и я начала подозревать, что ничего путного из этой идеи у нас не выйдет. Девушку из видения я бы узнала, её здесь попросту не было.

— Соберись, — попросил Сид.

Я разозлилась.

— Я слепой, по-твоему? Я её не только в видениях, но и живую видел! Та — слишком низкая, — я ткнула пальцем в ряд, — та — высокая! Третья с краю похожа, но в два раза шире оригинала. Набрала десяток кило за месяц? Не думаю! Та мускули... — я зависла, —

это разве не парень?!

Тонкокостный миловидный юноша не сразу привлек к себе моё внимание. Для рабыни, которую я искала, он был слишком высок, широк в плечах, и вообще по всем параметрам не проходил. Как и девушки, он был одет в шелка, только стоял чуть сторбившись, опустив голову вниз. Длинные черные волосы падали на грудь, посему до меня не сразу дошло, что груди то по факту и не было.

— Оу... — пробормотал Сид, — это Рад передал ребятам, что нужно собрать проституток. Вот их и собрали, исключений по половому признаку не делали.

— Какое рвение.

Я сочувствующе посмотрела на парня. В самом деле “Оазис”! Проклятый Иршад собрал под своей крышей всех, кого только можно. Экзотика, чтоб её! Нахмурившись, поняла, что парню было не до смотрин. Он плохо держался на ногах, и рабыня, находившаяся рядом, чуть ли не подпирала его собой. Она стояла чуть боком, и её губы едва заметно двигались. Я узнала Анрем.

— Сид... Его и девушку оставь. Остальные свободны.

Работа была непыльная. Ничего из того, что ему не приходилось бы делать прежде. Джинн хрустнул костяшками пальцев, вправляя сустав. Кость легко встала на место, и спустя мгновение боль перестала тревожить.

Его хозяин оказался большим оригиналом. Только они заключили договор, как принц заявил: “Нужно испытать тебя, не могу упустить такую заманчивую возможность!”

“Как угодно” — безразлично бросил Джинн.

И вот он вправлял пальцы, под ногами скулил какой-то ублюдок, а в углу рыдала девица в разодранном платье, вжимавшаяся в камень так, будто хотела в нем раствориться. Она боялась его больше, чем этого уroda.

— Хочешь её? — Поинтересовался принц, его больше занимал мужчина, которого они поймали.

Джинн усмехнулся, обратив внимание на девушку. Черноволосая, стройная, с влажными от слез глазами доверчивого олененка. Невольница дернулась под его взглядом, с трудом поднялась на ноги и ринулась бежать. Они стояли в тупике одного из многочисленных коридоров, деваться девушке было некуда, и Джинн легко перехватил её за талию. Рабыня изловчилась, зарычала по-звериному, и вцепилась ему в плечо зубами, не обращая внимания на рубашку.

Право слово, на такую незначительную помеху он уже перестал реагировать, но её поведение взбесило. На кой черт он оттаскивал того здоровенного мужика от этой безмозглой дуры? Может его общество ей было по вкусу?

Вывернув девице руку, Джинн отбросил её обратно.

— Если не хочешь, то пусть бежит. Я не занимаюсь благотворительностью, прятать её не буду, — сообщил принц.

Демонстративно заложив ладони за спину, Джинн отошел в сторону, освобождая девушке дорогу. Невольница помедлила, не веря в свою удачу, но через пару секунд бросилась прочь, скрываясь за поворотом.

— А с тобой мы ещё поболтаем, — Лис присел перед женщиной, — гордость империи, надежда и опора, только посмотрите, валяется у меня под ногами! Как тебе, друг мой?

Друг... Джинн скривился, зная, что принц не видит скептического выражения на его

лице.

— Убивать в пределах дворца запрещено! — Скаля кривые зубы, мужик на полу все ещё пытался разговаривать. Его короткая борода слипалась от крови, во впалых глазницах блестели бегающие зрачки.

— Мне кажется, ему мало... — Задумчиво проговорил принц, — Мало тебе, Зафер? Огня!

Джинн вынул из держателя чадающий факел. Мужчина взвыл, попытался перевернуться и отползти, но вывернутая под неестественным углом рука помешала ему уйти далеко.

— Ну что ты, Зафер, — Лис расхохотался, — я же шучу! Никто не собирается тебя убивать, нам с тобой, знаешь ли, вообще вредно портить отношения. Я искренне надеялся на дружбу, но до меня дошли неприятные слухи, что ты очень любишь поговорить на разные щекотливые темы. Что от меня стоило избавиться в младенчестве, к примеру.

— Нет! Я... Нет, никогда бы!

— А ещё мне нашептали, что ты метишь на освободившееся место в совете... Бред, не правда ли?! Чего только спьяну не наболтают! Ведь ты, достойный муж, представитель старинного рода, в котором из поколения в поколение передается сила, был обнаружен на грязной рабыне, которую так спешил оприходовать, что не заметил, как сам превратился в добычу. О Рахшар, снизойди до него, помоги справиться с несправедливостью! Вот оно, твое неповторимое творение! — Принц принял факел. Лицо мужчины покрылось испариной от близости беспощадного пламени, — Чувствуешь прилив энергии, Зафер? Призови землю, пусть пол развернется подо мной. Не можешь? Какая жалость... Мне определенно наврали, такое ничтожество как ты и власть несовместимы. Последний раз такое слышу, правда, Зафер?

— Да...

Лис покачал головой, не принимая ответ.

— Где вежливость, Зафер?!

— Да, Ваше высочество... — С трудом выдавил мужчина.

Принц задумчиво пожевал губу.

— Сойдет. До лекаря сам дойдешь, боюсь нам пора, мы и так уделили тебе слишком много внимания.

Лис водрузил факел на место и отряхнул рукава от несуществующей пыли. По его подсчетам должно было уже светать, а это значит, что развлечения кончились. Ночь выдалась на редкость насыщенной.

Джинн скользил за хозяином как тень, мотивы принца мало его волновали. В первую очередь потому, что он вновь был во дворце, приблизился наконец к тому, о чем думал неделями, но так и не добился желаемого. Он как полный болван всматривался в лицо каждой рабыни, что встречалась ему на пути, и с остервенением сжимал зубы, ибо все они были ему незнакомы.

— Твое занудство меня нервирует, Джинн, — принц картинно всплеснул руками, — сегодня ты вышел в свет, разве не повод для радости?

— Я должен испытывать радость, выполняя команды? Нужно было включить этот пункт в договор. Пока я не вижу отдачи.

Лис огляделся по сторонам.

— Я не могу дать тебе силу в одночасье! — Он понизил голос, — Для этого необходим тот, у кого её можно отнять. Даже будь у меня возможность сделать это сейчас, я бы не стал,

ты и так привлечешь к себе много внимания, и лучше тебя сочтут моей милой прихотью, чем потенциальной опасностью.

— Если не хотел привлекать ко мне внимание, не следовало тешить самолюбие, унижая с моей помощью богатеньких уродов, которые перешли тебе дорогу. Но я не о той отдаче говорил, ты обещал помочь мне найти девушку, хозя-я-яин.

Джинн нараспев протянул последнее слово. Принц был ниже его, слабее, выглядел несерьёзно, и никакая власть не помогла бы этому выраженному с иголки хлыщу добиться от него уважения. Теперь, когда они заключили сделку, он знал, что убивать его “высочеству” не выгодно.

— Ах, эти бабы даже из воинов делают слюнтяев, — со снисходительной мягкостью ответил Лис, — но я помню о своих обещаниях и выполняю их. В день твоего появления в Дарнасе было открыто два портала, полагаю, один принадлежал твоей подружке. На улице, без покровителя... Ей одна дорога, сам знаешь. Когда надумаешь сказать, как выглядит зазноба, я подключу работоторговцев и владельцев притонов, чтобы сузить круг поиска.

С каким бы удовольствием Джинн врезал бы принцу, но кулаки начинало жечь от одной только мысли об этом. Нельзя, нельзя, нельзя ему навредить!

— Смуглая, невысокая, — начал перечислять Джинн.

— Невидаль какая, — угрюмо заключил Лис, — может мы просто пройдемся по невольничьим рынкам, и ты всех посмотришь?

— Волосы короткие.

— Вот как... — Протянул принц, — Тогда может и стоит поискать её в самых неожиданных местах. Как зовут? Сколько лет?

Джинн не понял в серьёз он это сказал или пошутил. В какой-то момент ему показалось, что Лис приобрел задумчивый, почти меланхоличный вид, но прошла секунда, и он поменялся, став по-деловому собранным.

— Александра, девятнадцать. Да какая разница, удостоверения личности у вас не в ходу.

— Девятнадцать... Давно замуж пора. — Губы Лиса растянулись в улыбке, и неровный свет факелов сделал её по-настоящему хищной. Тени залегли в уголках рта, ровные зубы заострились, став похожими на клыки, — покупатели любят невольниц помоложе. Как бы ты её оценил? Стоящий товар?

— Что ты имеешь в виду? — Джинн угрожающе качнулся вперед.

Принц отпрянул, неловко передернув плечами.

— Руки! — Возмутился Лис, — Руки ко мне не тяни! Тебя поджечь проще чем моего ненаглядного братца.

— Ты п... — “подонок” вертелось на языке.

— Я практичный. Давай расскажу, как обстоят дела, — Нужно было успокоить этого сумасшедшего. Чутье подсказывало принцу, что он немного поторопился с принятием решений, а если быть совсем честным, то конкретно влип, — у нас ценны молодые и невинные прелестницы. Таких продают не сразу, учат манерам, игре на музыкальных инструментах, а покупают дорого. Остальные могут хорошо устроиться, если им повезет, очень сильно повезет. Так к какой категории относится твоя?

Джинн задумался. Лис же пожалел, что проявил инициативу, спрятав лицо подопечного под слоем угольных бинтов. Тот выглядел впечатляюще, как и все, чем принц любил себя окружать. Говорят, что у демонов тысяча лиц — какое захочешь видеть, то и покажет; говорят, что они быстрее ветра, и цепи их не удержат, лишь клятва; говорят, в истинном

обличии они черны, как самый грязный людской порок. Принц облачил своего демона в кожу, скрыл человечность под латами, поймал бесплотное и дал ему тело. Но сейчас образ мешал понять, что на уме у этого бешеного шакала!

— Она относится к первой. К первой категории, — выдавил Джинн, — она из приличной семьи. Занималась музыкой. Она не дикая.

Слова выходили из него с трудом, он будто выплевывал их вместе с легкими, как при надрывном тяжелом кашле.

Принц не сумел скрыть своего разочарования. Не сходилась история... Тот паренек, что таскался хвостом за Карающим, на изнеженную девицу из приличной семьи не тянул. Смазливый — да, инфантильный — бесспорно, но ещё и наглый, высокомерный, гордый. Подарок его не принял, кажется, даже оскорбился. И все же откуда он взялся?

— Вот как... — Потянув длинную косичку, заплетенную у виска, Лис взвесил все за и против. Откладывать или менять план было уже поздно, — Я проверю. В каком бы состоянии мы не нашли твою девку, надеюсь, что ты не бросишься на её владельца при первой возможности.

— Не волнуйся, хозяин, я убью его без посторонних глаз.

— Если сможешь отрастить новое сердце, то попробуй, — не сдержался Лис.

Джинн склонил голову, ожидая пояснений, но принц закрыл тему.

— Забудь.

Принц вошел в колею логичной нелогичности. Джинн привык к опасливому вниманию, с которым на него косились у работорговца, но во дворце его популярность достигла пика. Лис не скрывал какое наслаждение доставляет ему произведенный эффект, и с удовольствием рассказывал байки каждому встречному. С легкой руки Лиса Джинн превратился в сверхъестественное и жуткое существо, которое он смог заполучить с превеликим трудом.

Мальчик слуга, передавая принцу письмо, смотрел на Джинна со священным ужасом, и тот не отказал себе в удовольствии поиграть с ним в гляделки. Что написано на бумаге, он все равно понять не мог. Мальчишка не выдержал первым и опустил глаза, жалостливо проблеяв:

— Господин, я могу идти?

Лис благодушно махнул рукой, отпуская его восвояси.

— Бывал когда-нибудь на королевском совете, друг мой? — С озорной улыбкой спросил принц, — Я тоже не был, это упущение необходимо исправить! Познакомлю тебя с главными лицами королевства. Двенадцать снобов из благородных семей и дражайший братец. Всегда мечтал о такой компании.

Собственно, принца и сейчас там никто не ждал. Таких как он — бездарных вырожденков, туда с начала времен не пускали. По крайней мере, такой формулировкой воспользовался Дисмаль.

— Как будет угодно хозяину, — повторил Джинн.

Этой фразой можно было отвечать на все реплики, которые произносил Лис. Доля наемника или раба в чем-то была слишком простой. Джинну не полагалось высказывать собственное мнение на приказы, но пока никто не мог запретить думать. Большого сейчас не требовалось.

— Ты никого не узнаешь, но все равно хочешь кого-то оставить? — Сид вскинул брови.

— Там Анрем, и она не шлюха, мы работали на кухне.

— Та, что исчезла?

Я кивнула. Страж прекратил пускать слюни на женские прелести, и махнул рукой, подзывая к себе работорговца. Незнакомый мужчина стоял в отдалении. Деловито приосанившись, он бросал на нас редкие взгляды, строя из себя незаинтересованного наблюдателя, но как только понял, что нужна его помощь — вырос как из-под земли в мгновение ока, бесшумно и быстро, что было удивительно при его неповоротливой комплекции. Свободная накидка сидела на нем как на барабане, а толстые, похожие на сардельки пальцы, унизывали массивные перстни.

— Выбрали, господа? — Масляно улыбнувшись, спросил толстяк.

— Эта, — Сид указал на Анрем.

— У вас хороший вкус, — воскликнул работорговец.

Я округлила глаза, не решаясь ничего спрашивать. Похоже, мужчина не знал, для чего нам понадобилась рабыня, потому как начал расхваливать товар на все лады. Вереница красочных эпитетов и метафор, описывающих достоинства Анрем, полилась из него как из рога изобилия, так что я поторопилась прервать словоблудие.

— Сид, я попросил оставить двоих... Парня тоже.

Работорговец до этого обращавшийся больше к стражу, чем ко мне, прикинул что-то в уме, и не растерявшись провозгласил:

— Прекрасный выбор, вы не представляете какой бриллиант вам достанется... Посмотрите, какая кожа! Как молоко.

Только на этот раз убедительности в его голосе значительно поубавилось. Я застонала. Тип мне с первого взгляда не понравился, но стоило ему открыть рот, как впечатление возвелось в квадрат, переводя мужчину из разряда скользких личностей в ранг вселенского зла.

— Да ваш бриллиант сейчас в обморок грохнется!

Сид прокашлялся, привлекая к себе внимание.

— Бес, если в тебе вдруг проснулась жалость, то давай без этого. Мы договаривались на одного человека.

Кто бы подсказал, что во мне проснулось, я уже и сама начала сомневаться в правильности принятого решения, но уступать не хотела. Договаривались, значит... Точно не со мной.

— Вам придется немного доплатить. Мелочь для столь уважаемых господ!

Ах, вот оно что. Обещали заплатить лишь за одного человека! Устало потерев переносицу, я бросила взгляд за стекло. Парень напоминал мне кого-то знакомого, но я не могла вспомнить кого... И видимо Анрем он был небезразличен, если она с ним говорила.

Засунув куда подальше мысли, что о своем решении я ещё пожалею, осторожно поинтересовалась:

— Сколько?

— Тридцать золотых.

Толстяк расплылся в довольной улыбочке. За кого он меня принимает? Я на

сберегательный банк похожа?! По тому как забегали глаза работорговца, поняла, что если уж не на банк, то на избалованного простофилю.

— Сколько?! — Поразился Сид, — За каждую из девушек было предложено по пятнадцать, это уже выше средней стоимости! Да мы вам и так переплатили.

Страж, пару секунд назад недовольно крививший губы, тоже впечатлился. Позабыв о том, что вроде как пытался меня отговорить, он переключился на мужчину. Работорговец надул щеки.

— Господа, господа! Давайте разрешим вопрос полюбовно, — мужчина вышел из образа добродушного ведущего телемагазина, способного трещать о достоинствах кухонных ножей по пол часа к ряду, — Не успел я выкупить партию товара, как меня настойчиво попросили её придержать. При всей моей любви к Его величеству, я не могу вам их подарить. Стоимость оправдана, вы посмотрите на этот экземпляр, он же с побережья, за него заплатят куда больше, чем я у вас прошу.

— Если он доживет до того времени, — прошипела я.

— Молодой господин...

— Бесман.

— Бесман джан, — снисходительно пролепетал работорговец, — вы меня обижаете. Рабы совершенно здоровы, мой личный лекарь всех осмотрел. Состояние парня — исключительно его вина, спесивец отказывается есть, вредит сам себе, но его хозяин легко с этим справится.

— А вы, значит, не справляетесь?

— Видите ли, молодой господин, все формальности и проверки, связанные с приобретением этой партии, отняли так много времени и сил... Я был убежден, что все уже позади, когда получил ваше приглашение во дворец. Исключительно деловое! Я вас оставлю на пару минут, а вы подумайте.

Так это ещё и мы виноваты?! Мужик просто строил из себя идиота.

— Что за дела? — Прошептала я, как только толстяк отдалился на приличное расстояние.

— Я должен спросить зачем тебе понадобился этот полудохлый! Работорговец в своем праве. Вокруг борделя правда проводились проверки, и до того, как ты пообщался с Иршадом, мы не нашли ничего подозрительного. Теперь их можно только выкупить.

— Даже здесь бумажная волокита... И да, мне его жалко!

Может на меня повлияла принцесса, которая решила выкупить незнакомую рабыню, увидев, что с ней плохо обращаются? Пожалуй. Я чувствовала себя циничной скотиной, которая осуждала рабство, но не делала даже малости, чтобы кому-то помочь. Я не могла изменить систему, но такая мелочь была мне по силам.

— О, Рахшар... Сказано тебе было: “Без самодеятельности”

— Мне уже и шага без разрешения сделать нельзя? Его такая жизнь явно не устраивает, если он сдохнуть хочет. Я бы тоже хотел. Мне же положено жалование, верно? Все равно мне некуда его девать. Выкуплю его и пусть катится на все четыре стороны. Уважаемый, — я подозвала к себе работорговца, — мы решили.

А хватит ли мне того самого жалования? Карающий вроде как завел мне счет, но мне в голову не приходило им интересоваться и обналичивать. Вроде хватало. Толстяк вновь оказался рядом.

— Хорошо, — вздохнул Сид, — мы согласны выкупить парня за двадцать золотых. У

него нетоварный вид, много хлопот, может он ещё и буйный?

— Что вы! — Оскорбился торговец, — Помилуйте, я и так снизил цену.

— Но вы же им не занимались, были очень заняты, верно? А уже цену выставляете. Я чувствую, мы уделили вам недостаточно своего внимания. — Печально изрек страж.

Толстяк побагровел, нервно промокнул лоб белоснежным платочком, смекнув, что ему намекают на очередную проверку.

— Двадцать пять.

— На молодого господина оформляйте, так и быть, я оплачу за него, — едко осклабился Сид, — а то, пока он будет со своими финансами разбираться...

Я вспыхнула до кончиков ушей. Знал ведь гад, что я ничего в этом не смыслю.

— Я отдам все!

Страж махнул рукой, ситуация его уже порядком утомила.

— Натурой отдашь.

— Чего?!

— Информация, Бес, информация. Расплатишься ей.

Работорговец расслабленно выдохнул, сойдясь с Сидом на приличной сумме. Похоже он покривил душой, когда говорил, что занижал стоимость. При нем я спор продолжать не стала.

— Пойдемте, — толстячок поманил меня за собой, — вы, верно, впервые кого-то покупаете, Бесман джан? Не волнуйтесь, в этом нет ничего сложного. Пара формальностей, и вот они уже слушаются вас как шелковые. Достаточно устного приказа, и они сделают, что пожелаете!

По мне так заметно, что я нервничаю? Ладони вспотели, я глубоко вздохнула, пытаюсь удержать на лице спокойное выражение. Сида моё поведение забавляло, и подсказывать, как себя вести, он посчитал излишним. “Захотел взять на себя ответственность, вот и разгребай все сам!” — говорил его отстраненный вид. Ну и ладно.

Работорговец вещал без умолку, описывая плюсы своего ремесла, ибо минусов по его скромному мнению у него не было.

— Понадобится капля вашей крови, чтобы настроить поводок, и какая-нибудь вещь, которую вы не будете снимать.

— Кровь найдется, а остальное...

— Браслет? Кольцо? Серьга? — Услужливо подсказал толстячок.

Я помотала головой, и сжала правую руку в кулак. У меня было только кольцо, подаренное Карающим, но отдавать его на растерзание я не хотела.

— Желаете приобрести? — Загорелся работорговец.

— Давайте, — вмешался Сид.

— Обычно все приходят со своим, но у меня всегда с собой есть парочка безделушек на подобный случай! — Заверил мужчина.

С “безделушками” он поскромничал. Похлопав медвежьими ладошами, толстяк приказал личной охране увести лишних девиц из зала и подать ему все необходимое. Мы расположились за деловым столом в соседней комнате, и вскоре на него выложили мини-алмазный фонд из всевозможных украшений. Да ему можно хоть сейчас ювелирный магазин открывать! Неловко пошутив на эту тему, выяснила, что такой у него уже имеется. Глаза разбегались от блеска драгоценных камней и золота, мне стало перед Сидом совсем стыдно, хотя казалось, что больше быть уже не могло.

— А можно как-то их сразу освободить, чтобы без этого обойтись? — Улучив момент, когда общительный работорговец отвлекся на одного из своих людей, которому недовольно приказал привести моё приобретение в приличный вид, я, видите ли, попросила их одеть, тихо осведомилась у стража.

— По поводу освобождения будешь с Карающим говорить. Работорговцы этим не занимаются, — хмуро ответил Сид, — И как ты себе это представляешь? Выгонишь убогого на улицу? Вот оно — великодушие. Начал дело — заканчивай.

До меня только сейчас дошло, что как бы... Парня придется содержать на свои шиши, а если не содержать, то пристроить куда-нибудь. С Анрем дело обстояло иначе, она переходила в собственность дворца, а вот он — исключительно моя инициатива, и отвечать за него тоже мне.

Славно. Отлично. Чтоб мне провалиться!

Упрямо сжав губы, я сложила руки на груди. Нет уж, отказываться не буду.

— Выбрали, молодой господин?

Черт, да я в эти цапки не вглядывалась. Ткнула пальцем в маленькую сережку, самую дешевую из предоставленного ассортимента.

— Может вот этот перстень? — С надеждой в голосе предложил работорговец, глядя на меня как кот из “Шрека”. Очень жирный и лысеющий кот, — Подчеркнет высокий статус молодого господина!

— Нет! — С ужасом открестилась я от массивной печатки с сапфиром.

Оценив мои руки, затянутые в перчатки, работорговец приказал убрать драгоценности.

— Будьте добры, каплю вашей крови, — сухо попросил он. Деловые отношения кончились, больше денег вытянуть из нас уже не представлялось возможным, а значит и лебезить больше не обязательно, — ведите рабов.

— Парня ведите, — подал голос заскучавший Сид, — на девчонку просто права нам передайте. Мои люди сопровождают её куда надо.

— Надеюсь не в темницу, — обеспокоенно пробормотала я.

— Наши темницы самые комфортабельные в столице, — пошутил Сид, — не бойся ты, ничего с ней не произойдет.

Страж едва заметно покачал головой, показывая, что в присутствии работорговца устраивать вечер встреч со старыми знакомыми не стоит. В остальном он вел себя так, будто собирался смотреть интересное кино. Расслабился, закинул длинные ноги на подлокотник пустующего кресла и удовлетворенно улыбался. Работорговец проигнорировал причуды Сиды, хотя и посмотрел на него со странным опасливым выражением.

Я скрипнула зубами, стянула перчатку и уколола палец любезно предоставленной толстяком иголкой. Пара капель крови упали на украшение. Ничего не произошло.

— И?

— Кровь нужно смешать, Бесман джан. Где они?! — Прикрикнул мужчина на охранника.

— Ага, — пробормотала я, подперев щеку рукой.

Дверь приглушенно скрипнула, и два бугая втокнули в комнату это нечто, позволив рассмотреть его вблизи. Выглядел он плохо, если не сказать ужасно. Цвет кожи сливался с сероватой робой, в которую его обрядили и того же цвета полотняными штанами.

— Ведите его сюда, — распорядился работорговец.

— У него имя то хоть есть? — Спросил Сид.

— Как хотите, так и называйте...

Парень вскинул голову, из-под завесы темных волос сверкнули льдисто-голубые глаза, и я внимательно присмотрелась к лицу, поняв, что не вполне правильно оценила его впервые. Парню не больше двадцати, в росте я ему значительно уступала, но главное — он был красив. По-особенному привлекателен, не смотря на круги под глазами и жалкую, непримечательную одежду. Гладкое лицо с четко очерченными губами, острые скулы, идеальная линия черных бровей.

Сид пару минут молча смотрел на парня, потом перевел взгляд на меня.

Я сглотнула. Черт, черт, черт!

Страж подобрался, сняв ноги с подлокотника. Парня подтолкнули в спину, один из охранников схватил его за руку, вытягивая её над столом, чтобы работорговец смог её уколоть. Я словно язык проглотила, он упрямо прилип к небу, не желая меня слушаться.

— Когда наденете украшение, станете полноценным хозяином. Снять его сможете только вы, — пояснил толстяк.

Парень не отреагировал, на меня не смотрел, ничего не говорил. Но я знала, что под налетом спокойствия прячется злоба.

— Как тебя зовут? — Спросил Сид.

— Никогда не узнаешь, тварь.

Он произнес это, как только капля крови упала на поверхность драгоценного металла. Черная печать татуировки, обвивающей его бледное запястье, вспыхнула и начала стремительно бледнеть, впитываясь в кожу.

Охранника, который удерживал пленника, отмело к противоположной стене. Громила обмяк, ударившись головой о камень, а работорговец с невиданной прытью сам грохнулся под стол, прикрывая голову руками. Взвизгнул при этом как свинья.

Сид отреагировал моментально, кинувшись на раба, я тоже вскочила, скорее по инерции, чем реально соображая. Потянулась к ножнам с клинком, но не нащупала рукоятки, слепо скользнув пальцами по поясу.

— Стой! — Зарычал парень, выставляя перед собой мой, черт его побери, клинок, — Я не хочу его убивать, но сделаю это, если сдвинешься хоть на шаг. Всем стоять!

Опомниться не успела, как он оказался за моей спиной, и его холодная рука легла на горло, сжимая его так, что дыхание перехватило. Прикосновение не принесло с собой ничего кроме боли.

Страж замер, примирительно подняв ладони вверх. Ещё два охранника, дежуривших у двери, тоже не двигались.

— Никогда, никогда я больше не дамся никому из вас.

Голос раздавался прямо над ухом. Дрожащий, нетвердый. Его хриплое дыхание все время давало сбой, а грудь неровно вздымалась у меня за спиной. Парня надолго не хватит. Он выдохся, больше не мог пользоваться даром, и держался лишь на угрозах.

— Может сначала поговорим? — Сид в отличии от охранников понял расстановку сил, и начал отчаянно тянуть время.

Парень колебался, сжимая клинок до побеления пальцев.

Успокоиться. Я прикрыла глаза.

Видений не было, лишь обрывки намерений, мыслей, чувств. Он правда не собирался убивать меня, использовал исключительно как щит, чтобы никто из присутствующих не помешал его планам. Парень собирался перерезать себе горло, и он почти решился.

Захрипел от несуществующего удушья, ибо хватку он уже ослабил, я вцепилась пальцами в его запястье.

Секунда, и тело у меня за спиной как кукла осело на пол. Моим клинком парень воспользоваться не успел; кольцо сработало как надо.

— Твою мать! — Воскликнул Сид, — Что ж ты так долго! Стоять, всем стоять на месте! Бес, надевай поводок, быстро.

Охрана отмерла, но теперь на них орал уже страж. Мужчины не посмели возразить, даже товарищу своему помощь оказать не спешили. Работорговец продолжал тихо то ли повизгивать, то ли похрюкивать под столом.

— А? — Тупо переспросила я, — Ах, да...

Нашарила на столе серёжку. Мне нужно зеркало... И вымыть её, потому что кровь никуда не делась. Антисанитария какая. Мысли в голове парили как бабочки — легкие и глупые.

Вытерев украшение о рукав, наощупь продела в ухо. Как хорошо, что затянуться не успело.

— Ты, — вытаскивая из-под стола упирающегося работорговца, продолжал Сид, — “Он не агрессивный”, “Он вменяемый”. Преступление против члена императорской семьи, знаешь, к чему приводит? Но на тебя не только его повесят. Укрывательство одаренного раба. Кто организатор покушения? Отвечай!

— Я не знал, не знал, — выпучив глаза, взвизгнул толстяк, — я не понимаю вас. На кого покушение!? Да я же их недавно купил, на парне было клеймо, значит его проверили. Не моя вина, не моя! Что вы, да разве бы я смог!? Во дворце! Пощадите!

— Бес? Ты ему веришь? — С нажимом переспросил страж, — Нам стоит ему поверить? Перешагнув через неподвижное тело, я приблизилась к мужчине, усевшись на краешек стола. Нависнув над работорговцем, переплела пальцы.

— Даже не знаю...

Мы оба понимали, что мужчина невиновен, но отпускать его восвояси было бы глупо. Толстяк затрясся всем телом, круглый подбородок дрожал как жележный пудинг. Мысленно скривившись от отвращения, я взяла его за руку, отстраненно перебирая образы. Видения мелькали перед глазами подобно разноцветным оберткам от конфет, растерянный работорговец ещё не отошел от произошедшего, и читать его было легко. Сейчас он сам помогал мне, неосознанно проигрывая все в памяти, а я знала, что нужно искать. Он ничего не знал.

— Ну что ты, успокойся, — я погладила толстяка по ладони. Господи, даже именем его не поинтересовалась, — Сид... Он не стал бы так глупо подставляться...

— Не стал бы, не стал! — Энергично закивал мужчина, — Сделаю, что хотите, только не убивайте! Хотите подарю вам рабов! Всех подарю.

— Гарем из проституток? Не надо, — смягчился Сид — ты же умный парень. Ребятки твои тоже рабы? Молодец, не стал им глупых приказов отдавать. Сейчас правильные раздашь, чтобы забыли о произошедшем здесь. Это ведь и тебе выгодно, правда? Сам тоже забудь. Иначе либо рудники, либо...

Страж красноречиво провел ногтем по шее.

— Да, да... Спасибо, спасибо.

Я чуть на стол не вскочила, потому что в порыве чувств работорговец так растрогался, что начал ботинки целовать. Почему-то мои!

Разозлившись, Сид снова схватил его за шкуру, оттаскивая подальше от меня. Не став выслушивать продолжение разборок, подошла к парню, лежащему у кресла. Мой трофейный кинжал выпал у него из рук, и я подобрала его, спрятав обратно в ножны. Видимо клинок приносил удачу только Сиду, благополучно потеряв все свои качества, как только перешел ко мне.

У моего второго приобретения на запястье красовалась новая татуировка с витиеватым рисунком из переплетенных терновых ветвей, и это могло значить, что подчинение наконец мне доступно.

Присев рядом с телом на корточки, потянула его за плечо, переворачивая парня на спину. Взяла в руки прядь волос, приглядываясь к корням.

Страж, получив от работарговца пару клятв, несколько заверений и признание в вечной любви, выгнал того из комнаты. Мы остались одни.

— Ты, конечно, молодец, быстро сориентировался, но это уже перебор...

Перебор. Какое подходящее слово! Раб, купленный мной в минуту умственного затмения, имел склонность к самоубийству и выглядел как Кайрин, только моложе на несколько лет и крашеный!

— Помоги мне, не стой! — Отодвигая стол в угол комнаты, сердито бросил Сид.

— А зачем ты это делаешь? — Или он сошел с ума, или я туго соображала.

— Закатаем его в ковер. Я попросил найти Амина, он нам поможет.

— Парень ещё жив вообще-то, просто в отключке, — едко напомнила я, обреченно хватаясь за столешницу.

— Я знаю, умник! Но нам нужно незаметно вытащить его из комнаты, а во дворце полно людей. Или ты хочешь афишировать произошедшее, и распугать гостей полумертвым телом?

— Нет, конечно... — Смутилась я.

Мы принялись за кресло, и расчистив комнату от предметов мебели, синхронно переглянулись. Я утерла пот со лба, не веря, что действительно это делаю; страж выглядел невозмутимо, будто раз в неделю по расписанию людей в ковры закатывал. Хотя кто знает, может и был у него подобный опыт.

— Бери его за ноги, я за плечи возьму, — распорядился он, — подтащим его к стене и закатаем...

Тело оказалось нелегким. Никогда бы не подумала, что сухощавый, пусть и не худой парень, может сравниться в весе с тяжелоатлетом, но по ощущениям было именно так. Опасалась, что заработаю себе грыжу, когда взяла его за ноги, а я ведь работала не одна!

— Боги, — Крякнула от натуги, — почему он такой неподъемный?!

Сид усмехнулся.

— Особенность расы, Бес, у него другая плотность костей. Это тебе на будущее, а ещё, — страж нахмурился, умело располагая голову парня, чтобы тот не задохнулся при транспортировке, — ты сам слишком хилый.

— Спасибо, ты умеешь поддержать! — Я чихнула, — А-а-а... За что! Новая форма...

Под ковром обнаружился сантиметровой слой пыли, и стирка, после такого приключения мне была гарантирована. Страж тоже не торопился протирать собой грязный пол; почесав подбородок, он сорвал с кресла покрывало из тяжелой парчи и повязал его на манер фартука. Я огляделась по сторонам, выглядывая что-нибудь похожее, но в комнате остались лишь занавески. Их нужно было ещё снять...

— Ладно, дальше я сам справлюсь, — сжалился страж, все ещё не решаясь приступить к делу.

Парень не двигался и признаков жизни, помимо замедленного дыхания, не подавал, я всерьез начала переживать, что протащив его в ковре по всему двору, мы в итоге окончательно его прикончим. Впрочем, по идее так яд и должен действовать. Неужели я тоже такой была, когда Карающий меня вырубил?! Думать об этом не хочу! Жар опалил щеки...

— Какие ещё у них особенности расы? — Спросила, пока Сид, уперев руки в бока, как деревенская матрона, решил передохнуть. — И что, если на то пошло, Кайрин принимает?!

Я наплевала на тактичность. Какая тактичность, когда ты закатываешь в ковер человека, который пол часа назад угрожал тебя прирезать? Только угрожал, конечно, но от этого легче не становилось.

— Так ты тоже догадался... — Не стал отпираться Сид, — Раз уж ты теперь владелец

этого убогого, — парень символически пнул носком ботинка нашего несостоявшегося самоубийцу, — то должен знать, с чем имеешь дело.

С чем... Не “с кем”.

— Эй, давай полегче, — я возмущенно пихнула парня в плечо, — это мой... раб.

— Но деньги на него просадил именно я! Он не раб, а новая головная боль. Слушай, дети неба — они не питомцы. Особенности расы хочешь? Упертые, свободолюбивые, слишком гордые...

— Это не особенности. Если и так, то я уже в курсе! По делу давай.

— Эй, ты не сравнивай, мелкий. Карающий полукровка и воспитывался он у нас. С чистокровными дела хуже обстоят... Намного хуже.

— Ты меня запугивать вздумал, Сид?

— Больно надо. Значит, хочешь об анатомии поговорить. — Страж пожал плечами, — Название расы все само за себя объясняет. Крылья — их главная гордость, летать они умеют, не то, что мы — червяки ничтожные.

Сид шутливо запричитал не хуже бабки, разбитой ревматизмом. Я посмотрела на тело, потом снова на стража.

— Я так понимаю, это временное явление.

— А ты сообразительный, Бес! Плотность костей у них выше, потому что при обороте масса на создание новых уходит. Сам видел, как это происходит, захватывающее зрелище, правда? Но ты только начало застал, дальше ещё лучше... Тело перестраивается, мясо, кровь, оперение. У чистокровных легче проходит, насколько я знаю, а Карающего знатно ломает. И тебя ломать будет. — Жестко закончил он.

Я упала в кресло, запустив пальцы себе в волосы. Вот бы не начать выдирать их клоками.

— Понял, что тебе грозит?

— Да... — Вспоминать не хотелось, — что ты дал ему в прошлый раз?

— Название тебе ни о чем не скажет, Бес. Средство, останавливающее оборот, но он не его принимает, нет. То применимо только в экстренных случаях, симптомы оно не глушит. Каждый раз им пользоваться не сможешь. Особенность его наследственности в том, что начиная с переходного возраста, оборачиваться им физически необходимо. Чем дольше откладываешь, тем паршивее становится. Сильная боль служит катализатором, но и без неё процесс необратим. Карающий принимает какую-то дрянь, чтобы заглушить симптомы. Дурман, если не ошибаюсь... Симптомы утихают, мелкий, только он неменяемым становится.

— А нельзя это, — я неопределенно покрутила рукой, — пережить как-то. Я бы потерпел...

Наверное.

— Можно, — обрадовал Сид и тут же обломал, — только есть одна незначительная деталь. Отрацивать крылья он умеет, а вот убирать — нет. Единственный раз, когда я стал свидетелем его оборота, их пришлось отрезать. Хороший вариант, регенерация у него ускоренная, но не в центре столицы такое проворачивать, понимаешь?

— Хороший вариант?! — Я поперхнулась воздухом. Вспомнился шрам, тянувшийся к поясице. Неплохо они поработали...

Голова закружилась. Я должна была догадаться.

— Единственный, — исправился Сид, — такое под плащом не спрячешь. Даже если

отрежешь — не спрячешь. Нам вот одного чахоточного раба приходится в ковер закатывать, а ты представь, если четыре метра в размахе.

Он замолчал, позволяя мне переварить информацию, но мозг усваивал её с трудом.

— Я почему тебя о ночи спрашивал, — страж понял, что я больше не тороплюсь задавать вопросы, — хотел понять, насколько все плохо. Боялся, что он сделает что-нибудь со зла, ты же на месте усидеть не можешь, а его вывести из себя легче легкого. Ты вроде бодрячком, это радует, но ему все равно пора прекратить употреблять эту дрянь.

— Поэтому ты рассказал Рахиль? — Я вскинула на него глаза.

— Так значит ты в гареме был!

Проклятье! Я заскрежетала зубами.

— Да...

— Как вы это провернули? — Заинтересовался Сид.

Меня спасло появление Амина. Он дернул за ручку двери, и Сид пошел открывать. Страж встретил друга с распростертыми объятьями и коварной улыбкой на устах, не предвещающей для Амина ничего хорошего.

— Ты принес, что я просил? — С порога начал Сид.

Парень удивленно кивнул, еще не успев разглядеть тело, а когда увидел, тихо выругался непечатными словами.

— Мы никого не убивали, — предупредил страж, — если принес, то надевай.

Пересказав историю вкратце, он выжидающе уставился на Амина. Мне его жалко стало.

— А почему вы позвали именно меня? — Заподозрив неладное, спросил наш новый подельник, — Постой, Сид, нет, нет! Я знаю, что ты задумал! Я шпион, а не носильщик. Я похож на носильщика?

— Ты похож на метаморфа. И ты вынослив, так что не прибедряйся, переодевайся и спеленаем его, мы не стали делать этого раньше времени, решили тебя дождаться.

План у стража был прост как два пальца об асфальт. Амин — единственный из отряда, наделенный даром менять облик, должен был прикинуться слугой, и перетащить ковер из одной точки назначения в другую, то есть — ко мне. Мой же раб! Настоящих слуг мы не могли пригласить по причине того, что ноша слишком тяжела для неподготовленного человека, а звать нескольких было рискованно. Во-первых: привлечем к себе ненужное внимание. Во-вторых: их молчания никто гарантировать не мог.

Все так же матерясь, Амин принялся стаскивать с себя военную форму, чтобы переодеться в служебную. То, сколько ножей этот парень прятал за пазухой, произвело на меня неизгладимое впечатление. Он вместе с ремнем снял штук десять метательных кинжалов, которые на нем крепились, а затем вынул ещё четыре спрятанных под жилетом.

Хранить свои сокровища Амин доверил мне, потому что Сиду верить он уже опасался

Было слегка неловко смотреть на стриптиз в исполнении товарища, но потом процесс меня затянул... Главным образом из-за того, что парень никогда не менял внешность у меня на глазах, а сейчас начал делать это прямо на ходу. В отряде не принято было посвящать новичков в особенности их специализации. Как-то я думала над тем, чтобы попросить Карающего раскрыть мне эту профессиональную тайну, но потом изменила решение. Захотят довериться — сделают. Нет — не заслужила ещё. Сейчас же, глядя на то, как изменяется тело Амина, плавясь как воск, и перестраиваясь, я снова задалась интересующим вопросом: а что вообще умеет Сид? Может восполняет отсутствие дара социальной активностью?

Преображение закончилось быстро. Амин превратился в невзрачного мужчину среднего возраста, лицо которого уже начало покрываться сетью легких морщин. Поразительно...

— Оружие на себе спрячь, потом забери, — молвил чужак знакомым голосом.

Я начала застегивать на себе многочисленные ремни, к которым крепились кинжалы. Запуталась в креплении как дура.

Амин не выдержал моего копошения и принялся помогать. Я напряглась, но он не поменялся в лице.

— Все, смотри не потеряй, — с улыбкой сказал парень. Голос у него тоже поменялся. Подправил связки?

— Приступим, — поторопил Сид.

Перебраниваясь между собой, они свернули ковер в трубу, не особо волнуясь о сохранности содержимого. Страж помог взвалить Амину на плечо внушительную по моим меркам ношу, и я готова была поспорить, что хоть метаморф и не жаловался, тайно строил планы жестокой мести для нас с Сидом.

— Пропать! — Воскликнул Сид, — Волосы торчат.

— Где? — Переспросил Амин.

— Со стороны головы, естественно! Мы плохо его закатали.

— Только не говори, что его придется размотать и замотать вновь! — Пришел в ужас Амин.

— Бес, заправь их обратно, — нашел выход Сид.

Сделав пару дыхательных упражнений, по всем канонам медитации, я подошла к рулону и запрятала прядь внутрь. Она прятаться не хотела, тут же выпав обратно. Повторив ещё несколько безуспешных попыток, я решила, что её проще отрезать, авось не обеднеет.

— Так тоже можно, — ободрил страж.

— Как со стороны выглядит? — Спросил метаморф.

— Нормально, на труп вроде не похоже. Иди уже, мы тебя догоним.

Я проводила парня угрюмым взглядом, мысленно причисляя его к лику святых.

Оставалось решить, что теперь делать с телом дальше. Выждав некоторое время, мы с Сидом отправились следом за парнем, стараясь срезать путь, чтобы его перегнать.

— Сид, почему он не воспользовался магией раньше? — Задала я интересующий вопрос.

— Полагаю, Иршад запретил. Приказы старого владельца сохраняются до появления следующего. Поганец выбрал момент, когда ты ещё не мог отдавать ему свои. К тому же, сережку долго надевать, он этим воспользовался. Я не сразу поверил, что он дитя неба, не предусмотрел. Островитяне и жители прибрежных районов на них похожи, а черные волосы меня смутили. Бес, придется посторожить его до тех пор, пока не очнется. Советую взять пример с покойника, чтоб ему под землей не жилось, и ограничить своё имущество, как только сможешь.

Совет мне не понравился, но со стражем сложно было спорить.

Путь к моей комнате мы преодолели в кратчайшие сроки. Амин, как и рассчитывали, подошел несколькими минутами позже и с кислой миной спросил:

— Обновление интерьера заказывали?

Какое там обновление, если ковер не мог похвастаться не то чтобы новизной, но даже чистотой. Скрепя сердце, я пустила этот ужас в свою спальню, не зная, как буду справляться с грязью, которую они после себя оставят. Облако пыли, которое поднялось в воздух, когда

парня начали разматывать, грозило осесть на все вокруг. Как бы действительно не пришлось интерьерчик обновлять!

— Проклятье, как только он очнется, первым делом я заставлю его здесь убраться!

— Если очнется... — С сомнением изрек Амин, глядя на тело, покрытое слоем пыли.

Да он ещё больше посерел, побледнел, и выглядел теперь как будто его по проселочной дороге километров пять, привязанным к лошади тащили!

— Очнется, — обнадежил Сид, проверяя пульс пострадавшего, — Кладем его на кровать?

— Что? Нет! — Я едва сдержалась, чтобы не завопить, — не хочу её менять, она чистая!

— Так оставим? — Спросил Амин.

— Ковер надо забрать, скажешь, что не подошел, если спросят.

— Ты намекаешь, что я опять должен этим заняться?!

— Причины все те же. У нас тут раб, между прочим, не совсем законный!

— Хорошо, хорошо! Просто на пол переложим.

— Чтобы он на полу минимум до полуночи провалялся? — Усомнился Сид, — Я, конечно, жесток, но не настолько. Может помыть его? Бес?

А я... Что я? Мне на все уже было плевать. Оставлять парня валяться на полу в самом деле было жестоко, тем более что я не хотела с ним ссориться. Укладывать тело в постель было тоже жестоко, только уже по отношению к постели.

— Давай, — глухо отозвалась я.

— Вот это делайте без меня! — Воспротивился Амин, — Я лучше ковер обратно отнесу!

— Только вернись и новую одежду для него захвати.

На том и сошлись.

Каращий отправлялся на совет с гнетущим предчувствием. На следующий день была запланирована помолвка принцессы, и он как на зло умудрился испортить с ней отношения. Теперь они были не просто натянутыми, Эллиаль ненавидела его до глубины души.

“Присматривай за ней” — просил отец.

С него хватало одной неугомонной девушки, за которой нужно было присматривать.

Отличие было лишь в том, что первая его раздражала, а вторая нет. Уже нет. Привычка? Связь?

Может из-за того, что Бес была ненавязчивой? Он наконец признал, что рядом с ней чувствовал себя спокойно. Впервые за неделю он проснулся с ясными мыслями. Вывод лежал на поверхности, его просто нужно было проверить. Эгоистично держать её поближе к себе, потому что так ему становилось лучше.

В зале заседаний царил непривычный гомон, впервые за долгое время его решил посетить Император, но не его появление вызвало столь бурный эффект. Рядом с тронном отца стояла женщина.

Скромно потупив взор, островитянка смотрела в пол, словно не замечая, что её присутствие многие находят возмутительным. Кайрин уже знал о чем пойдет речь, и её исход был для него ожидаем. Вместе со всеми, он занял свое место напротив наследника, который сидел на противоположном конце зала — по правую руку от Императора.

— Прежде чем начать заседание, — провозгласил отец, — я хочу сделать объявление, и преподнести своей невесте первый подарок. По известным причинам, я не смогу присутствовать на всех церемониях приготовления к свадьбе. Поэтому моё место должен

занять один из моих сыновей, присутствующих в этом зале, право выбрать которого, я доверяю будущей супруге.

Советники вяло перешептывались, но возразить не посмели. Не нужно читать мысли, чтобы понять — с выбором у принцессы было туго. “Зло номер один” против “Зла номер два” Благодаря утренней выходке, чаша весов клонилась не в пользу Карающего. Разочарован он не был.

Принцесса тянула, поглядывая на Дисмаля, и тот довольно скалился, предвкушая победу, но его планам не суждено было сбыться.

Двери распахнулись, нарушая все правила приличия.

Чеканя шаг, в центр зала вышел Лис. За ним как тень скользил его раб.

Не дав никому вымолвить и слова, не наследный принц склонился перед императором в почтительном поклоне и произнес:

— По праву крови и праву сильнейшего победителя в Рахнамаре, я требую предоставить мне свободное место в совете.

— Я выбираю его, — в гробовой тишине вымолвила принцесса.

Больше книг на сайте - Knigoed.net